

СТИВЕН

КНИГ

ДЬЮМА-КИ

Чтобы победить Зло,
надо назвать его
по имени

Стивен Кинг

Дьюма-Ки

Текст предоставлен издательством

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=4387275

Дьюма-Ки : [роман] / Стивен Кинг: АСТ: Астрель; Москва; 2011

ISBN 978-5-17-055480-5, 978-5-271-37910-9

Аннотация

Маленький южный островок Дьюма-Ки – идеальное пристанище для человека, который пытается начать все сначала.

Так по крайней мере считает некогда преуспевавший бизнесмен, который стал инвалидом в результате несчастного случая – но зато обрел талант потрясающего художника.

Однако чем дольше живет он на Дьюма-Ки, тем более страшную силу обретают его картины.

В них таится Зло.

Но что это за Зло?

Содержание

Как рисовать картину (I)	6
Глава 1	8
i	8
ii	17
iii	22
iv	25
v	29
vi	37
vii	42
viii	43
ix	52
x	53
xi	56
xii	58
Как рисовать картину (II)	61
Глава 2	65
i	65
ii	68
iii	70
iv	76
v	84
vi	88
vii	94

viii	97
Глава 3	99
i	99
ii	100
iii	102
iv	108
v	114
vi	120
vii	124
viii	127
ix	133
x	140
xi	145
xii	151
xiii	160
xiv	163
xv	166
xvi	172
xvii	176
xviii	177
Как рисовать картину (III)	179
Глава 4	182
i	182
ii	185
iii	188
iv	194

v	198
vi	203
vii	212
Глава 5	214
i	214
ii	215
iii	222
iv	234
v	236
vi	240
Глава 6	246
i	246
ii	258
iii	259
iv	268
v	273
Конец ознакомительного фрагмента.	274

Стивен Кинг

Дьюма-Ки

*Посвящается Барбаре-Энн и Джимми
Воспоминания... это внутренний слух.*

Джордж Сантаяна¹

*Жизнь – не только любовь и услада,
Я бросаюсь на поиски клада:
Ты в игре, если ставишь монету на кон –
Знаешь сам, так пошло от начала времен,
Все мы мечемся в поисках клада.²*

«Shark Puppy»³

Как рисовать картину (I)

Начните с чистой поверхности. Не обязательно с бумаги или холста, но я чувствую, что поверхность должна быть белой. Мы называем ее белой, потому что нам нужно какое-то определение, но настоящее имя этой поверхности – ничто. Черное – это отсутствие света, белое – это отсутствие памяти, цвет забытья.

Как мы запоминаем, чтобы не забывать? Этот вопрос

после приезда на Дьюма-Ки я задаю себе постоянно, особенно часто в предрассветные часы, взглядываясь в отсутствующий свет, вспоминая отсутствующих друзей. Иногда в эти часы я думаю о горизонте. С горизонтом вы должны определиться. Для этого нужно оставить след на белом. Возможно, вы скажете, что это простое действие, но каждое действие, которое изменяет мир, – героическое. Или я просто убедил себя в этом.

Представьте себе маленькую девочку, почти младенца. Она выпала из возка лет девяносто тому назад, ударилась головой о камень и все забыла. Не только свое имя – все! А потом вдруг пришел день, когда она вспомнила ровно столько, чтобы взять в руку карандаш и прочертить первую неуверенную линию на белом. Линию горизонта, именно так. Но при этом и щель, через которую может исторгаться чернота.

Представьте себе, как маленькая ручка поднимает карандаш... замирает... а потом оставляет след на белом. Представьте себе смелость этого первого усилия: вернуть мир, рисуя его. Я всегда буду любить эту маленькую девочку, несмотря на то, что обоилась она мне очень дорого. Я должен. У меня нет выбора.

Как вам известно, картины – это магия.

Глава 1

Моя прошлая жизнь

i

Меня зовут Эдгар Фримантл. Раньше я был заметной фигурой в строительной индустрии. В Миннесоте, в моей прошлой жизни. Выражение моя-прошлая-жизнь я позаимствовал у Уайрмана. Я хочу рассказать вам об Уайрмане, но сначала давайте познакомимся с моей жизнью в Миннесоте.

Должен сказать, я добился успеха, о котором мечтает каждый американский мальчик. Поднимался и поднимался в компании, где начал работать, а когда достиг потолка, ушел и основал собственную фирму. Мой бывший босс смеялся надо мной, говорил, что я разорюсь через год. Я думаю, так говорит большинство боссов, когда кто-нибудь из молодых, энергичных подчиненных уходит, чтобы начать собственное дело.

У меня все получилось. Когда Двойной город⁴ процветал, процветала и «Фримантл компани». Когда строительный рынок сокращался, я старался не играть по-крупному. Руководствовался интуицией, и в большинстве случаев она меня

⁴ Двойной город – Миннеаполис и Сент-Пол.

не подводила. Когда мне исполнилось пятьдесят, мы с Пэм стоили сорок миллионов долларов. И мы сохранили прежние чувства. У нас родились две девочки. К концу нашего семейного Золотого века Илзе училась в Университете Брауна⁵, а Мелинда преподавала во Франции в рамках программы обмена с зарубежными странами. Как раз перед тем, как все пошло наперекосяк, мы с женой собирались ее навестить.

Несчастный случай произошел со мной на строительной площадке. Все предельно просто: когда пикап, пусть даже это «додж-рэм» со всеми наворотами, вступает в спор с двенадцатиэтажным краном, пикап проигрывает всегда. Правая сторона моего черепа только треснула. Левую так сильно прижало к дверной стойке «рэма», что проломило в трех местах. Может, и в пяти. Память у меня теперь, конечно, лучше, но совсем не та, какой была прежде.

Врачи назвали случившееся с моей головой противоударной травмой⁶, которая зачастую приносит больше вреда, чем сам удар. Мои ребра оказались переломанными, а правое бедро – раздробленным. И хотя в правом глазу зрение сохранилось на семьдесят процентов (в хорошие дни и побольше), я почти целиком потерял правую руку.

⁵ Университет Брауна – частный университет в г. Провиденс, штат Род-Айленд.

⁶ Противоударная травма – зона повреждения головного мозга, расположенная на стороне, противоположной месту удара. Травма возникает при контакте мозга с внутренней поверхностью черепа.

Вероятно, предполагалось, что я потеряю и жизнь, но я выкарабкался. Далее речь пошла о том, что я останусь безмозглым (как поначалу и было – спасибо противоударной травме), однако обошлось. В каком-то смысле. Правда, к тому времени, как обошлось, ушла моя жена, и не в каком-то смысле, а насовсем. Мы прожили вместе двадцать пять лет, но знаете, как говорят: беда не приходит одна. Наверное, значения это не имеет. Что было, то прошло. Закончилось, и все. Иной раз оно и к лучшему.

Когда я говорю, что стал безмозглым, речь о том, что поначалу я не узнавал людей, не понимал, что произошло и почему меня мучает такая ужасная боль. Теперь, через четыре года, я не могу вспомнить характер и степень болевых ощущений. Я знаю, боль терзала меня, но теперь эта тема представляет собой интерес чисто теоретический. Тогда, конечно, было не до теории. Тогда у меня складывалось ощущение, что я нахожусь в аду и не знаю, почему туда попал.

«Поначалу ты боишься умереть, потом ты боишься не умереть». Так говорит Уайрман, и он знает; сам провел сезон в аду.

Болело все и всегда. Возможно, больше всего досаждала звенящая головная боль. За моим лбом царила вечная полночь, которую отбивали самые большие на свете башенные часы. Из-за повреждения правого глаза я видел мир сквозь кровавую пленку и все еще мало представлял себе, что это за мир. Ни одна вещь не обрела привычного назва-

ния. Я помню день, когда Пэм зашла в палату (я еще лежал в больнице) и встала у моей кровати. Я ужасно злился из-за того, что она стоит, когда в углу есть та штуковина, на которую садятся.

– Принеси друга, – сказал я. – Сядь в друга.

– О чем ты, Эдгар? – спросила она.

– *Друг, приятель!* – прокричал я. – Принеси этого гребаного приятеля, ты, тупая сука! – Боль в голове сводила с ума, а Пэм заплакала. Я ненавижу ее за то, что она начала плакать. Чего, собственно, она плакала? Не она же сидела в клетке, глядя на все сквозь красный туман. Не она была обезьяной в клетке. И тут я наконец вспомнил слово:

– Принеси старика и, ради Бога, сляг!

Старик – это все, что мой воспаленный, разможенный мозг смог предложить вместо стула.

Я все время злился. В больнице работали две медсестры средних лет, которых я прозвал Сухая дырка Один и Сухая дырка Два, словно они были персонажами в похабной истории доктора Сьюза⁷. А девушка-подросток, которая добровольно помогала медперсоналу больницы, стала у меня Мохнатой Пастилкой... понятия не имею почему, но прозвище несло в себе что-то связанное с сексом. Во всяком случае, для меня. По мере того как прибавлялось сил, я начал бить

⁷ Доктор Сюз – псевдоним американского писателя и мультипликатора Теодора Сьюза Гейзела (Theodor Seuss Geisel), 1904–1991. Аллюзия на персонажей одной из самых известных сказок доктора Сьюза «Кот в шляпе» (1957), Нечто Один и Нечто Два.

людей. Дважды пытался пырнуть ножом Пэм, и одна попытка удалась, правда, нож был пластмассовый. Тем не менее ей на руку наложили пару швов. Бывали случаи, когда меня приходилось связывать.

И вот что я особенно четко помню о начале моей тогдашней жизни: жаркая вторая половина дня в конце моего месячного пребывания в дорогом санатории для выздоравливающих, кондиционер сломан, я привязан к кровати, в телевизоре – мыльная опера, тысячи полуночных колоколов бьют в голове, боль жжет правую половину тела, как раскаленная кочерга, отсутствующая правая рука зудит, отсутствующие пальцы правой руки дергаются, оксиконтин мне не положено еще какое-то время (какое именно, сказать не могу, отмерять время – выше моего понимания), и тут из красного марева выплывает медсестра, существо, присланное, чтобы взглянуть на обезьяну в клетке, и спрашивает: «Вы готовы принять вашу жену?» А я отвечаю: «Только если она принесла пистолет, чтобы застрелить меня».

Кажется, такая боль никогда не уйдет, но она уходит. Меня отвозят домой и заменяют боль агонией лечебной физкультуры. Красная пелена начала рассеиваться. Психотерапевт, специализирующийся на гипнотерапии, научил меня несколькими эффективными способам подавлять фантомные боли и зуд в отрезанной руке. Кеймен. Именно он принес мне Ребу, одну из немногих вещей, которые я взял с собой, когда прихромал из прошлой жизни в нынешнюю, на Дьюма-Ки.

– Этот психотерапевтический метод воздействия на злость пока не получил одобрения, – предупредил меня доктор Кеймен, хотя, наверное, мог и солгать, чтобы сделать Ребу более привлекательной. Он сказал мне, что я должен дать ей отвратительное имя. И хотя выглядела она, как Люси Рикардо⁸, я назвал ее в честь тетушки, которая в детстве больно сдавливала мне пальцы, если я не съедал всю морковь. Не прошло и двух дней, как я забыл ее имя. В голову лезли только мужские имена, которые злили меня еще сильнее: Рэндолл, Рассел, Рудольф, даже Ривер-мать-его-Феникс.

Я тогда находился дома. Пэм принесла мне завтрак и, должно быть, правильно прочитала выражение моего лица, потому что я увидел, как она напряглась, готовясь к взрыву эмоций. Но даже забыв имя этой призванной снимать злость куклы с взбитыми рыжими волосами, которую дал мне психолог, я помнил, как использовать ее в такой ситуации.

– Пэм, – обратился я к жене, – мне нужно пять минут, чтобы взять себя в руки. Я могу это сделать.

– Ты уверен?..

– Да, только унеси отсюда это дерьмо и засунь в свою пудреницу. Я могу это сделать.

Я не знал, смогу или нет, но именно это мне полагалось сказать: «Я могу это сделать». Я не мог вспомнить имени этой гребаной куклы, но помнил ключевую фразу: «Я могу

⁸ Люси Рикардо – героиня сериала «Я люблю Люси», блистательно сыгранная актрисой Люсиль Болл (1911–1989), которую считали «Королевой комедии».

это сделать». Я хорошо помню, как в конце своей прежней жизни постоянно твердил: «Я могу это сделать», – даже когда знал, что не могу, когда знал, что я в дерьме, по уши в дерьме, и новое дерьмо льется мне на голову, будто из по-мойного ведра.

– Я могу это сделать, – повторил я, и одному Богу известно, каким при этом было мое лицо, потому что Пэм попятилась, без единого слова, держа в руках поднос, на котором чашка постукивала о тарелку.

Когда она ушла, я поднял куклу на уровень лица, всматриваясь в ее глупые синие глаза, а мои пальцы вдавливались в глупое податливое тело.

– Как твое имя, ты, сука с крысиной мордой? – прокричал я. Мне ни разу и в голову не пришло, что Пэм слушает меня на кухне по аппарату внутренней связи вместе с дежурной медсестрой. Но вот что я вам скажу: если бы аппарат и сломался, они смогли бы услышать меня через дверь. В тот день мой голос разносился далеко.

Я принялся трясти куклу из стороны в сторону. Голова моталась, синтетические а-ля «Я люблю Люси» волосы летали из стороны в сторону. Синие кукольные глаза, казалось, говорили: «О-о-о-о-х, какой противный парниша!» – как любила повторять Бетти Буп⁹ в одном из старых мультфильмов,

⁹ Бетти Буп – персонаж короткометражных мультфильмов 1920–1930 гг., кокетливая дамочка с огромными удивленными глазами и некоторым беспорядком в туалете. Стала первым мультяшным персонажем, запрещенным цензурой.

которые еще можно увидеть по кабельному телевидению.

– Как твое имя, сука? Как твое имя, манда? Как твое имя, жалкая тряпичная шляха? Скажи мне свое имя! Скажи мне свое имя! *Скажи мне свое имя, или я вырву тебе глаза, откушу нос, раздеру тво...*

В голове у меня что-то замкнуло – такое иногда случается и теперь, по прошествии четырех лет, здесь, в городе Тамасунчале (штат Сан-Луис Потоси, Мексика), в третьей жизни Эдгара Фримантла. На мгновение я вернулся в свой пикап, планшет с зажимом для бумаг колотился о старый стальной контейнер для лэнча на полу перед пассажирским сиденьем (сомневаюсь, что я был единственным работающим миллионером Америки, который возил с собой лэнч, – нас, вероятно, не один десяток), мой пауэрбук лежал рядом на сиденье. Из радио женский голос с евангелическим жаром прокричал: «Оно было КРАСНЫМ!» Только три слова, но мне их хватило. Они из песни о бедной женщине, которая наряжает свою красивую дочь проституткой. Песня эта – «Фэнси» в исполнении Ребы Макинтайр¹⁰.

– Реба. – Я прижал куклу к груди. – Ты – Реба. Реба-Реба-Реба. Больше я твоего имени не забуду.

Я забыл – на следующей неделе, – но в тот раз уже не злился. Нет, прижал куклу к себе, как маленькую возлюбленную, закрыл глаза, представил пикап, уничтоженный в резуль-

¹⁰ Макинтайр Реба (р. 1955) – известная американская певица и актриса. Чудом осталась жива при аварийной посадке самолета.

тате несчастного случая, мой стальной контейнер для леща, о который постукивал металлический зажим на планшете, и женский голос вновь донесся из радиоприемника, вновь с евангелическим жаром прокричал: «Оно было **КРАСНЫМ!**»

Доктор Кеймен назвал это прорывом. Он очень обрадовался. Моя жена не проявила такого же энтузиазма, и ее поцелуй в щеку был скорее формальным. Думаю, примерно через два месяца она сказала мне, что хочет развестись.

К тому времени боли значительно ослабели, или мозг уже сумел внести существенные коррективы и приспособиться к ним. Голова, случалось, болела, но не так часто и не столь сильно: между ушами больше не били самые большие в мире башенные часы. Я, конечно, с нетерпением ждал таблетку виколина в пять и оксиконтин в восемь часов (едва мог ходить, опираясь на ярко-красную «канадку»¹¹, не проглотив эти волшебные таблетки), но мое слепленное заново правое бедро начало заживать.

Кэти Грин, королева лечебной физкультуры, приходила в Casa Freemantle¹² в Мендота-Хайтс по понедельникам, средам и пятницам. Мне разрешали принять дополнительную таблетку виколина перед нашими занятиями, и все равно к концу упражнений мои крики звенели по всему дому. Нашу игровую комнату в подвале переоборудовали в кабинет лечебной физкультуры, оснащенный даже горячей ванной, куда я мог залезать и вылезать без посторонней помощи. После двух месяцев занятий лечебной физкультурой (то есть почти через шесть месяцев после несчастного случая) я начал по вечерам самостоятельно спускаться в подвал, чтобы повторить упражнения для ног и немного потренировать

¹¹ «Канадка» – локтевой костыль.

¹² Дом Фримантла (*исп.*).

пресс. Кэти говорила, что час-другой занятий перед тем, как лечь в кровать, высвобождают эндорфины и способствуют более крепкому сну. Насчет эндорфинов не знаю, но спать я действительно стал лучше.

И во время одного из таких вот вечерних занятий (Эдгар в поисках неуловимых эндорфинов) моя жена, с которой я прожил двадцать пять лет, спустилась в подвал и сказала, что хочет со мной развестись.

Я прервал то, что делал (сгибался вперед, вытянув ноги перед собой), и посмотрел на нее. Я сидел на мате. Она стояла у подножия лестницы, достаточно далеко от меня. Я мог спросить, говорит ли она всерьез, но света хватало (спасибо флуоресцентным лампам), и такого вопроса я не задал. Если на то пошло, не думаю, что женщина может пошутить на такую тему через шесть месяцев после того, как ее муж чуть не погиб в результате несчастного случая. Я мог бы спросить почему, но и так знал. Видел маленький белый шрам на ее предплечье в том месте, куда я ударил пластиковым ножом (нож я схватил с подноса, на котором в больнице мне принесли обед), но ведь этим дело не ограничивалось. Я подумал о том, как велел ей, не так уж и давно, унести отсюда завтрак и засунуть в пудреницу. Я подумал, а не попросить ли ее еще раз все обдумать, но злость вернулась. В те дни «неадекватная злость», как называл ее доктор Кеймен, частенько составляла мне компанию. Но злость, которую я испытывал в тот самый момент, не казалась мне неадекват-

ной.

Я сидел без рубашки. Моя правая рука заканчивалась в трех с половиной дюймах ниже плеча. Я приподнял ее (это все, на что были способны оставшиеся мышцы), чтобы наставить на жену, и сказал:

– Это я показываю тебе палец. Убирайся отсюда, раз ты этого хочешь. Убирайся отсюда, мерзкая, бросающая меня сумка.

Первые слезы потекли по ее лицу, но она попыталась улыбнуться. Получилась гримаса.

– Сука, Эдгар. Ты хотел сказать, сука.

– Слово – это всего лишь слово. – Я вновь начал сгибаться и разгибаться. Чертовски сложное это упражнение, если у тебя нет одной руки: тело постоянно уходит в сторону. – Я бы не оставил тебя, вот в чем смысл. Не оставил бы. Прошел через грязь, кровь, мочу и пролитое пиво.

– Это другое. – Она и не пыталась вытереть слезы. – Другое, и ты это знаешь. Я бы не смогла разорвать тебя надвое, если бы пришла в ярость.

– Мне бы пришлось чертовски потрудиться, чтобы разорвать тебя надвое одной рукой. – Я увеличил частоту сгибаний и разгибаний.

– Ты ударил меня ножом! – Вот он, решающий аргумент. Чушь собачья, и мы оба это знали.

– Это был пластиковый нос, ничего больше, я тогда мало что соображал, и это будут твои последние слова на гребан-

ном смертном ковре: «Эдди ударил меня пластиковым носом, прощай, жестокий мир».

– Ты меня душил, – проговорила она так тихо, что я едва расслышал.

Я перестал наклоняться и вытаращился на нее. В голове принялись бить часы. Дин-дон, похоронный звон.

– Что ты такое говоришь? Я тебя душил? Никогда я тебя не душил.

– Я знаю, ты не помнишь, но душил. И ты не тот, что прежде.

– Заткнись. Оставь это дерьмо для... того... для парня... твоего... – Я знал это слово, и я видел человека, которого хотел обозвать этим словом, но вспомнить не смог. – Для того лысого хера, с которым ты встречаешься в его кабинете.

– Моего психотерапевта, – уточнила она и, само собой, разозлила меня еще сильнее: она помнила слово, а я – нет. Потому что ее мозг не превращался в желе.

– Ты хочешь развод, ты его получишь. Выбрасывай все, что было, почему нет? Только изображай аллигатора где-нибудь в другом месте. Убирайся.

Она поднялась по лестнице и закрыла дверь, не оглянувшись. И лишь после ее ухода я сообразил, что хотел сказать «крокодиловы слезы». Лей крокодиловы слезы где-нибудь еще.

Ладно, сойдет и так, хоть это и не совсем рок-н-ролл. Так говорит Уайрман.

В итоге из дома уехал я.

За исключением Пэм, у меня не было партнеров в моей прошлой жизни. Четыре принципа успеха Эдгара Фриманта гласили (записывайте, чего уж там): не занимай суммы, большей твоего ай-кью, помноженного на сто; не занимай у человека, который при первой же встрече начинает называть тебя по имени; никогда не пей спиртного, пока солнце стоит высоко, и *никогда* не обзаводись партнером, с которым не захочешь обниматься голышом на водяном матрасе.

Зато у меня был бухгалтер, которому я доверял, Том Райли. Именно он помог мне перевезти те немногие вещи, которые я взял с собой, из дома в Мендота-Хайтс в наш коттедж на озере Фален. Том (сам он разводился дважды, и оба раза с серьезными потерями) всю дорогу изливал на меня свои тревоги.

– В такой ситуации ты не должен уезжать из дома. Только в том случае, если судья вышибет тебя. А так ты словно отдаешь преимущество своего поля в плей-офф.

Преимущество своего поля меня совершенно не волновало. Я только хотел, чтобы он внимательно следил за дорогой. Меня передергивало всякий раз, когда встречный автомобиль слишком уж приближался к разделительной полосе. Иногда я напрягался и жал ногой на несуществующую педаль тормоза перед пассажирским сиденьем. А насчет того,

чтобы вновь сесть за руль, я даже не помышлял. Разумеется, Бог любит сюрпризы. Так говорит Уайрман.

Кэти Грин, королева лечебной физкультуры, развелась лишь единожды, но полностью поддержала Тома. Я помню, как она сидела в трико, скрестив ноги, держала мои ступни и взирала на меня с суровой яростью.

– Вот ты только что из мотеля «Смерть» и без руки, а она хочет свалить. Лишь из-за того, что ты ударил ее пластиковым больничным ножом, когда едва мог вспомнить собственное имя? Чтоб меня драли, пока я не закричу! Разве она не понимает, что резкие перемены настроения и кратковременная потеря памяти – обычное дело для человека после такой черепно-мозговой травмы, как у тебя?

– Она понимает, что я ее пугаю, – ответил я.

– Да? Ладно, слушай свою маму, сыночек Джим: если ты наймешь хорошего адвоката, то заставишь заплатить за то, что она такая тряпка. – Несколько волос выскочили из ее гестаповского конского хвоста, и Кэти сдула их со лба. – Она *должна* за это заплатить. Читай по моим губам: *твоей вины тут нет.*

– И она говорит, что я пытался ее задушить.

– Конечно, тут можно надуть в штаны, если тебя пытаются задушить однорукий инвалид. Перестань, Эдди, заставь ее за это заплатить. Я знаю, что это не мое дело, но мне все равно. Она не должна так поступать с тобой.

– Я думаю, есть что-то еще, не только удар ножом и по-

пытка задушить ее.

– Что?

– Я не помню.

– А что говорит она?

– Она не говорит.

Но мы с Пэм прожили вместе очень долго, и даже если любовь превратилась в привычку, я подумал, что все равно знаю ее достаточно хорошо, чтобы понимать: произошло что-то еще, нет, продолжало происходить прямо сейчас, и вот от этого «чего-то»... вот от этого «чего-то» Пэм и хотела уйти.

Вскоре после того как я перебрался в коттедж на озере Фален, меня навестили девочки... молодые женщины. Они принесли корзину со всем необходимым для пикника, мы сидели на крыльце с видом на озеро, где так хорошо пахло соснами, смотрели на воду, ели сэндвичи. День труда¹³ миновал, так что большинство плавающих игрушек вытащили из воды и оставили на берегу до следующего года. В корзине была и бутылка вина, но я выпил совсем немного. В сочетании с болеутоляющими таблетками алкоголь бил наотмашь: один стакан вина, и у меня начинал заплетаться язык. Девочки (*молодые женщины*) выпили остальное и расслабились. Мелинда, приехавшая из Франции второй раз после моей неудачной встречи с краном и недовольная возвращением, спросила, у всех ли семейных пар, которым за пятьдесят, бывают неприятные периоды разлада, должна ли она ожидать такого и для себя. Илзе, младшая, начала плакать, прижалась ко мне, спросила, почему все не может быть, как было, почему мы (то есть ее мать и я) не можем жить, как прежде. Лин сказала ей, что сейчас не время изображать маленькую девочку, мирящую родителей, а Илли показала ей палец. Я рассмеялся. Ничего не смог с собой поделатъ.

¹³ День труда – общенациональный праздник, отмечаемый в первый понедельник сентября. На следующий день в школах начинается учебный год.

Потом мы все рассмеялись.

Эмоциональный взрыв Лин и слезы Илзе пусть были не в радость, но шли от души. Эти реакции я знал так же хорошо, как родинку на подбородке Илзе или едва заметную складочку меж бровей хмурящейся Лин, которой со временем предстояло превратиться в глубокую морщину.

Линни поинтересовалась, что я собираюсь делать. Я ответил, что понятия не имею. Я прошел немалый путь к решению покончить с собой, но точно знал: если я это сделаю, все должно выглядеть как несчастный случай. Я не мог оставить этих двух девочек, которые только начинали жить, с непомерным грузом вины за самоубийство отца. Я не мог возложить ту же вину на женщину, с которой однажды пил в кровати молочный коктейль: мы лежали голые, смеялись и слушали по стереосистеме «Plastic Ono Band».

После того как они воспользовались шансом стравить давление (по терминологии доктора Кеймена, *после полного и обстоятельного обмена чувствами*), все как-то успокоилось, и мы неплохо провели день, разглядывая фотографии в старых альбомах, которые Илзе нашла в каком-то ящике, и вспоминая прежние времена. Думаю, мы еще раз-другой посмеялись, но далеко не всем воспоминаниям моей прошлой жизни можно доверять. Уайрман говорит, когда дело касается давно ушедших дней, мы склонны подтасовывать карты.

Илзе хотела, чтобы мы все пошли куда-нибудь пообе-

дать, но Лин договорилась с кем-то встретиться в публичной библиотеке до ее закрытия, и я сказал, что не чувствую в себе достаточно сил для того, чтобы куда-то идти; подумал, что лучше прочитать несколько глав последнего романа Джона Сэндфорда, а потом лечь спать. Девочки поцеловали меня – мы снова стали друзьями, – а потом ушли.

Через две минуты Илзе вернулась.

– Я сказала Линни, что забыла ключи.

– Как я понимаю, ты их не забывала.

– Нет. Папа, ты смог бы причинить маме боль? Я про сейчас. Сознательно?

Я покачал головой, но такой ответ ее не удовлетворил. Я понял это по тому, как она стояла, пристально всматриваясь мне в глаза.

– Нет. Никогда. Я бы...

– Что, папа?

– Я собирался сказать, что скорее отрубил бы себе руку, но тут же понял, что неудачно подобрал слова. Я бы никогда этого не сделал, Илли. Будь уверена.

– Тогда почему она боится тебя?

– Я думаю... потому что я – калека.

Она подскочила ко мне, прижалась так, что чуть не свалила меня на диван.

– Папа, пожалуйста, извини. Просто все это так *ужасно*.

Я погладил ее по волосам.

– Я знаю, но только помни... хуже уже не будет. – Правды

в моих словах не было, но я надеялся: если соблюдать осторожность, Илзе никогда не узнает, что я ей лгал.

С подъездной дорожки донесся автомобильный гудок.

– Иди. – Я поцеловал ее мокрую щеку. – Твоя сестра топчется.

Она наморщила нос.

– Как будто бывает по-другому! Надеюсь, ты не злоупотребляешь болеутоляющими?

– Нет.

– Позвони, если я тебе понадобится, папа. Я прилечу на следующем же самолете.

Она бы прилетела. Поэтому звонить я не собирался.

– Само собой. – Я поцеловал ее в другую щеку. – Этот поцелуй передай сестре.

Илзе кивнула и ушла. Я сел на диван, закрыл глаза. За нами били башенные часы, били и били.

V

Моим следующим гостем в Casa Phalen¹⁴ стал доктор Кеймен, психолог, который дал мне Ребу. Я его не приглашал. Он появился у меня исключительно благодаря заботам Кэти, повелительницы лечебной физкультуры.

Хотя Кеймену едва ли было больше сорока, ходил он, как человек, куда более пожилой, и тяжело дышал, даже когда сидел, глядя на мир поверх огромной груши живота сквозь толстые стекла очков в роговой оправе. Кеймен был очень высоким и очень-очень черным, а черты его лица, в силу их невероятных размеров, казались нереальными. Эти гигантские выпученные глазные яблоки, этот нос, напоминавший корабельный таран, эти вывороченные губы завораживали. Ксандер Кеймен выглядел, как второсортный божок в костюме из «Дома мужской одежды». И, судя по внешнему виду, умереть ему предстояло от обширного инфаркта или инсульта, и встреча с одним из них ждала его до пятидесятилетия.

Кеймен отказался от предложения чего-нибудь выпить, сказал, что долго не задержится, и тут же поставил портфель на диван, противореча собственным словам, сел рядом с подлокотником (диван прогнулся на пять фатомов¹⁵ и продол-

¹⁴ Дом Фален (*исп.*).

¹⁵ Фатом – морская сажень (1,83 м).

жал прогибаться – я даже испугался за пружины), посмотрел на меня и шумно вдохнул.

– Что привело вас сюда? – спросил я его.

– Кэти говорит мне, что вы планируете наложить на себя руки, – ответил он. Тем же тоном он мог бы сказать: «Кэти говорит мне, что вы планируете пикник на лужайке и собираетесь предложить гостям глазированные пончики». – В этом есть доля правды?

Я открыл рот, закрыл. Однажды, когда мне было десять, и я рос в О-Клер, я взял комикс с вращающейся стойки в аптечном магазине, сунул в джинсы и накрыл сверху футболкой. Затем неспешным шагом направился к выходу, чувствуя себя очень умным, и тут продавщица схватила меня за руку. Вздернула мне футболку, выставив напоказ мое украденное сокровище. «И как он сюда попал?» – спросила она. За последующие сорок лет не случилось, чтобы я не мог найтись с ответом на столь простой вопрос.

Наконец (прошло слишком уж много времени, чтобы мой ответ восприняли серьезно) я проямлил:

– Это нелепо. Я не знаю, откуда у нее могли взяться такие мысли.

– Нелепо?

– Да. Точно не хотите колы?

– Спасибо, но я пас.

Я поднялся, достал колу из холодильника на кухне. Крепко зажал бутылку между культей и ребрами (это возможно,

хотя и болезненно, не знаю, что вы видели в фильмах, но сломанные ребра болят долго), левой рукой скрутил крышку. Я – левша. «В этом тебе повезло, мучачо»¹⁶, как говорит Уайрман.

– Меня удивляет, что вы серьезно восприняли ее слова, – сказал я, когда вернулся. – Кэти – великолепный специалист по лечебной физкультуре, но она же не психоаналитик. – Я постоял, прежде чем сесть. – Да и вы тоже. Если подходить формально.

Кеймен сложил ладонь лодочкой за ухом, которое размерами не уступало ящику стола.

– Я слышу... скрежет. Точно слышу!

– О чем вы говорите?

– Такой очаровательно средневековый звук. Будто кто-то опускает проржавевшее забрало, готовясь к обороне. – Он попытался подмигнуть мне, но когда у человека лицо таких размеров, изобразить иронию невозможно: только бурлеск. Однако я его понял. – Что же касается Кэти Грин, вы правы, что она может знать? Она ведь работает с частично парализованными людьми, с полностью парализованными, с теми, у кого ампутированы конечности, вроде вас, с выздоравливающими после тяжелой травмы головы... опять вроде вас. Этой работой Кэти занимается пятнадцать лет, она могла наблюдать реакцию тысячи увечных пациентов на то, что им никогда не стать такими, как прежде. Но куда

¹⁶ юноша (*исп.*).

ей распознать депрессию с суицидальными тенденциями.

Я сел в продавленное кресло, которое стояло напротив дивана, и мрачно уставился на Кеймена. Его, похоже, провести не удастся. И Кэти Грин тоже.

Он наклонился вперед... то есть, учитывая объем живота, буквально на пару дюймов, больше не получалось.

– Вы должны подождать.

Я вытаращился на него. Никак не ожидал такого совета.

Он кивнул.

– Вы удивлены. Да. Но я не христианин, тем более не католик, и к самоубийству отношусь вполне терпимо. Однако я верю в ответственность человека, знаю, кто вы, и говорю вам следующее: если вы покончите с собой сейчас... даже через шесть месяцев... ваши жена и дети узнают. Сколь бы осторожны вы ни были, они узнают.

– Я не...

Он поднял руку.

– И компания, в которой вы застраховали свою жизнь... на очень большую сумму, я не сомневаюсь... тоже узнает. Они, возможно, не смогут этого доказать... но будут очень, очень стараться. Слухи, которые они начнут распускать, навредят вашим девочкам, пусть вы и думаете, что они хорошо от этого защищены.

Я понимал, что Мелинда защищена. А вот Илзе – совсем другое дело. Мелинда, когда злилась на сестру, говорила, что у Илзе задержка в развитии, но я в это не верил. Я думал,

что Илли просто не такая толстокожая.

– И в конце концов они смогут это доказать. – Кеймен пожал огромными плечами. – Я не стану даже предполагать, сколько это будет в денежном эквиваленте, но знаю, что ваше наследство уменьшится на значительную сумму.

О деньгах я как раз и не думал. В голове роились мысли о следователях страховой компании, сующих свои носы во все дыры, пытающихся определить, как и что я подстроил, надеющихся разоблачить меня. И вот тут я начал смеяться.

Кеймен сидел, положив огромные черные руки на лопатки, смотрел на меня со всезнающей улыбочкой на губах. Точнее, не улыбочкой, а улыбицей. Он дал мне отсмеяться, а потом спросил, что я нашел такого забавного.

– Вы говорите мне, что я слишком богат, чтобы покончить с собой.

– Я говорю «не сейчас», Эдгар, и это все, что я говорю. Я также собираюсь сделать вам предложение, идущее вразрез с моим достаточно богатым опытом... Но насчет вас у меня очень сильное предчувствие... то самое, что побудило меня дать вам куклу. Предложение это – географическое.

– Простите?

– Это метод лечения, который часто используется людьми на последней стадии алкоголизма. Они надеются, что смена места жительства даст им возможность начать все с чистого листа. Кардинально развернуть ситуацию.

Я что-то почувствовал. Не сказал бы, что надежду, но что-

то.

– Срабатывает он редко, – продолжил Кеймен. – Ветераны «Анонимных алкоголиков», у которых есть ответ на все (это их благословение и проклятие и пусть даже редко кто это осознает), любят говорить: «Посади говнюка в самолет в Бостоне, тот же говнюк сойдет с трапа в Сиэтле».

– И где при таком раскладе я? – сорвался с моих губ естественный вопрос.

– В настоящий момент вы в пригороде Сент-Пола. Я предлагаю следующее: найдите местечко подальше и отправляйтесь туда. Вы в уникальном положении: можете это сделать, учитывая ваши финансовые возможности и семейный статус.

– И на сколько?

– Как минимум на год. – Он загадочно посмотрел на меня. Его большое лицо словно создали для такого выражения. Если бы его вырубил у входа в гробницу Тутанхамона, я уверен, Говард Картер задумался бы¹⁷. – А если вы что-нибудь сделаете с собой к концу этого года, ради Бога, Эдгар... нет, ради ваших дочерей... постарайтесь, чтобы комар носа не подточил.

Он почти провалился в глубины старого дивана, а тут начал вылезать. Я шагнул к нему, чтобы помочь, но он отмах-

¹⁷ Картер Говард (1873–1939) – английский археолог, нашедший гробницу Тутанхамона. Автор намекает на «проклятие фараонов», таинственную болезнь, которая якобы настигла участников экспедиции.

нулся. В конце концов поднялся, вдохнул еще громче, взял портфель. Посмотрел на меня с высоты своих шести с половиной футов, этими выпученными глазами с желтоватыми белками, которые еще и увеличивали очень толстые линзы очков.

– Эдгар, что-нибудь может сделать вас счастливым?

Я не стал углубляться в его вопрос (испугался таящихся там опасностей).

– Я раньше рисовал.

Если на то пошло, рисованием я занимался довольно-таки серьезно, но так давно! С тех пор столько случилось... Женитьба, карьера, крах и первого, и второго.

– Когда?

– Подростком.

Я уже хотел рассказать ему о том, как когда-то мечтал о художественной школе (даже покупал альбомы с репродукциями, когда мог себе это позволить) – но сдержался. В последние тридцать лет мой вклад в мир живописи ограничивался завитушками, которые я выводил на бумаге во время телефонных разговоров, и прошло, наверное, десять лет с момента покупки последнего альбома, которому полагалось лежать на журнальном столике, дабы производить впечатление на гостей.

– А потом?

Я собрался солгать... стыдился сказать правду... но все же сказал. Однорукие мужчины должны говорить

правду, если есть такая возможность. Это придумал не Уайрман. Это мои слова.

– Нет.

– Попробуйте снова порисовать, – предложил Кеймен. – Вам нужно отгородиться.

– Отгородиться? – в недоумении повторил я.

– Да, Эдгар. – На его лице отражались удивление и разочарование, вызванные тем, что я никак не мог понять очевидного. – Отгородиться от ночи.

Где-то через неделю после визита Кеймена меня навещал Том Райли. Листья уже начали менять цвет, и я помню, что продавцы в «Уол-Марте» развешивали хэллоуиновские постеры, когда я заглянул туда, чтобы купить альбомы для рисования. Впервые после колледжа... черт, скорее, после средней школы.

Насчет самого визита Тома я лучше всего помню одно: его смущение и неловкость.

Я предложил ему пива, и он согласился. Когда я вернулся из кухни, он смотрел на сделанный мной рисунок тушью: три пальмы у кромки воды, крыша хижины на заднем фоне слева.

– Неплохо, – прокомментировал он. – Ты нарисовал?

– Нет, эльфы, – ответил я. – Они приходят ночью. Чинят мне обувь и иногда рисуют картины.

Он рассмеялся, слишком уж нарочито, и вернул рисунок на письменный стол.

– На Миннесоту, прафта, не похоше. – Он вдруг заговорил со шведским акцентом.

– Я срисовал его из книги, – пояснил я. На самом деле я воспользовался фотографией из буклета риелтора. Фото было сделано из окна так называемой «флоридской комнаты» в «Салмон-Пойнт». Я только что арендовал там дом как ми-

нимум на год. Никогда не бывал во Флориде, даже в отпуске, но фотография задела какую-то струнку в моей душе, и впервые после несчастного случая я почувствовал желание увидеть все своими глазами. Слабенькое, но желание. – Что я могу сделать для тебя, Том? Если ты насчет...

– Вообще-то Пэм попросила меня заглянуть к тебе. – Он опустил голову. – Я хотел, но не смог заставить себя сказать «нет». Из уважения к прошлому, ты понимаешь.

– Само собой. – Том говорил о тех временах, когда «Фримантл компани» представляла собой три пикапа, бульдозер «Катерпиллер D9» и радужные мечты. – Выкладывай, Том. Я тебя не укушу.

– Она наняла адвоката. Настроена на развод.

– Я и не думал, что она откажется от своих планов. – Я говорил правду. Не помнил, как душил ее, зато хорошо запомнил выражение ее глаз, когда она мне об этом говорила. И я прекрасно знал: если Пэм принимала решение, отказывалась она от него крайне редко.

– Она хочет знать, собираешься ли ты привлечь Боузи.

Вот тут я не мог не улыбнуться. Шестидесятипятилетний Уильям Боузман-третий, щегольски одетый, ухоженный, в галстук-бабочке, возглавлял миннеаполисскую юридическую фирму, услугами которой пользовалась моя компания, и если бы он узнал, что мы с Томом последние двадцать лет зовем его Боузи, его, наверное, хватил бы удар.

– Я даже не думал об этом. А в чем проблема, Том?

Что конкретно она хочет?

Он выпил пиво, поставил пустой стакан рядом с моим незаконченным рисунком, щеки налились краской.

– Она выразила надежду, что удастся обойтись без жесткого противостояния. Она сказала: «Я не хочу быть богатой и не хочу драться за каждый доллар. Я лишь хочу, чтобы он обошелся по справедливости со мной и девочками, как он поступал всегда. Ты ему это передашь?» Вот я и передаю. – Том пожал плечами.

Я поднялся, подошел к большому окну между гостиной и крыльцом, посмотрел на озеро. В самом скором времени я собирался войти в мою «флоридскую комнату», чем бы она ни оказалась, и смотреть на Мексиканский залив. Задался вопросом, будет ли это лучше, по-другому, чем лицемерие озера Фален. Подумал, пусть будет хотя бы по-другому – во всяком случае, на первое время меня это устроит. Мне хотелось начать с чего-то нового. Когда я повернулся, Том Райли изменился до неузнаваемости. Первым делом я подумал, что у него схватило живот. Потом понял, что он пытается сдержать слезы.

– Том, в чем дело? – спросил я.

Он покачал головой, попытался заговорить, но с губ сорвался только влажный хрип. Он откашлялся, предпринял вторую попытку.

– Босс, не могу привыкнуть к тому, что у тебя только одна рука. Мне так жаль.

Произнес он эти слова так безыскусно, экспромтом, с такой теплотой. Шли они, конечно же, от сердца. Я думаю, в тот момент мы оба были на грани слез, как пара расчувствовавшихся парней в шоу Опры Уинфри.

Мысль эта помогла мне быстро взять себя в руки.

– Мне тоже жаль, но я как-то справляюсь. Честное слово. А теперь допей это чертово пиво, пока оно совсем не выдохлось.

Он рассмеялся и вылил остатки «Грейн белт» в стакан.

– Я собираюсь попросить тебя передать ей мое встречное предложение. Если она одобрит идею, детали мы утрясем. Обойдемся без адвокатов. Решим все сами.

– Ты серьезно, Эдди?

– Да. Ты все подсчитаешь, так что мы будем знать общую сумму, из которой можно исходить. Потом разделим итог на четыре части. Она возьмет три, семьдесят пять процентов, для себя и девочек, я – остальное. А что касается самого развода... слушай, в Миннесоте это не проблема, после ленча мы с ней можем пойти в «Бордерс»¹⁸ и купить книгу «Развод для чайников».

Он вытаращился на меня.

– Есть такая книга?

– Я в каталог не заглядывал, но если нет, я съем твои усы.

– Я думал, говорят «съем твои трусы»¹⁹.

¹⁸ «Бордерс» – крупная сеть книжных магазинов.

¹⁹ Примерно так («Съешь мои трусы») говорит Барт Симпсон из известного

– А разве я сказал не так?

– Не важно. Эдди, ты же разбазаришь свое состояние.

– Спроси меня, и я скажу, что мне насрать. Я и в ус не дуну. Компания мне по-прежнему небезразлична, и она в отличном состоянии, потому что управляется людьми, знающими свое дело. Что же касается собственности... так я лишь предлагаю избавиться от излишнего самомнения, которое и позволяет адвокатам снять сливки. Если мы люди здравомыслящие, денег хватит всем.

Он допил пиво, не отрывая от меня взгляда.

– Иногда я думаю, тот ли ты человек, с которым я раньше работал.

– Тот человек умер в пикапе, – ответил я.

Пэм приняла мое предложение, и, думаю, она могла бы согласиться на мое возвращение к ней вместо предложенной мною сделки (мысль эта то и дело, словно солнце из-за облаков, проглядывала на ее лице во время нашего ленча, когда мы утрясали детали), но эту тему я не поднял. Думал только о Флориде, этом убежище для новобрачных и стариков, молодых и полуживых. И полагаю, в глубине души даже Пэм понимала, что это наилучший выход. Потому что человек, которого вытащили из искореженного «додж-рэма», в стальной каске, обжимающей уши, словно смятая банка из-под собачьей еды, очень уж отличался от того, кто садился в «додж». Эта жизнь с Пэм, девочками и строительной компанией закончилась; все ее этапы остались позади. Но выходов из ситуации у меня было два. На одной двери висела табличка с надписью «САМОУБИЙСТВО» – как указал доктор Кеймен, на текущий момент вариант не из лучших. То есть оставался только второй, через дверь с табличкой «ДЬЮМА-КИ».

Однако перед тем как я выскользнул через эту дверь из моей прошлой жизни, произошло еще одно событие. Случилась беда с собакой Моники Голдстейн, Гендальфом, симпатичным джек-рассел-терьером.

Если вы представляете себе мое новое пристанище одиноким коттеджем на озерном берегу, в который упирается петляющая по северным лесам проселочная дорога, то сильно ошибаетесь. Мы же говорим об обычном пригороде мегаполиса. Наш дом на озере расположен в конце Астер-лейн, асфальтированной улицы, идущей от Ист-Хойт-авеню до воды. В соседнем доме жили Голдстайны.

В середине октября я наконец-то внял совету Кэти Грин и начал ходить пешком. До великих походов по берегу дело дошло гораздо позже, а пока я позволял себе только короткие вылазки, и всякий раз по возвращении мое правое, раздробленное, а потом восстановленное бедро молило о пощаде (да и в глазах частенько стояли слезы), но продвигался я в правильном направлении. И я как раз возвращался домой после одной такой прогулки, когда миссис Феверо сбила маленькую собачку Моники. Я отшагал уже три четверти обратного пути, когда эта Феверо проехала мимо меня на своем «хаммере» нелепого горчичного цвета. Как всегда, с мобильником в одной руке и сигаретой в другой. Как всегда, ехала она слишком быстро. Все произошло мгновенно, и я, конечно, не заметил, как Гендальф выскочил на проезжую часть – наверное, он видел лишь свою хозяйку, Монику Голдстайн, которая шла по другой стороне улицы в парадной

униформе герлскаута. А мое внимание занимало исключительно восстановленное бедро. Как всегда, в завершающей части этих коротких прогулок у меня создавалось ощущение, что это так называемое чудо современной медицины набито десятью тысячами острых стеклянных осколков.

Потом завизжали шины, и на визг наложился крик маленькой девочки: «ГЕНДАЛЬФ, НЕТ!»

В этот самый момент я отчетливо и ясно увидел кран, едва не убивший меня, а мир, в котором я всегда жил, пожирался желтизной, куда более яркой, чем «хаммер» миссис Феверо, и по желтизне плыли черные буквы, раздувались, становились все больше: «**LINK-BELT**».

Потом начал кричать и Гендальф, а видение прошлого (доктор Кеймен, несомненно, назвал бы его возвращенным воспоминанием) ушло. До того осеннего дня четырем годами раньше я понятия не имел, что собаки могут *кричать*.

Я побежал, бочком, как краб, стуча по тротуару красной «канадкой». Наверняка со стороны выглядело это нелепо, но никто на меня не смотрел, будьте уверены. Моника Голдстайн стояла на коленях на мостовой рядом со своей собакой, лежащей перед высокой квадратной радиаторной решеткой «хаммера». Лицо девочки белело над зеленой униформой. На ленте, что тянулась поперек груди, висели скаутские значки и медали. Конец этой ленты намокал в увеличивающейся луже крови Гендальфа. Миссис Феверо наполовину спрыгнула, наполовину вывалилась с очень уж высоко-

го водительского сиденья «хаммера». Ава Голдстайн, в полурасстегнутой блузке и босиком, выбежала из парадной двери дома Голдстайнов, выкрикивая имя дочери.

– Не трогай его, дорогая, не трогай его, – проговорила миссис Феверо. Она все еще держала сигарету и нервно за-тягивалась.

Моника ее не слышала. Погладила бок Гендальфа. От прикосновения собака закричала вновь (это *был* крик), и Моника закрыла лицо руками. Начала трясти головой. Я не стал бы ее винить.

Миссис Феверо потянулась к девочке, потом передумала. Отступила на два шага, привалилась к высокому борту «хаммера» и посмотрела в небо.

Миссис Голдстайн опустилась на колени рядом с дочерью.
– Миленькая моя, ох, миленькая, пожалуйста, не надо...

Гендальф лежал на мостовой в расширяющейся луже собственной крови и выл. Теперь я смог вспомнить звук, который издавал кран. Не «мип-мип-мип», как положено, потому что звуковой сигнал, предупреждающий о движении крана назад, не работал. Слышалось резко меняющее тональность урчание дизельного двигателя и шуршание гусениц, вдавливающих в землю.

– Уведите ее в дом, Ава, – сказал я. – Уведите ее в дом.
Миссис Голдстайн обняла дочь за плечи, попыталась под-нять.

– Пойдем, миленькая. Пойдем домой.

– *Без Гендальфа не пойду!* – закричала Моника. Одиннадцатилетняя, развитая для своего возраста девочка вдруг превратилась в трехлетнюю крошку. – Не пойду без моей собачки! – Лента с медалями, точнее, последние три дюйма, теперь пропитавшиеся кровью, прошлись по ее юбке, оставив на бедре кровавую полосу.

– Моника, пойди в дом и позвони ветеринару, – обратился я к девочке. – Скажи, что Гендальфа сбила машина. Скажи, что он должен немедленно приехать. А я пока побуду с Гендальфом.

Моника посмотрела на меня. В глазах стоял не шок, не горе – безумие. Я хорошо знал этот взгляд. Часто видел его в зеркале.

– Вы обещаете? Клянетесь? Именем матери?

– Клянусь именем матери. Иди, Моника.

Она пошла, еще раз взглянув на Гендальфа и издав скорбный вопль, прежде чем сделать первый шаг к дому. Я присел рядом с Гендальфом, держась одной рукой за бампер «хаммера», испытывая жуткую боль и клонясь налево, с тем, чтобы не сгибать правое колено больше, чем того требовала необходимость. Однако и с моих губ сорвался крик боли, и я задался вопросом: а удастся ли мне подняться без посторонней помощи? На миссис Феверо я рассчитывать не мог. Она отошла к тротуару с левой стороны улицы на прямых, широко расставленных ногах, согнулась, словно кланяясь особе королевской крови, и начала блевать в сливную кана-

ву. При этом одну руку, с сигаретой, отвела далеко в сторону.

Я повернулся к Гендальфу. Под колесо попала задняя часть его тела. Позвоночник перебило. Кровь и экскременты сочились меж сломанных задних лап и текли прямо по ним. Он поднял на меня глаза, и я увидел в них ужасающую надежду. Его язык выполз изо рта и лизнул мне запястье, сухой, как ковер, и холодный. Гендальф собирался умереть, но, похоже, не в самое ближайшее время. Моника в любой момент могла выйти из дома, и я не хотел, чтобы он дожид до этого и смог лизнуть ее запястье.

Я понимал, что должен сделать. И никто бы не увидел, как я это сделаю. Моника и ее мать находились в доме. Миссис Феверо по-прежнему стояла ко мне спиной. Если другие люди, жившие на этой части улицы, смотрели из окон (или даже вышли на лужайки), «хаммер» блокировал им обзор, не позволял увидеть меня, сидящего с неестественно выпрямленной правой ногой рядом с собакой. Времени у меня было в обрез, считанные мгновения, и я упустил бы свой шанс, продолжая раздумывать.

Поэтому я взялся рукой за верхнюю часть тела Гендальфа и без малейшей паузы вернулся на строительную площадку на Сагтон-авеню, где «Фримантл компани» готовилась возвести сорокаэтажное банковское здание. Я – в пикапе. По радио Реба Макинтайр поет «Фэнси». Внезапно я осознаю, что шум от двигателя крана очень уж громкий, хотя я не слышал сигнала, который тот должен издавать при дви-

жении задним ходом, а когда смотрю направо, вижу, что мир за окном пикапа, которому следовало там быть, исчез. Этот мир заменило что-то желтое. И на этом желтом плывут черные буквы: «LINK-BELT». Они увеличиваются и увеличиваются. Я выворачиваю руль «рэма» влево, до упора, зная, что уже опоздал. Скрежещет корежащийся металл, заглушая песню, а кабина начинает сжиматься, справа налево, потому что кран вторгается в мое пространство, *крадет* мое пространство, и пикап накрывается. Я пытаюсь открыть водительскую дверцу, но куда там. Сделать это следовало незамедлительно, а теперь уже поздно что-то предпринимать. Мир передо мной исчезает, потому что ветровое стекло из-за миллиона трещинок становится матовым. Потом строительная площадка возвращается, потому что ветровое стекло вываливается из рамы. *Вываливается?* Летит, как сложенная пополам игральная карта. Я ложусь на руль, давя на клаксон обеими локтями, моя правая рука служит мне в последний раз. Но едва слышу гудок за ревом двигателя крана. Надпись «LINK-BELT» все движется, сминает дверцу со стороны пассажирского сиденья, сжимает пол под пассажирским сиденьем, разбивает приборный щиток, который ощеривается пластиковыми остриями. Все дерьмо из бардачка разлетается по кабине, как конфетти, радио замолкает, мой контейнер для ленча прижат к планшету с зажимом, и вот идет «LINK-BELT». Надпись уже надо мной, я могу высунуть язык и лизнуть этот гребаный дефис. Я начинаю кричать, по-

тому что именно в этот момент меня начинает сдавливать. Давление нарастает, моя правая рука сначала прижимается к боку, потом расплющивается, потом вскрывается. Кровь хлещет на колени, словно горячая вода из ведра, и я слышу, как что-то ломается. Вероятно, мои ребра. Такие же звуки слышны, когда куриные кости ломаются под каблуком сапога.

Я прижимал Гендальфа к себе и думал: «Принеси этого гребаного приятеля, принеси СТАРИКА и, ради Бога, сляг, ты, тупая сука!»

Теперь я сижу на приятеле, сижу на гребаном старике, происходит это у меня дома, но дом не ощущается домом со всеми этими часами мира, что звонят в моей треснувшей голове, и я не могу вспомнить имя куклы, которую дал мне Кеймен, я помню только мужские имена: Рэндолл, Расселл, Рудольф, даже Ривер-мать-его-Финикс. Я говорю ей, чтобы она оставила меня в покое, когда она приходит с фруктами и этим гребаным творогом, я говорю, дай мне пять минут. «Я могу это сделать», – говорю я, потому что этой фразе научил меня Кеймен, это сигнал «мип-мип-мип», который предупреждает: «Берегись, Пэмми, Эдгар двигается задним ходом». Но вместо того чтобы оставить меня одного, она снимает салфетку с подноса с ленчем, чтобы вытереть пот с моего лба, и когда вытирает, я хватаю ее за шею: думаю в тот момент, что не могу вспомнить имя куклы исключительно из-за нее, это ее вина, *все* – ее вина, включая «LINK-

BELT». Я хватаю ее за шею левой рукой. Несколько секунд хочу убить, и кто знает, может, даже пытаюсь. Но я знаю другое: лучше мне вспомнить все аварии этого круглого мира, чем выражение глаз Пэм, когда она пытается вырваться из моей хватки. Потом я думаю: «Оно было КРАСНОЕ!» – и отпускаю жену.

Я прижимал Гендальфа к груди, как прижимал дочерей, когда они были младенцами, и думал: «Я могу это сделать. Я могу это сделать. Я могу это сделать». Ощущал, как кровь Гендальфа заливает мои брюки, будто горячая вода, и думал: «Давай, хрен моржовый, вылезай из «доджа».

Я держал Гендальфа и думал, каково это, чувствовать, как тебя давят живого, когда кабина твоего пикапа сжирает воздух вокруг тебя, и ты уже не можешь вдохнуть, а кровь хлещет из носа и рта, и последние звуки, которые ухватывает улетающее сознание – хруст ломающихся в теле костей: ребра, рука, бедро, нога, щека, твой гребаный череп.

Я держал собаку Моники и думал, ощущая ничтожный, но триумф: «Оно было КРАСНОЕ!»

На мгновение я погрузился в темноту со всем этим красным, потом открыл глаза. Я прижимал Гендальфа к груди левой рукой, и его глаза снизу вверх смотрели мне в лицо...

Нет, мимо лица. И мимо неба за ним.

– Мистер Фримантл? – подошел Джон Хастингс, старик, который жил через два дома от Голдстайнов. В английской твидовой шляпе и свитере без рукавов он выглядел так, слов-

но собрался на прогулку по шотландским вересковым пустошам. Вот только на лице его читался ужас. – Вы можете положить собаку. Она мертва.

– Да. – Я ослабил хватку. – Вы поможете мне встать?

– Не уверен, что смогу, – ответил Хастингс. – Скорее заваляю нас обоих.

– Тогда пойдите к Голдстайнам, посмотрите, как они.

– Это ее песик, – вздохнул он. – Я надеялся... – Он покачал головой.

– Ее. И я не хочу, чтобы она видела его таким.

– Разумеется, но...

– Я ему помогу. – Миссис Феверо выглядела чуть лучше и уже бросила сигарету. Потянулась к моей правой подмышке, замерла. – Вам будет больно?

«Да, – мог бы ответить я, – но не так, как сейчас», но ответил, что нет. И когда Джон уже шагал по дорожке к дому Голдстайнов, я ухватился левой рукой за бампер «хаммера». На пару мы с миссис Феверо сумели поставить меня на ноги.

– Наверное, у вас нет ничего такого, чем бы накрыть собаку? – спросил я.

– Если на то пошло, в багажнике есть кусок брезента.

– Хорошо. Отлично.

Она двинулась к багажнику (учитывая размеры «хаммера», путь предстоял долгий), потом повернулась ко мне:

– Слава Богу, собака умерла до возвращения девочки.

– Да, – согласился я. – Слава Богу.

Все это происходило неподалеку от моего коттеджа, которым заканчивалась улица, но путь этот дался мне с трудом и занял немало времени. Когда я добрался до цели, кисть, которую я называл «Костыльный кулак», болела, а кровь Гендальфа засыхала на моей рубашке. Я увидел открытку, засунутую между сетчатой дверью и косяком парадной. Достал ее. На открытке, под нарисованной улыбающейся девочкой, отдающей герлскаутский салют, прочитал:

ДЕВОЧКА ИЗ СОСЕДНЕГО ДОМА ЗАХОДИЛА,
ЧТОБЫ ПОВИДАТЬ ВАС И СООБЩИТЬ
О ВКУСНОМ
ГЕРЛСКАУТСКОМ ПЕЧЕНЬЕ!
ХОТЯ ОНА НЕ ЗАСТАЛА ВАС СЕГОДНЯ,
Моника ЗАЙДЕТ ЕЩЕ РАЗ!
ДО СКОРОЙ ВСТРЕЧИ!

Рядом со своим именем Моника нарисовала улыбающуюся рожицу. Я смял открытку и бросил в корзину для мусора, когда, хромя, направился в душ. Рубашку, джинсы и заляпанное кровью нижнее белье я выбросил. Мне больше не хотелось их видеть.

Х

Мой двухлетний «лексус» стоял на подъездной дорожке, но я не садился за руль со дня того несчастного случая на строительной площадке. Парнишка из соседнего колледжа трижды в неделю ездил на нем, выполняя мои поручения. Кэти Грин с готовностью отвозила меня в ближайший супермаркет, если я ее об этом просил, или на последний блокбастер перед одной из наших пыточных сессий (после у меня уже не было никаких сил). Если бы мне сказали, что в эту осень я сам сяду за руль, я бы рассмеялся. И дело было не в травмированной ноге: меня прошибал холодный пот от одной мысли о вождении автомобиля.

Но в тот день, приняв душ и переодевшись, именно это я и проделал: уселся за руль. Повернул ключ в замке зажигания и, постоянно оглядываясь через правое плечо, задним ходом выехал с подъездной дорожки. Я принял четыре маленькие розовые таблетки оксиконтин вместо обычных двух, надеясь на то, что они позволят мне добраться до щита-указателя к супермаркету «Стоп-шоп» на пересечении Ист-Хойт и Истшор-драйв.

В супермаркете я не задержался. Речь шла не об обычном походе за продуктами, скорее, о быстром налете. Одна остановка в мясном отделе, потом прихрамывающая пробежка к экспресс-кассе (от одной до десяти покупок, никаких ку-

понов, ничего для предъявления к осмотру). И тем не менее к моменту возвращения на Астер-лейн я фактически находился в состоянии наркотического опьянения. Если бы меня остановил коп, я бы не прошел проверку на трезвость.

Меня не остановили. Я проехал дом Голдстайнов. на подъездной дорожке стояли четыре автомобиля, не меньше полудюжины припарковались у тротуара, свет сиял во всех окнах. Мать Моники вызвала подкрепление по горячей линии, и, похоже, многие родственники сбежались на зов. Такая отзывчивость делала им честь и шла на пользу Монике.

Менее чем через минуту я уже сворачивал к своему дому. Несмотря на лекарство, правая нога пульсировала от боли: давали себя знать бесконечные перемещения с педали газа на педаль тормоза и обратно. Еще разболелась и голова, как это бывает при перенапряжении. Но более всего меня донимал голод. Именно он выгнал меня из дома. Только слово «голод» лишь в малой степени отражало мое состояние. Я ощущал просто зверский аппетит, и вчерашняя лазанья в холодильнике не могла его утолить. В ней, конечно, было мясо, но явно не в достаточном количестве.

Тяжело опираясь на «канадку», с кружащейся от оксиконтинина головой, я вошел в дом, вытащил сковороду из ящика под плитой, поставил на горелку. Повернул ручку на максимум, едва услышал хлопок вспыхнувшего газа, потому что сосредоточился на куске говяжьей вырезки, с которого

сдирал обертку. Бросил его на сковороду, разгладил рукой, прежде чем достал лопатку из ящика стола у плиты.

Входя в дом, сдирая с себя одежду и вставая под душ, я допустил ошибку, приняв спазмы желудка за тошноту... такое объяснение казалось разумным. Однако к тому времени, когда я смывал мыло, спазмы превратились в устойчивое низкое урчание, словно в животе на холостых оборотах работал мощный мотор. Таблетки это урчание приглушили, но теперь оно вернулось, усилившись. Если я и испытывал такой голод за всю свою жизнь, то не мог вспомнить когда.

Я постукивал лопаткой по большущему плоскому куску мяса и пытался досчитать до тридцати. Полагал, что тридцать секунд на сильном огне являли собой как минимум намек на действие, которое люди называли «приготовлением мяса». Если бы я догадался включить вытяжку и избавиться от запаха, возможно, и дотерпел бы. Но в итоге не досчитал и до двадцати. На семнадцати схватил бумажную тарелку, перекинул на нее мясо и принялся жрать полусырую вырезку, прислонившись к столику. Умял почти половину, когда, глядя на красный сок, вытекающий из красного мяса, ясно и отчетливо увидел Гендальфа, который смотрел на меня снизу вверх, а кровь и экскременты сочились из раздавленной задней половины тела, пятная шерсть на сломанных лапах. Мой желудок не сжался в конвульсиях, нет, нетерпеливо заорал, требуя новой еды. Я хотел есть.

Есть.

В ту ночь мне приснилось, что я в спальне, которую так много лет делил с Пэм. Она спала рядом и не могла слышать каркающий голос, доносящийся откуда-то снизу, с темного первого этажа: «Молодые, полуживые, молодые, полуживые». Голос этот напоминал заевшую виниловую пластинку. Я тряхнул жену за плечо, но она лишь повернулась на бок. Спиной ко мне. Сны обычно говорят правду, не так ли?

Я встал, спустился вниз, держась за перила, не доверяя полностью травмированной ноге. И заметил что-то странное в том, как я держался за знакомый поручень из полированного дерева. На подходе к подножию лестницы я понял, в чем дело. Справедливо это или нет, но мы живем в мире правшей: гитары изготавливаются для правшей, и школьные парты, и приборные щитки американских автомобилей. Перила в доме, где я жил с семьей, не составляли исключения. Они находились справа, потому что, хотя дом строила моя компания по моим чертежам, жена и дочь были правшами, а большинство правит.

И тем не менее моя рука скользила по перилам.

«Естественно, – подумал я. – Потому что это сон. Совсем как вторая половина того дня. Ты понимаешь?»

«Гендальф мне не приснился», – пришла новая мысль, а голос незнакомца в моем доме (все ближе и ближе) назой-

ливо повторял: «Молодые, полуживые». Кто бы это ни был, находился он в гостиной. Мне идти туда не хотелось.

«Нет, Гендальф мне не приснился, – вновь подумал я. Может, эти мысли возникли у моей фантомной правой руки. – Сон – его убийство».

Так он умер сам по себе? Вот что пытался сказать мне голос? Потому что я не думал, что Гендальф умер своей смертью. Я думал, он нуждался в помощи.

Я вошел в мою прежнюю гостиную. Не чувствовал, как переставляю ноги, шел, будто во сне, когда кажется, что мир движется вокруг тебя, пятится назад, словно кто-то прокручивает фильм в обратном направлении. И в гостиной, в старом бостонском кресле-качалке Пэм, сидела Реба, воздействующая на злость кукла, выросшая до размеров ребенка. Жуткие бескостные ноги, обутые в черные туфли «Мэри Джейнс», качались взад-вперед над полом. Ее пустые глаза смотрели на меня. Синтетические, цвета клубники, кудряшки мотались из стороны в сторону. Рот был испачкан кровью, только в моем сне – не человеческой, и не собачьей, а соком, который вытекал из практически сырого гамбургера... соком, который я слизал с бумажной тарелки после того, как доел мясо.

«За нами гналась злая лягушка! – воскликнула Реба. – У нее *ЖУБЫ!*»

Слово это (*ЖУБЫ*) еще звенело в моей голове, когда я сел на кровать, чтобы увидеть плещущееся на коленях холодное озерцо октябрьского лунного света. Я пытался закричать, но мне удалось выдавить из себя лишь несколько беззвучных ахов. Сердце гулко билось. Я потянулся к лампе на прикроватном столике и каким-то чудом не сбросил ее на пол, хотя, когда зажег свет, увидел, что чуть ли не половина ее основания висит в воздухе. Часы-радиоприемник показывали время: 3:19.

Я перекинул ноги через край кровати, взялся за телефон. «Если я вам действительно понадобится, звоните, – говорил мне Кеймен. – В любое время дня и ночи». И если бы его номер хранился в памяти телефонного аппарата, что стоял в моей спальне, я бы скорее всего позвонил. Но реальность постепенно взяла свое: коттедж на берегу озера Фален, не дом в Мендота-Хайтс, никаких каркающих голосов внизу – и необходимость звонить отпала.

Реба, воздействующая на злость кукла, выросшая до размеров ребенка и восседающая в бостонском кресле-качалке. Что ж, почему нет? Я действительно разозлился, хотя скорее на миссис Феверо, чем на бедного Гендальфа, и я понятия не имел, какое отношение имеют зубастые лягушки к цене на бобы в Бостоне. На самом деле вопрос шел о собаке Мо-

ники. Убил я Гендальфа или он умер сам?

А может, вопрос был в другом: почему потом я так проголодался? Может, это и был главный вопрос.

Мне так хотелось мяса.

– Я взял его на руки, – прошептал я.

«Ты хочешь сказать, на руку, потому что теперь у тебя только одна рука».

Но моя память брала песика в мои *руки*, обе руки. Отводя злость («оно было КРАСНЫМ») от этой глупой женщины с сигаретой и мобильником, направляя ее на меня, замыкая эту идиотскую петлю... поднимая его на руки... несомненно, галлюцинация, но – да, так утверждала моя память.

Я положил шею Гендальфа на сгиб левого локтя с тем, чтобы суметь задушить его правой рукой.

Задушить и избавить от страданий.

Я спал голым по пояс, так что мне не составило труда взглянуть на культу. Для этого потребовалось лишь повернуть голову. Я мог шевельнуть культей, но не больше. Прodelал это пару раз. Потом уставился в потолок. Сердце чуть замедлило бег.

– Собака умерла от полученных травм, – отчеканил я. – И шока. Вскрытие это подтвердит.

Да только никто не проводил вскрытие собак, которым ломали кости и которых превращали в желе «хаммеры», управляемые безответственными, не следящими за дорогой женщинами.

Я смотрел в потолок, и мне хотелось, чтобы эта жизнь закончилась. Несчастливая жизнь, которая так хорошо началась. Я думал, что в эту ночь мне больше не заснуть, но тем не менее заснул. В конце концов мы всегда избавляемся от наших тревог.

Так говорит Уайрман.

Как рисовать картину (II)

Помните, правда кроется в мелочах. Не важно, как вы видите мир, или какой стиль он навязывает вам, как художнику, правда кроется в мелочах. Разумеется, там кроется и дьявол (все так говорят), но, возможно, правда и дьявол – синонимы. Так бывает, знаете ли.

Вновь представьте себе маленькую девочку, ту самую, которая выпала из возка. Она ударилась правой стороной головы, но в наибольшей степени пострадало левое полушарие мозга – противоударная травма, помните? В левом полушарии находится зона Брока²⁰... не все это знали в 1920-х годах. Зона Брока управляет речью. Если ударить по ней достаточно сильно, вы потеряете дар речи. Иногда – на какое-то время, может, и навсегда. Но говорить – не видеть, хотя и первое, и второе тесно связаны.

Маленькая девочка по-прежнему все видит.

Она видит пятерых своих сестер. Их платья. Их волосы, растрепанные ветром, когда они приходят с улицы. Она видит усы отца, теперь тронутые сединой. Она видит няню

²⁰ Брока Поль Пьер (1824–1880) – французский врач и антрополог. В 1861 г. к нему пришел пациент, который потерял способность говорить и мог только сказать «тан, тан». Когда пациент скончался, Брока исследовал его мозг и обнаружил поврежденный участок левого полушария, размером с куриное яйцо. Ученый пришел к выводу, что эта часть мозга отвечает за речевые способности, и с тех пор эта область называется зоной Брока.

Мельду, не домоправительницу, а, в понимании девочки, ту, кто более всего соответствует слову «мать». Она видит косынку, которую няня повязывает на голову, когда приближается в доме. Она видит узел спереди, над высоким коричневым лбом няни Мельды. Она видит серебряные браслеты няни Мельды, видит, как они сверкают, выстреливая яркими лучами, когда через окна на них падает солнечный свет.

Мелочи, мелочи, правда кроется в мелочах.

Хочет ли увиденное высказаться, даже если мозг поврежден? Травмирован? Должно хотеть, должно.

Она думает: «У меня болит голова».

Она думает: «Что-то случилось, и я не знаю, кто я. Или где я. Или что означают все эти яркие, окружающие меня образы».

Она думает: «Либбит? Мое имя – Либбит? Я знала, до того как. Я могла говорить до-того-как, когда знала, но теперь мои слова – рыбы в воде. Мне нужен мужчина с волосами на губе».

Она думает: «Это мой папочка, но когда я пытаюсь произнести его имя, вместо этого говорю: «Ица! Ица!» – потому что в этот момент какая-то птица пролетает мимо моего окна. Я вижу каждое перышко. Я вижу ее глаз, блестящий, как стекло. Я вижу ее лапку, она согнута, как будто сломана, и это слово – кривуля. У меня болит голова».

Девочки заходят. Мария и Ханна заходят. Она их не любит, в отличие от близняшек. Близняшки маленькие,

как и она.

Она думает: «Я называла Марию и Ханну Большими Злюками до-того-как», – осознает, что знает это вновь. Еще что-то вернулось. Слово, обозначающее еще одну мелочь. Она снова его забудет, но в следующий раз вспомнит, и будет помнить дольше. Она в этом практически уверена.

Она думает: «Когда я пытаюсь сказать «Ханна», я говорю: «Анн! Анн!» Когда я пытаюсь сказать «Мария», я говорю: «И! И!» И они смеются, эти злюки. Я плачу. Мне нужен мой папа, и я не могу вспомнить, как его назвать; это слово ушло. Слова – будто птицы, они летают. Летают и улетают. Мои сестры говорят. Говорят, говорят, говорят. У меня в горле пересохло. Я пытаюсь сказать «пить». Я говорю: «Ить! Ить!» Но они только смеются, эти злюки. На мне повязка, я ощущаю запах йода, запах пота, слушаю их смех. Я кричу на них, кричу громко, и они убегают. Приходит няня Мельда, ее голова красная. Потому что волосы повязаны косынкой. Ее кругляши сверкают на солнце, и называются эти кругляши браслетами. Я говорю: «Ить, ить!» – но няня Мельда меня не понимает. Тогда я говорю: «Ака! Ака!» – и няня сажает меня на горшок, хотя на горшок мне совсем и не нужно. Я сижу на горшке и вижу, и повторяю: «Ака! Ака!» Входит папочка. «Чего ты кричишь?» – все его лицо в белых пузырях пены, кроме полосы гладкой кожи. Там, где он провел той штуковинкой, которая убирает волосы. Он видит, куда я указываю. Он понимает. «Да она хочет

пить». Наполняет стакан. Комната залита солнцем. Пыль плавает в солнце, и папина рука движется сквозь солнце, неся стакан, и называется это – «красиво». Я выпиваю все-все. Потом снова кричу, но от радости. Он целует меня целует меня целует меня, обнимает меня обнимает меня обнимает меня, и я пытаюсь сказать ему: «Папочка!» – но по-прежнему не могу. Потом я вдруг думаю о его имени, и в голове появляется «Джон», вот я и думаю о его имени, и пока я думаю «Джон», с моих губ срывается: «Папочка!» – и он обнимает меня обнимает меня еще сильнее.

Она думает: «Папочка – мое первое слово после того, как со мной случилось плохое».

Правда кроется в мелочах.

Глава 2

«Розовая громада»

i

Географическое предложение Кеймена сработало, но если уж говорить о приведении в порядок моей головы, думаю, что на Флориду выбор пал случайно. Это правда, я там поселился, но в действительности там *не жил*. Нет, географическая терапия Кеймена сработала благодаря Дьюма-Ки и «Розовой громаде». Для меня эти два места составили собственный мир.

Я отбыл из Сент-Пола десятого ноября с надеждой в сердце, но без особых ожиданий. Провожала меня Кэти Грин, королева лечебной физкультуры. Она поцеловала в губы, крепко обняла и прошептала:

– Пусть все твои сны сбудутся, Эдди.

– Спасибо, Кэти, – ответил я, тронутый до глубины души, хотя из головы у меня не шел сон с Ребой, воздействующей на злость куклой, в котором она, выросшая до размеров ребенка, сидела в кресле в залитой лунным светом гостиной дома, где я прожил с Пэм много лет. Не сильно мне хотелось, чтобы этот сон сбылся.

– И пришли мне свою фотографию из «Диснейуолда». Хочу увидеть тебя с мышиными ушами.

– Обязательно, – пообещал я, но не побывал ни в «Диснейуолде», ни в «Сиуолде», ни в «Буш-Гарденс», ни на «Дантона-Спидуэй»²¹.

Когда я покидал Сент-Луис в комфортабельном салоне «Лир-55» (уход на пенсию при деньгах имеет свои преимущества), температура воздуха опустилась до пяти градусов ниже нуля, и на землю падали первые снежинки, предвестники длинной зимы. В Сарасоте я вышел из самолета в жару под тридцать градусов и солнце. Даже пересекая полосу асфальта, отделявшую меня от терминала частных пассажирских самолетов, по-прежнему опираясь на верную красную «канадку», я буквально чувствовал, как правое бедро не устает повторять: «Спасибо тебе».

Вспоминая то время, я вижу бурлящий котел эмоций: любви, желания, страха, ужаса, сожаления и глубокой нежности. Испытать эти чувства могут лишь те, кто побывал на грани смерти. Думаю, то же самое ощущали Адам и Ева. Конечно же, они оглядывались на Эдем (едва ли вы не согласитесь в этом со мной), когда босиком двинулись по дорожке, приведшей туда, где мы сейчас и находимся, в наш мрачный, пронизанный политикой мир с пулями, бомбами и спутниковым телевидением. Смотрели ли они за спину ан-

²¹ «Диснейуолд», «Сиуолд», «Буш-Гарденс» – парки развлечений, «Дантона-Спидуэй» – трасса автогонок, все они расположены в штате Флорида.

гела с огненным мечом, который охранял закрывающиеся ворота? Безусловно. Думаю, они хотели еще раз увидеть зеленый мир, который потеряли, со сладкой водой и добрыми животными. И, разумеется, со змеем.

От западного побережья полуострова Флорида в море брошен браслет с амулетами-островами. Если у вас завяжутся семимильные сапоги, обув их, вы сможете шагнуть с Лонгбоута на Лидо, с Лидо – на Сиесту, с Сиесты – на Кейси. Следующий шаг приведет вас на Дьюма-Ки (девять миль в длину и полмили в самом широком месте), расположенный между Кейси-Ки и Дон-Педро-Айлендом. Большая часть острова необитаема, заросли баньянов, пальм и казуарин, неровный, в дюнах, берег, который смотрит на Мексиканский залив. Выход на пляж охраняется полосой униолы метельчатой, высотой по пояс. «Униоле здесь самое место, – как-то сказал мне Уайрман, – но вся остальная хрень не должна тут расти без полива». Большую часть времени, которое я провел на Дьюма-Ки, там, помимо меня, жили только Уайрман и Невеста крестного отца.

Я попросил Сэнди Смит, моего риелтора в Сент-Поле, найти тихое местечко (не уверен, что употребил слово «изолированное»), но достаточно близкое к благам цивилизации. Помня совет Кеймена, особо отметил, что хочу арендовать дом на год, и цена значения не имеет. При условии, что я не останусь без гроша в кармане. Пусть меня мучила депрессия, да и боль практически не отпускала, я не хотел, чтобы кто-либо воспользовался моей слабостью. Сэнди ввела мой

запрос в компьютер, и программа выдала «Розовую громаду». Я будто вытащил счастливый билет. Да только я в это не верил. Потому что даже в самых первых моих рисунках вроде бы, ну, не знаю, что-то было.

Что-то.

В день прибытия на Дьюма-Ки (на арендованной машине, за рулем которой сидел Джек Кантори, молодой человек, нанятый Смит через одно из агентств по трудоустройству Сарасоты), я ничего не знал об истории острова, за исключением одного: добраться до него можно с Кейси-Ки по мосту, построенному в эру УОР²². Я обратил внимание, что только северная оконечность свободна от растительности, заполонившей весь остров. Здесь территорию облагородили (применительно к Флориде это означало создание ирригационной системы, посадку пальм и травы). Вдоль узкой, в заплатках асфальта, дороги на юг построили полдюжины домов, и замыкала ряд огромная, но, безусловно, элегантная гасиенда.

А неподалеку от съезда с моста, на расстоянии, не превышающем длину футбольного поля, я увидел розовую виллу, нависшую над Заливом.

– Это она? – спросил я, думая: «Пусть это будет она. Именно она мне и нужна». – Это она, не так ли?

– Понятия не имею, мистер Фримантл, – ответил Джек. – Сарасоту я знаю, а вот на Дьюму попал впервые. Не было повода приезжать. – Он остановился рядом с почтовым ящи-

²² Управление общественных работ – федеральное независимое ведомство, созданное в 1935 г. по инициативе президента Рузвельта и ставшее основным в системе трудоустройства безработных в ходе осуществления Нового курса.

ком с красным числом 13. Посмотрел на папку, что лежала между нашими сиденьями. – Нам сюда, все так. «Салмон-Пойнт», номер 13. Надеюсь, вы не суеверны.

Я покачал головой, не отрывая глаз от виллы. Меня не тревожили разбитые зеркала или черные кошки, перебегающие дорогу, но я искреннее верил в... ну, может, не в любовь с первого взгляда, по мне такое для книг и фильмов – в чистом виде Ретт-и-Скарлетт – но в притяжение? Точно. Так меня потянуло к Пэм, когда я увидел ее в первый раз, на двойном свидании (она была с другим парнем). И то же самое я испытал, увидев «Розовую громаду».

Дом стоял на сваях, его «подбородок» далеко выступал за линию высокого прилива. Рядом с подъездной дорожкой, на покосившейся деревянной палке, крепилась табличка с надписью «**ПОСТОРОННИМ ВХОД ВОСПРЕЩЕН**», но я полагал, что ко мне эта надпись не относится.

«Как только вы подпишете договор аренды, дом ваш, – объяснила мне Сэнди. – Даже если его продадут, новый владелец не сможет выселить вас до истечения срока аренды».

Джек медленно подъехал к двери черного хода... единственной двери, поскольку фасадом дом выходил на Мексиканский залив.

– Я удивлен, что его разрешили построить так близко от воды. – Джек покачал головой. – Наверное, в прежние времена порядки были другими, – под прежними временами он, вероятно, подразумевал 1980-е годы. – Это ваш автомо-

биль. Надеюсь, он в порядке.

Справа от виллы, на квадрате потрескавшегося бетона, был припаркован автомобиль, типичный «американец» средних размеров, на каких специализируются компании по прокату. Я не садился за руль с того дня, когда миссис Феверо сбила Гендальфа, и удостоил автомобиль разве что беглым взглядом. Зато меня очень интересовала квадратная громадина, которую я арендовал.

– Разве нет законов, запрещающих строительство в непосредственной близости от берегов Мексиканского залива?

– Теперь наверняка есть, но таких законов могло и не быть, когда шло строительство. Проблема в береговой эрозии. Я сомневаюсь, что дом построили висящим над водой.

Он, конечно же, был прав. Я видел шестифутовый отрезок свай, поддерживающих застекленную веранду с навесом, так называемую «флоридскую комнату». Если только сваи не уходили в скальное основание на шестьдесят футов, этому дому предстояло «уплыть» в Мексиканский залив. Вопрос времени, ничего больше.

Я только думал об этом, а Джек Кантори уже озвучивал мои мысли. Потом он улыбнулся.

– Волноваться, впрочем, не о чем, я уверен, что дом вас предупредит. Вы услышите скрип и стоны.

– Как дом Ашеров, – кивнул я.

Улыбка Джека стала шире.

– Да он наверняка простоит еще лет пять. Иначе его давно бы забраковали.

– Мне бы твою уверенность.

Джек задним ходом подогнал автомобиль к двери, чтобы выгрузить багаж. Впрочем, вещей я захватил с собой немного: три чемодана, чехол с костюмами, металлический кейс с ноутбуком и рюкзак с минимумом необходимого для рисования – главным образом с блокнотами и цветными карандашами. Прошлую жизнь я оставил налегке. Посчитал, что в новой мне прежде всего понадобятся чековая книжка и карточка «Америкэн экспресс».

– Что вы хотите этим сказать? – спросил он.

– Тот, кто мог позволить себе построить здесь виллу, наверняка мог договориться с сотрудниками СИ.

– СИ? Что это такое?

Сразу ответить у меня не получилось. Я представлял себе, о ком говорю: мужчины в белых рубашках и галстуках, в желтых защитных касках на голове, с планшетами в руках. Я видел даже ручки в их нагрудных карманах и пластиковые чехольчики, в которые эти ручки вставлялись. Дьявол кроется в мелочах, верно? Но я не мог вспомнить, что означает СИ, хотя аббревиатуру знал не хуже собственного имени. И мгновенно меня охватила ярость. Мгновенно я решил, что сейчас самым естественным будет сжать левую руку в кулак и врезать по незащищенному адамову яблоку молодого человека, который сидел рядом со мной. Я ведь имел на это

полное право. Потому что не смог найти ответ именно на его вопрос.

– Мистер Фримантл?

– Одну секунду, – ответил я, подумав: «Я могу это сделать».

Я вспомнил о Доне Филде, парне, который инспектировал большинство зданий, построенных мной в девяностых годах (вроде бы большинство), и в моей голове что-то замкнулось. Я осознал, что сижу, выпрямившись, левая рука, лежащая на коленях, сжата в кулак. Понял, почему в голосе Джека слышалась озабоченность. Я выглядел так, словно мой живот пронзила резкая боль. Или у меня сердечный приступ.

– Извини, – продолжил я. – Со мной произошел несчастный случай. Я ударился головой. Память иногда подводит.

– Не волнуйтесь об этом, – проговорил Джек. – Не так уж это и важно.

– СИ – строительная инспекция. Следит за выполнением норм строительного кодекса. Обычно они решают, собирается рухнуть твой дом или нет.

– Так вы говорите о взятках? – Мой новый работник нахмурился. – Что ж, я уверен, такое случается, особенно здесь. Деньги решают все.

– Ну откуда такой цинизм. Иногда это вопрос дружбы. Строители, подрядчики, сотрудники строительной инспекции, иногда даже парни из УОТ²³... они обычно пьют в од-

²³ УОТ – Федеральное управление охраны труда и техники безопасности.

них барах, а раньше ходили в одни школы. – Я рассмеялся. – В некоторых случаях в исправительные школы.

– Они назначили под снос пару домов в северной части Кейси-Ки, когда береговая эрозия ускорилаь, – заметил Джек. – Один просто рухнул в воду.

– Что ж, как ты и говоришь, я скорее всего услышу треск, а пока дом выглядит вполне безопасным. Давай занесем мои вещи.

Я открыл дверцу, затем с трудом вылез из автомобиля. Травмированная нога затекла. Если бы я вовремя не поставил костыль, то поздоровался бы с «Розовой громадой», растянувшись на каменной ступеньке у двери.

– Я занесу ваши вещи, – сказал Джек. – А вы пройдите в дом и посидите, мистер Фримантл. Не повредит и глоток чего-то холодного. Вы выглядите усталым.

Эмоциональная и физическая нагрузки, вызванные путешествием, дали о себе знать, так что я более чем устал. К тому времени, когда я уселся в кресло в гостиной (кренясь влево, как обычно, в стремлении максимально выпрямить правую ногу), с готовностью признался себе, что вымотан донельзя.

Однако тоски по дому я не испытывал, во всяком случае, пока не испытывал. Джек заносил чемоданы в большую спальню, устанавливал ноутбук на столе в маленькой, а мой взгляд притягивала западная стена гостиной из стекла, «флоридская комната» за ней и Мексиканский залив еще дальше. Безбрежная синева, плоская, как зеркало, во второй половине этого жаркого ноябрьского дня. И даже с закрытой дверью-стеной я слышал негромкое и ровное дыхание этой синевы. «У нее нет памяти», – такая вот странная, но оптимистичная мысль мелькнула в голове. Меня по-прежнему волновало все, что касалось памяти (и злости).

Джек вернулся из маленькой спальни и сел на подлокотник дивана. Мне показалось, что молодому человеку не терпится уйти.

– Из еды все необходимое у вас есть, – доложил он. – Плюс салат, гамбургер и готовая курица в вакуумной упаковке... у нас дома ее называют «Курица-астронавт». Наде-

юсь, вы не против.

– Отлично.

– Двухпроцентное молоко...

– Очень хорошо.

– ...и разбавленные сливки. Если нужно, в следующий раз могу привезти чистые.

– Хочешь закупорить мою единственную оставшуюся артерию?

Он рассмеялся.

– В маленькой кладовой на кухне все виды баночного дер... консервов. Кабельное телевидение подключено, интернет работает... я договорился о Wi-Fi, это стоит чуть дороже, но круто... и, если хотите, можно установить спутниковую антенну.

Я покачал головой. Он был хорошим парнем, но я хотел послушать Залив, нашептывающий мне слова, которые он уже не вспомнил бы минутой позже. И я хотел послушать виллу, выяснить, есть ли ей что сказать. Почему-то у меня создалось впечатление, что есть.

– Ключи в конверте на кухонном столе... в том числе и от автомобиля... список телефонных номеров, которые могут вам понадобиться – на холодильнике. У меня занятия в университете каждый день, кроме понедельника, но мобильник всегда при мне, и я буду приезжать по вторникам и четвергам к пяти часам, если мы не договоримся на другие дни. Вроде бы все?

– Да. – Я полез в карман за деньгами. – Хочу выдать тебе премию. Ты отлично поработал.

Он замахал руками.

– Нет. Это клевая работа, мистер Фримантл. Хорошая оплата и удобное время. Я счел бы себя хапугой, получая еще и премии.

Я рассмеялся, убрал деньги в карман.

– Как скажешь.

– Вам бы прилечь. – Он поднялся.

– Может, и прилягу. – Странно это, когда к тебе относятся, как дедушке Уолтону²⁴, но, наверное, мне следовало к этому привыкать. – А что случилось с другим домом на северной оконечности Кейси-Ки?

– Что?

– Ты сказал, что один рухнул в воду. Что случилось со вторым?

– Насколько я знаю, он все еще на прежнем месте. Хотя если сильный шторм вроде «Чарли» обрушится на остров, едва ли от дома что-то останется. – Он подошел ко мне, протянул руку. – В любом случае, мистер Фримантл, добро пожаловать во Флориду. Надеюсь, она примет вас хорошо.

Я пожал его руку.

– Спасибо... – Я запнулся, возможно, на столь короткое время, что он и не заметил, но я не разозлился. На него точно

²⁴ Дедушка Уолтон – персонаж телесериала «Уолтоны» компании Си-би-эс (1972–1981).

не разозлился. – Спасибо за все.

– Да ладно.

Когда Джек уходил, во взгляде, брошенном на меня, чувствовалось легкое недоумение, так что, возможно, он заметил. Может, заметил, как я запнулся. Меня это уже не волновало. Наконец-то я остался один. Вслушался в хруст ракушек и гравия, вылетевших при развороте из-под автомобильных колес. В шум двигателя, который затихал, затихал, исчез. Осталось лишь негромкое, ровное дыхание Залива. И удары сердца – мягкие, глуховатые. Никаких часов, звенящих, бьющих, даже тикающих. Я глубоко вдохнул, набрал полную грудь затхлого, чуть влажноватого воздуха. А как еще могло пахнуть в помещении, которое достаточно давно стояло закрытым, если не считать коротких еженедельных (или раз в две недели) ритуальных проветриваний? Я, кажется, уловил запахи морской соли и субтропических растений, названий которых еще не знал.

Слышал я главным образом шум волн, очень уж напоминающий дыхание какого-то большого спящего существа, и смотрел через стеклянную стену, которая выходила на воду. Поскольку «Розовую громаду» приподняли над уровнем земли, с того места, где я сидел (достаточно далеко от стеклянной стены гостиной), берега видно не было. Сидя в кресле, я имел возможность полюбоваться разве что одним из больших танкеров, следующих нефтяными маршрутами из Венесуэлы в Галвестон. Купол неба затянула лег-

кая дымка, приглушая яркость отражающихся от поверхности воды солнечных лучей. Слева на фоне неба четко прорисовывались силуэты трех пальм, их кроны чуть колыхались под очень, очень легким ветерком: эти самые пальмы я изобразил на своем первом после несчастного случая рисунке. «На Миннесоту, прафта, не похоше», – прокомментировал Том Райли.

Стоило мне посмотреть на них, как вновь захотелось рисовать... потребность напоминала голод, правда, возникла она не в желудке, а вызвала зуд в голове. И что странно, еще и в культе. «Не сейчас, – одернул я себя. – Позже. Сейчас я как выжатый лимон».

Из кресла я сумел подняться со второй попытки, довольный тем, что юноша не стал свидетелем провала первой и не услышал мой нелепый («Твою мать!») раздраженный вскрик. Поднявшись, я какое-то время шатался, опираясь на «канадку», задаваясь вопросом, до какой же степени я вымотан. Обычно «выжат как лимон» – выражение образное, но в тот момент я именно таким себя и ощущал.

Медленным шагом (не испытывая никакого желания упасть здесь в первый же день) я проделал путь в большую спальню. Увидел двуспальную кровать, и больше всего мне захотелось подойти к ней, сесть, костылем скинуть на пол эти идиотские декоративные подушки (на одной вышили некое подобие двух прыгающих кокер-спаниелей и довольно пугающую мысль: «МОЖЕТ, СОБАКИ И ЕСТЬ САМЫЕ ХО-

РОШИЕ ЛЮДИ?»), лечь и поспать два часа. Может, три. Но сначала я прошел к скамье у изножия кровати, по-прежнему очень осторожно, зная, как легко при такой усталости зацепиться ногами и упасть. На скамью юноша положил два из трех моих чемоданов. Нужный, конечно, оказался снизу, так что я без колебаний сбросил верхний на пол и расстегнул молнию наружного кармана.

Стеклянные синие глаза глянули на меня с выражением вечного осуждающего удивления: «О-о-о-о-х, какой противный парниша! Я столько времени здесь пролежала!» Взбитые синтетические оранжево-красные волосы вырвались из заточения. Реба, воздействующая на злость кукла, в лучшем синем платье и черных туфлях «Мэри Джейнс».

Прижимая ее к боку культией, я лег на кровать. После того как устроился между декоративных подушек (больше всего мне хотелось отправить на пол прыгающих кокеров), положил куклу рядом с собой.

– Я забыл его имя, – признался я. – Всю дорогу сюда помнил. А потом забыл.

Реба смотрела в потолок, где застыли лопасти вентилятора. Я забыл его включить. Ребу не волновало, как звали молодого человека, который теперь работал у меня в свободное от учебы время – Айк, Майк или Энди ван Слайк. Ей все это было без разницы. Да и чего еще я мог ожидать от тряпок, засунутых в розовое тело каким-нибудь несчастным ребенком, которого заставляли трудиться и нещадно эксплуатиро-

вали где-то в Камбодже или в гребаном Уругвае.

– Как его зовут? – спросил я ее. И при всей моей усталости, почувствовал прежнюю нарастающую панику. Прежнюю нарастающую ярость. Страх, что такое будет продолжаться до конца моей жизни. Или станет хуже! Меня увезут в санаторий для выздоравливающих – в действительно-сти тот же ад, только заново покрашенный.

Реба не ответила, бескостная сука.

– Я могу это сделать, – отчеканил я, хотя сам себе не верил. И подумал: «Джерри. Нет, Джефф». Потом: «Нет, ты думаешь о Джерри Джеффе Уокере, козел. Джонсон? Джеральд? Джордж Вашингтон, черт побери?»

Я начал засыпать. Начал засыпать, несмотря на злость и панику. Меня убаюкивал тихий шепот Залива.

«Я могу это сделать, – подумал я. – Напрягись. Вспомнил же ты, что означало СИ».

Я вспомнил, как молодой человек сказал: «Они определили к сносу пару домов в северной части Кейси-Ки, когда береговая эрозия ускорила», – и в этом что-то было. Моя культя зудела, как безумная. Но можно прикинуться, что зудит культя другого человека, в другой вселенной, а тем временем искать эту штуковину, эту тряпку, эту кость, эту связь...

...засытая...

«Хотя если сильный шторм вроде «Чарли» обрушится на остров...»

И бинго!

«Чарли», название урагана, и когда очередной ураган приближался к побережью, я включал Метеорологический канал, как и вся Америка, а их комментатора по ураганам звали...

Я поднял Ребу – на мой полусонный взгляд, весила она фунтов двадцать.

– Комментатор по ураганам – Джим Канторе, – объяснил я Ребе. – Мой помощник – *Джеск* Кантори. Гребаное дело закрыто. – Я положил ее на спину и зажмурился. Еще десять или пятнадцать секунд слушал дыхание Залива. Потом заснул.

Спал до заката. Самым глубоким, самым крепким сном за последние восемь месяцев.

V

В самолете я едва прикоснулся к еде, поэтому проснулся жутко голодным. Вместо двадцати пяти упражнений на сгибание, чтобы размять травмированное бедро, сделал только дюжину, заглянул в туалет и поспешил на кухню. Опирался на «канадку», но не так тяжело, как ожидал, учитывая продолжительность дневного сна. Намеревался сделать себе сэндвич, может, два. Рассчитывал на порезанную копченую колбасу, но полагал, что подойдет любое мясо для сэндвича. После еды собирался позвонить Илзе и сказать, что добрался до пункта назначения. А уж Илзе электронными письмами известила бы всех, кого заботило благополучие Эдгара Фримантла. Потом мне предстояло принять вечернюю дозу обезболивающих таблеток и изучить оставшуюся часть моего нового жилища. Я еще не успел побывать на втором этаже.

Чего я не учел в своих планах, так это изменений в открывающемся из окон виде на запад.

Солнце зашло, но над плоской поверхностью Залива, простиравшегося до горизонта, оставалась яркая оранжевая полоса. Она разрывалась только в одном месте силуэтом какого-то огромного корабля. Силуэт этот напоминал рисунок первоклассника. Трос тянулся от носа к, по моему предположению, радиомачте, образуя треугольник света. А выше оранжевое переходило в захватывающее дух сине-зеле-

ное, как на полотнах Максфилда Пэрриша. Сам я таких цветов раньше не видел... и однако испытал ощущение *deja vu*, словно все-таки видел – во сне. Может, мы все видим такое небо в наших снах, но проснувшийся мозг не в силах подобрать для увиденного привычные названия цветов.

Еще выше, в сгущающейся черноте, уже сияли первые звезды.

Я более не испытывал голода, пропало и желание звонить Илзе. Мне хотелось только одного: нарисовать то, что я видел перед собой. Я знал, что мне не удастся все перенести на бумагу, но плевать я хотел, удастся или нет... и вот это радовало больше всего. Притягивал сам процесс.

Мой работник (на мгновение я опять забыл его имя, потом вспомнил Метеоканал, потом подумал: «Джек, гребаное дело закрыто») оставил рюкзак с рисовальными принадлежностями во второй спальне. Вместе с ним я неуклюже прошествовал во «флоридскую комнату»: одной рукой приходилось нести рюкзак и опираться на костыль. Легкий любопытный ветерок взъерошил волосы. Сама идея, что такой вот ветерок и снег в Сент-Поле могли существовать одновременно, в одном мире, казалась абсурдной... прямо-таки научной фантастикой.

Я положил рюкзак на длинный шероховатый деревянный стол, подумал, что надо бы включить свет, но отказался от этой мысли. Я мог рисовать, пока видел, что рисую, а потом сказать себе, что на сегодня все. Сел, как всегда, ско-

собочась, расстегнул молнию, достал альбом. «МАСТЕР» – гласила надпись на обложке. С учетом уровня моего мастерства выглядела она насмешкой. Я залез глубже и вытащил коробку с цветными карандашами.

Рисовал и раскрашивал я быстро, практически не глядя на то, что делаю. Над произвольно проведенной линией горизонта все затенил желтым – торопливо водил карандашом из стороны в сторону, иногда задевая корабль (должно быть, ему предстояло стать первым желтушным танкером в мире), но меня это не волновало. Когда закончил с полосой заката (теперь он совсем догорал), я схватил оранжевый карандаш, начал водить по желтой полосе, уже сильнее. Потом вернулся к кораблю, особо не думая, просто наносил на бумагу черные, пересекающиеся линии. Таким я его видел.

Когда закончил, практически полностью стемнело.

По левую руку шелестели листвой три пальмы.

Ниже и подо мной, но не очень далеко, вода прибывала, вздыхал Мексиканский залив, словно у него выдался долгий день, а еще оставалась работа.

Над головой высыпали уже тысячи звезд, и прямо у меня на глазах появлялись все новые.

«И так здесь было всегда», – подумал я и вспомнил фразу, которую произносила Мелинда, если слышала по радио действительно понравившуюся ей песню: «Она зацепила меня на здрасьте». Под моим примитивным танкером и я написал это слово, «здрасьте», маленькими буквами. Насколько я

могу вспомнить (а с памятью у меня теперь лучше), я впервые в жизни дал название картине. И если уж говорить о названиях, это – хорошее, не так ли? Несмотря на все последующие потери, я до сих пор думаю, что это идеальное название для картины, нарисованной мужчиной, который изо всех сил пытался больше не грустить... пытался вспомнить, каково это – чувствовать себя счастливым.

На сегодня – все. Я положил карандаш на стол, и вот тут вилла заговорила со мной в первый раз. Голос был тише дыхания Залива, но я все равно его услышал.

«Я ждала тебя», – донеслось до моих ушей.

В тот год я разговаривал с собой и себе же отвечал. Иногда отвечали и другие голоса, но вечером моего первого дня во Флориде беседу вели я, только я, и никто, кроме меня.

– Хьюстон, это Фримантл, как слышите, Хьюстон? – сунувшись в холодильник, с мыслью: «Господи, если это самое необходимое, не хочется даже представлять себе, что парнишка понимает под словами «набить холодильник»... того, что уже есть, мне хватит, чтобы пережить третью мировую войну».

– Последнее сообщение принято, Фримантл, мы вас слышим.

– У нас тут копченая колбаса, Хьюстон, мы принимаемся за копченую колбасу, как меня слышите?

– Вас понял, Фримантл, слышим вас ясно и четко. Как ситуация с майонезом?

Мы принялись и за майонез. Я приготовил два сэндвича с кружочками копченой колбасы, уложенными на слой майонеза (когда я был маленьким, нас воспитывали в вере, что майонез, копченая колбаса и белый хлеб – пища богов), и съел их за кухонным столом. В кладовке нашел две упаковки «Тейбл ток пайс»²⁵, с яблочной и черничной начинкой.

²⁵ «Тейбл ток пайс» – пироги с фруктовой начинкой. Выпускаются с 1924 г. Особо популярны в Новой Англии, но пользуются спросом по всей стране.

Начал подумывать о том, чтобы изменить завещание в пользу Джека Кантори.

Наевшись, как удав, я вернулся в гостиную, включил свет, посмотрел на «Здрасьте». Рисунок получился не очень. Но что-то в нем было. Небрежно затушеванная вечерняя заря удивительным образом словно светилась изнутри. Корабль мало напоминал тот, что я видел, мой выглядел интереснее, этакий корабль-призрак. Собственно, и нарисовал-то я его схематично, несколькими линиями, но пятна желтого и оранжевого создавали ощущение, что корабль прозрачный, и сквозь него пробивается закатный свет.

Я поставил рисунок на телевизор, прислонил к табличке с надписью: **«ВЛАДЕЛЕЦ ТРЕБУЕТ, ЧТОБЫ ВЫ И ВАШИ ГОСТИ НЕ КУРИЛИ В ДОМЕ»**. Еще несколько мгновений посмотрел на него, подумал, что на переднем плане чего-то не хватает, скажем, корабля поменьше, дабы подчеркнуть удаленность второго корабля, придать рисунку глубину, но больше мне рисовать не хотелось. А кроме того, любое добавление могло свести на нет ауру картины. И вместо карандаша я взялся за телефон, подумав, что могу позвонить Илзе по мобильнику, если он не работает. Однако Джек и тут оказался на высоте.

Я полагал, что скорее всего общаться мне придется с автоответчиком (в колледже у девушек дел хватает), но она сняла трубку после первого же гудка.

– Папуля! – Она так меня удивила, что я даже потерял дар

речи, и ей пришлось повторить: – Папа?

– Да, – ответил я. – Как ты узнала?

– На дисплее высветился телефонный код – девятьсот сорок один. Это тот регион, где находится Дьюма. Я проверяла.

– Современные технологии. Мне за ними не угнаться.

Как ты, детка?

– Отлично. А ты как?

– Все у меня хорошо. Если на то пошло, даже лучше, чем хорошо.

– Человек, которого ты нанял?..

– Он не зря получает деньги. Кровать застелена, холодильник полон. Я приехал и проспал пять часов.

Последовала пауза, а когда Илзе заговорила, озабоченности в голосе заметно прибавилось:

– Ты не слишком налегаешь на обезболивающие таблетки? Потому что оксиконтин – в каком-то смысле троянский конь. Конечно, я не говорю тебе ничего такого, чего ты еще не знаешь.

– Нет, я принимаю прописанные дозы. Фактически...

– Что, папуля? Что? – По голосу чувствовалось, что она готова ловить такси, чтобы мчаться в аэропорт и прилететь первым же рейсом.

– Я только сейчас осознал, что в пять часов не принимал викодин... – Я взглянул на часы. – А в восемь – оксиконтин. Невероятно.

– Боль сильная?

– Пара таблеток тайленола с ней справятся. По крайней мере до полуночи.

– Возможно, перемена климата, – предположила Илзе. – И дневной сон.

Я не сомневался, что в какой-то мере на боль повлияло и первое, и второе, но не думал, что они сыграли главную роль. Может, от этого пахивало безумием, но у меня сложилось ощущение, что решающее слово сказалось *рисование*. Если на то пошло, я это знал.

Мы поговорили еще какое-то время, и я почувствовал, как озабоченность уходит из голоса Илзе. Заместила ее печаль. Скорее всего она поняла, что это на самом деле произошло, и ее мать и отец не собираются проснуться однажды утром и зажечь, как прежде. Но она пообещала позволить Пэм и отправить электронное письмо Мелинде, дать им знать, что я все еще на земле живых.

– У тебя есть электронная почта, папа?

– Да, но сегодня ты будешь моей электронной почтой, солнышко.

Она засмеялась, всхлипнула, засмеялась вновь. Я хотел спросить, не плачет ли она, но передумал. Решил, что лучше не спрашивать.

– Илзе? Пожалуй, я тебя отпущу, милая. Хочу принять душ и на том закончить день.

– Хорошо, но... – Пауза. Потом ее прорвало: – Меня корежит при мысли о том, что ты во Флориде один! Вдруг ты

упадешь в душе! Неправильно это!

– Солнышко, все у меня хорошо. Честное слово. Этот парень... его зовут... – «Ураганы, – подумал я. – Метеоканал». – Его зовут Джим Кантори. – В ряд я попал правильный, но с местом ошибся. – Я хотел сказать, Джек.

– Ты знаешь, это не одно и то же. Хочешь, чтобы я приехала?

– Нет, ты же не хочешь, чтобы твоя мать сняла с нас обоих скальпы. Оставайся там, где сейчас и находишься, и занимайся своими делами, дорогая. Буду держать тебя в курсе.

– Ладно. Но береги себя. Никаких глупостей.

– Никаких глупостей. Вас понял, Хьюстон.

– Что?

– Не важно.

– Я все-таки хочу услышать, как ты мне это пообещаешь.

На ужасный и удивительно странный миг я увидел Илзе одиннадцатилетней – Илзе в форме герлскаутов, – и она смотрела на меня полными ужаса глазами Моника Голдстейн. И прежде чем я успел сдержать слова, услышал, как говорю:

– Обещаю. Клянусь. Именем матери.

Илзе рассмеялась.

– Никогда такого не слышала.

– Ты еще много чего обо мне не знаешь. Я полон тайн и загадок.

– Раз ты так говоришь... – Опять пауза. А потом: – Я тебя

люблю.

– Я тоже.

Я осторожно положил трубку на рычаг и долго смотрел на нее.

Вместо того чтобы принять душ, я вышел на берег. Быстро обнаружил, что на песке проку от костыля нет, скорее, он превращался в помеху, но от угла дома до воды меня отделяли каких-то два десятка шагов. Я не спешил, так что без проблем преодолел это расстояние. Прибоя практически не было, высота накатывающих волн не превышала нескольких дюймов. И мне было трудно представить себе, с какой яростью эта самая вода обрушивалась на берег во время урагана. Просто невозможно. Потом Уайрман скажет мне: «Бог всегда наказывает нас за то, что мы не можем себе представить».

Это одно из лучших его изречений.

Я повернулся, чтобы возвратиться к дому, но остановился. Света было достаточно, чтобы под выступом «флоридской комнаты» я мог увидеть толстый ракушечный ковер, нанесенный приливом. Целую кучу ракушек. Казалось, что при высоком приливе передняя часть моей новой виллы превращается чуть ли не в бак корабля. Я вспомнил слова Джека о том, что заранее получу предупреждение, если Мексиканский залив захочет «съесть» этот дом, что я услышу скрежет и стоны. Наверное, он говорил правильно... но и на строительной площадке обычно предполагается, что ты заранее получаешь предупреждение о пятящейся

к тебе тяжелой технике.

Я дохромал до костыля, который оставил прислоненным к стене виллы, и по короткому дощатому настилу добрался до двери. Хотел встать под душ, но вместо этого принял ванну. Опускался и поднимался осторожно, используя навыки, полученные от Кэти Грин в моей прошлой жизни. Мы оба проделывали это в купальных костюмах, и тогда моя правая нога напоминала кусок плохо порубленного мяса. С той поры все изменилось; тело постаралось залечить раны. Шрамы, конечно, останутся на всю жизнь, но даже они заметно сгладились, рассосались. Почти рассосались.

Я вытерся полотенцем и почистил зубы, затем, опираясь на костыль, вернулся в спальню и оглядел двуспальную кровать, теперь лишенную декоративных подушек.

– Хьюстон, мы ложимся в кровать, – доложил я.

– Принято, Фримантл, – ответил я. – Вы ложитесь в кровать.

Конечно, почему нет? На сон я не рассчитывал, после того, как выспался днем, но мог полежать. Нога чувствовала себя на удивление неплохо, зато тянуло поясницу и возникли какие-то неприятные ощущения у шеи. Я лег. Нет, о сне не могло быть и речи, даже после похода к воде, но настольную лампу я не включил, чтобы дать отдых глазам. Решил полежать, пока не придут в себя шея и поясница, потом достать из чемодана книгу и почитать.

А пока хотелось полежать, расслабиться...

Я расслабился, и даже больше. Ничего мне не снилось.

Сознание вернулось ко мне глубокой ночью: зудела правая рука, правую кисть трясло мелкой дрожью, и я понятия не имел, где нахожусь. Только снизу что-то огромное *шуршало, шуршало и шуршало*. Сначала я подумал, что работает какая-то машина, но для техники звук был очень уж неравномерным. И, как мне показалось, слишком живым. В голову пришли мысли о зубовном скрежете, но ни у кого не могло быть таких огромных зубов. По крайней мере ни у кого в известном мне мире.

«Дыхание», – подумал я и вроде бы не ошибся, но какое животное могло издавать такой накатывающий со всех сторон, скрежещущий звук, когда втягивало в себя воздух? И, Господи, зуд сводил меня с ума, зудело все предплечье, до локтевого сгиба. Я решил почесать правую руку, потянулся к ней, но, само собой, не нашел ни локтя, ни предплечья, почесал только простыню.

От этого я окончательно проснулся, сел. Хотя в комнате царил темнота, звездного света, проникающего в окно на западной стене, хватило, чтобы я разглядел изножье кровати, где один из моих чемоданов еще лежал на скамье. Вот тут все встало на свои места. Я на Дьюма-Ки, неподалеку от западного побережья Флориды, прибежища молодых и полуживых. Я в доме, о котором уже думал, как о вилле

«Розовая громада», а этот скрежещущий звук...

– Ракушки, – пробормотал я, вновь ложась на спину. – Ракушки под домом. Вода прибывает. Прилив.

Я полюбил этот звук с самого начала, когда проснулся и услышал его в ночной тьме, когда не знал, где нахожусь, кто я, из каких частей состоит мое тело. Это был мой звук.

Он зацепил меня на *здрасьте*.

Глава 3

Новые ресурсы

i

Потом начался период выздоровления и перехода от прошлой жизни к той, что я вел на Дьюма-Ки. Доктор Кеймен, вероятно, знал, что в такие переломные моменты большинство существенных изменений происходят внутри: волнения в обществе, мятеж, революция и, наконец, массовые казни, в результате которых головы правителей прежнего режима летят в корзину у подножия гильотины. Я уверен, этот человек-гора видел и успешные финалы таких революций, и их фиаско. Потому что не всем удастся войти в новую жизнь, знаете ли. А те, кому удастся, не всегда находят в ней райский берег с золотистым песком.

Мое новое хобби помогло мне в этом переходе, и Илзе тоже помогла. Я всегда буду ей за это признателен. Но мне стыдно за то, что я рылся в ее сумочке, пока она спала. Оправдаться могу лишь одним: тогда казалось, что выбора нет.

Утром, на следующий день после моего прибытия на Дьюма-Ки, я проснулся в отличном настроении, после несчастного случая еще никогда не чувствовал себя так хорошо... но не настолько хорошо, чтобы отказаться от утреннего болеутоляющего коктейля. Я запил таблетки апельсиновым соком и вышел из дома. Часы показывали ровно семь. В Сент-Поле утренний холод принялся бы кусать кончик моего носа, но на Дьюме воздух, казалось, поцеловал меня.

Я прислонил «канадку» к стене дома, в том самом месте, где и прошлым вечером, и вновь спустился к кротким волнам. Справа от меня мой нынешний дом не позволял увидеть ни мост, ни Кейси-Ки. Зато слева...

В этом направлении берег уходил далеко-далеко – слепяще белая лента между сине-серым Заливом и униолой. Где-то вдалеке я разглядел темную точку, может, и две. В остальном этот сказочный, словно с открытки, пляж пустовал. Другие дома находились дальше от берега, а когда я посмотрел на юг, то увидел над пальмами только одну крышу (чуть ли не акр оранжевой черепицы) той самой гасиенды, которую заметил днем раньше. Я мог закрыть ее ладонью и почувствовать себя Робинзоном Крузо.

Я двинулся в ту сторону, отчасти потому, что для меня, как левши, это естественно – поворачивать налево. А глав-

ным образом – потому что мог видеть, куда иду. Далеко я не ушел, в тот день у меня и мысли не было о Великой береговой прогулке, я хотел точно знать, что сумею вернуться к моему костылю, и, как бы там ни было, эта прогулка стала первой. Я помню, как оглядывался и восхищенно смотрел на свои следы на песке. В утреннем свете каждый левый отпечаток выглядел четким и крепким, словно оставленный штамповочным прессом. Большинство правых такой четкостью не отличались, все-таки ногу я немного подволакивал, но поначалу даже они смотрелись не хуже левых. Я считал шаги, когда двинулся в обратном направлении. Всего получилось тридцать восемь отпечатков. К тому времени бедро гудело от боли. Мне более чем хотелось вернуться в дом, достать из холодильника стаканчик йогурта и посмотреть, соответствует ли работа кабельного телевидения обещаниям Джека Кантори.

Как выяснилось, соответствовала.

Таким и установился для меня распорядок на утро: апельсиновый сок, прогулка, йогурт, текущие события. Я подружился с Робин Мид, молодой женщиной, ведущей «Хедлайн-ньюс» с шести до десяти утра. Скучный распорядок, не так ли? Но со стороны жизнь в государстве, где правит диктатор, тоже может показаться скучной (диктаторам нравится скука, диктаторы обожают скуку), даже если грядут великие события.

Травмированные тело и мозг не просто похожи на диктатуру; они и есть диктатура. Нет более безжалостного тирана, чем боль, нет более жестокого деспота, чем спутанность сознания. Понимать, что мой мозг поврежден не меньше тела, я начал, как только окончательно выяснилось, что я один, а другие голоса в голове затихают. Моя попытка задушить жену, с которой прожил двадцать пять лет, лишь за то, что она хотела стереть с моего лба пот, имела к этому минимальное отношение. Тот факт, что мы не занимались любовью в те месяцы, что прошли между несчастным случаем и расставанием, даже не пытались, также не был главным, хотя я полагал, что это проявление более серьезной проблемы. И даже неожиданные и подрывающие силы вспышки ярости не тянули на главное.

Потому что главным стало отторжение. Не знаю, как еще

можно описать происходившее тогда со мной. Моя жена вроде бы изменилась... превратилась в кого-то еще. Большинство людей в моей жизни тоже стали какими-то другими, и более всего ужасало, что я плевать на это хотел. Поначалу говорил себе, что изменения, которые я ощущал и в моей жене, и в моей жизни, естественны для человека, иногда неспособного даже вспомнить, как называется та штуковина, что застегивает брюки: *волния, колния, долболния?* Я говорил себе, что это пройдет, но оно не проходило, и когда Пэм сказала, что хочет развестись со мной, следом за злостью я почувствовал облегчение: теперь не оставалось сомнений в том, что я имел право испытывать отторжение, по крайней мере по отношению к ней. Потому что теперь она действительно изменилась. Сняла форму «Фримантла» и ушла из команды.

В первые недели на Дьюма-Ки это самое отторжение позволяло мне легко и непринужденно увиливать от прямых ответов. Я отвечал на письма, обычные и электронные, которые получал от Тома Райли, Кэти Грин, Уильяма Боузмана-третьего (неувядаемого Боузи), короткими репликами: «У меня все хорошо», «Погода хорошая», «Кости срастаются», – которые имели мало общего с моей реальной жизнью. И когда поток их писем сначала обмелел, а потом иссяк, я об этом нисколько не сожалел.

Только Илзе по-прежнему оставалась в моей команде. Только Илзе отказывалась снять форму. Вот она никакого

чувства отторжения у меня не вызывала. Илзе оставалась на моей стороне стеклянной стены, всегда готовая протянуть мне руку. Если я не присылал ей электронного письма, она звонила. Если я не звонил три дня, звонила она. Ей я не лгал о своих планах порыбачить в Заливе или обследовать Эверглейдс²⁶. Илзе я говорил правду, точнее, ту часть правды, которая не давала ей повода принять меня за безумца.

К примеру, рассказывал ей о моих утренних прогулках по берегу, и о том, что каждый день я ухожу чуть дальше, но не о «числовой игре»... потому что выглядела она так глупо... или, возможно, тянула на навязчивость.

В то первое утро я отошел от «Розовой громады» на тридцать восемь шагов. На следующее утро я выпил еще один огромный стакан апельсинового сока и опять вышел на берег. В этот раз отмерил сорок пять шагов, довольно-таки длинную дистанцию для меня, практически не расстававшегося с костылем. Но мне удалось убедить себя, что на самом деле шагов только девять. Вот этот мысленный фокус и лег в основу «числовой игры». Вы делаете шаг, потом два, три, четыре, пять... и всякий раз сбрасываете счетчик в голове на ноль, пока не доберетесь до девяти. Потом складываете все эти цифры, от одного до девяти, и получаете сорок пять. Если вам кажется, что это безумие, не буду спорить. Нет, не буду спорить.

На третье утро я удалился от «Розовой громады» на де-

²⁶ Эверглейдс – обширный заболоченный район в Южной Флориде.

сять шагов без костыля (то есть в действительности на пятьдесят пять, или прошел туда и обратно примерно девяносто ярдов). Неделей позже я довел свой рекорд до семнадцати... и если вы сложите все эти числа, то получите сто пятьдесят три. Я отшагал их, повернулся к своему дому и поразился, как же он далеко. Даже стало как-то не по себе от мысли, что предстоит преодолеть такое расстояние.

«Ты можешь это сделать, – говорил я себе. – Это легко. Каких-то семнадцать шагов, и все».

Я говорил это себе, но не Илзе.

Чуть дальше каждый день, оставляя позади следы. К тому времени, когда Санта-Клаус появился в торговом центре «Бинева-роуд», куда Джек Кантори иногда привозил меня за покупками, я сделал удивительное открытие: все мои следы, когда я шел на юг, были четкими. Правую ногу я начинал подволакивать (что тут же сказывалось на отпечатке правой кроссовки) только на обратном пути.

Ходьба вошла в привычку, меня не останавливали даже дождливые дни. Второй этаж виллы представлял собой один большой зал. Пол застилал розовый ковер, огромное окно выходило на Мексиканский залив. И больше в зале ничего не было. Джек предложил мне составить список мебели, сказал, что может заказать все в той самой компании, сдающей мебель в аренду, услугами которой воспользовался, обставляя первый этаж... при условии, что на первом этаже меня все устраивало. Я заверил его, что меня все устраивает,

но желая захлестнуть второй этаж не выразил. Мне нравилась пустота этого зала. Она стимулировала мое воображение. Так что я попросил приобрести для второго этажа три вещи: простой стул с прямой спинкой, мольберт и тренажер «беговая дорожка» производства корпорации «Сайбекс». Такое возможно? Джек ответил утвердительно, и слова у него не разошлись с делом. Три дня, и все необходимое уже стояло на втором этаже. С того самого момента и до конца моего пребывания на Дьюма-Ки я поднимался на второй этаж, если хотел рисовать карандашом или красками, или воспользоваться тренажером, когда погода не позволяла выйти из дома. И пока я жил на вилле «Розовая громада», на втором этаже из мебели был только стул с прямой спинкой.

Да и вообще дождливых дней выдавалось не так уж много – не зря Флориду называют Солнечным штатом. По мере того как мои прогулки на юг удлинялись, точка или точки, которые я увидел в первый же день, превратились в двоих людей... во всяком случае, двоих я видел гораздо чаще, чем одного. Один человек, вроде бы с соломенной шляпой на голове, сидел в инвалидном кресле. Второй толкал кресло или сидел рядом с ним. Они появлялись на берегу около семи утра. Иногда один мог уйти, оставив второго в кресле на берегу, а потом вернуться с чем-то сверкающим на солнце. Я подозревал, что это кофейник или поднос с завтраком, или и то, и другое. Я также подозревал, что жили эти двое

в огромной гасиенде, площадь оранжевой черепичной крыши которой составляла акр или около того. Гасиенда замыкала ряд домов, затем дорога утыкалась в джунгли, покрывающие остальную часть острова.

Я так и не смог до конца привыкнуть к пустынности этого места. «Там должно быть очень тихо», – заверяла меня Сэнди Смит, но все равно я представлял себе пляж, который к полудню заполняется людьми: пары, загорающие на одеялах или смазывающие друг друга защитным лосьоном, студенты, играющие в волейбол с закрепленными на бицепсах ай-подами, ковыляющие по кромке воды маленькие дети в обвисших купальниках, гидроциклы «джет-скай», проносящиеся взад-вперед в сорока футах от берега.

Джек напомнил мне, что на календаре декабрь.

– Если говорить о туризме, то месяц между Днем благодарения и Рождеством во Флориде – мертвый сезон. Не такой мертвый, как август, но близко к этому. К тому же... – Он очертил рукой широкий круг. Мы стояли у почтового ящика с красным числом 13, и Джек выглядел очень спортивно в обрезанных джинсах и рубашке «Морских дьяволов»²⁷ (порванной, как требовала мода). – Туристов здесь не ждут. Дрессированных дельфинов не увидишь. На острове всего семь домов, считая тот, здоровенный... и джунгли. Там, кстати, есть еще один дом, полуразвалившийся. Так, во всяком случае, говорят на Кейси-Ки.

²⁷ «Морские дьяволы» – профессиональная бейсбольная команда из г. Тампа, штат Флорида.

– А что не так с Дьюмой, Джек? Прекрасный пляж, девять миль дорогой флоридской земли – и никакого строительства. В чем дело?

Он пожал плечами.

– Насколько я знаю, какие-то проблемы с правом собственности. Хотите, чтобы я выяснил поточнее?

Я подумал, покачал головой.

– Вам не нравится? – В голосе Джека слышалось искреннее любопытство. – Вся эта тишина и покой? Потому что мне, скажу вам откровенно, как перед Богом, точно как-то не по себе.

– Нет, – ответил я. – Отнюдь. – И не соврал. Излечение – вид мятежа, а все успешные мятежи начинаются втайне.

– А что вы тут делаете? Уж извините за вопрос.

– Утром занимаюсь физическими упражнениями. Читаю. Сплю во второй половине дня. И рисую. Со временем, возможно, перейду на краски, но пока я еще к этому не готов.

– Некоторые ваши рисунки очень даже хороши для любителя.

– Спасибо тебе, Джек, на добром слове.

Не знаю, то ли он хотел просто сказать что-то приятное, то ли говорил правду. Может, значения это и не имело. Когда дело касается картин, всякий раз это субъективное мнение, верно? Я только знал: со мной что-то происходило. *В моей голове.* Иногда это пугало. По большей части невообразимо радовало.

В основном я рисовал наверху, в зале, который начал воспринимать как «Розовую малышку». Оттуда я мог видеть только Залив да линию горизонта, но у меня была цифровая камера, и я иногда фотографировал что-то еще, распечатывал фотографии, прикреплял к мольберту (мы с Джеком поставили его так, чтобы во второй половине дня свет на него падал сбоку) и рисовал эту «картинку». В отборе объектов для фотографирования вроде бы не было никакой логики или системы, хотя, когда я написал об этом Кеймену в электронном письме, он сказал, что подсознание, если оставить его в покое, само пишет стихи.

Может, si²⁸, может, нет.

Я нарисовал мой почтовый ящик. Я рисовал кусты, траву, цветы, которые видел вокруг «Розовой громады», потом Джек купил мне книгу («Распространенные растения побережья Флориды»), и я смог давать названия моим рисункам. Названия помогали: как-то добавляли уверенности. К тому времени я уже вскрыл вторую коробку карандашей, а в запасе лежала третья. Рядом с моей виллой росли алоэ, кермек лавандовый (со множеством крошечных желтых цветков, и каждый – с густо-фиолетовым сердечком), фитолакка американская с длинными, лопатообразными листьями, и моя любимица, софора, которую в книге «Распространенные растения побережья Флориды» называли еще ожерельным кустом – за стручки, формой похожие на бусины.

²⁸ да (исп.).

Я рисовал и ракушки. Разумеется, рисовал. Ракушек хватало везде, они во множестве лежали на берегу в пределах тех коротких дистанций, которые я мог преодолевать на своих двоих. Дьюма-Ки сотворили из ракушек, и скоро я принес в дом не один десяток.

И практически каждый вечер, когда солнце скатывалось за горизонт, я рисовал закат. Я знал, что закаты – расхожий штамп, собственно, поэтому и рисовал. Мне казалось, что, сумев хоть раз пробиться сквозь стену «все-это-было-было-было», я смогу чего-то достичь. Вот и рисовал картину за картиной, но получалось не очень. Я вновь пытался накладывать желтое на оранжевое, но мои усилия результата не давали. Внутреннего свечения не получалось. Каждый закат являл собой карандашную мазню, где цвета говорили: «Мы пытаемся сказать тебе, что горизонт в огне». Вы, безусловно, можете купить штук сорок куда лучших закатов на любом субботнем уличном вернисаже в Сарасоте или Венис-бич. Несколько рисунков я сохранил, но большинство вызывали у меня такое отвращение, что я их выбрасывал.

Однажды вечером, после череды неудач, я вновь наблюдал, как верхушка солнечного диска исчезает за горизонтом, оставляя после себя хэллоуиновские краски вечерней зари, и вдруг подумал: «Это корабль. Вот что придало моей первой картине толику магии. Закатный свет, казалось, пробивал корабль насквозь». Возможно, я был прав, но в тот вечер ни один корабль не разрывал горизонт. Его прямая линия

разделяла темную синеву внизу и оранжево-желтую яркость наверху, которая еще выше обретала нежно-зеленоватый оттенок. Его я передать не мог – жалкая коробка цветных карандашей этого не позволяла.

У ножек моего мольберта валялось штук двадцать цветных фотографий. Мой взгляд упал на снятую крупным планом софору, ожерельный куст. И в этот момент вдруг зачесалась моя фантомная правая рука. Я зажал желтый карандаш зубами, наклонился, поднял фотографию софоры, всмотрелся в нее. Уже смеркалось, но верхний зал, который я называл «Розовая малышка», долго держал свет, так что его хватало, чтобы насладиться мелкими деталями: моя цифровая камера с абсолютной точностью «схватывала» крупный план.

Не думая, что делаю, я прикрепил фотографию к углу мольберта и добавил софоровый браслет к моему закату. Работал быстро, сначала сделал набросок (несколько дуг, ничего больше, – это веточка софоры), потом принялся раскрашивать: коричневое на черное, потом яркое пятно желтого, остатки цветка. Я помню, с какой сосредоточенностью доводил до ума яркий конус – так же сосредоточенно я работал, когда мой бизнес делал первые шаги, когда каждое здание (даже каждая заявка на строительство здания) становилось вопросом жизни и смерти. Я помню, как в какой-то момент вновь зажал карандаш зубами, чтобы почесать руку, которой не было; я все время забывал о потерянной части моего тела. Люди с ампутированными конечностями забывают, и все

тут. Их разум забывает, и по мере выздоровления тело тоже разрешает такую забывчивость.

Что я особенно четко помню о том вечере, так это удивительное, божественное ощущение: три или четыре минуты я словно держал молнию за хвост. Но потом в комнате начало темнеть, тени, казалось, поплыли по розовому ковру к блекнувшему прямоугольнику панорамного окна. На мольберт еще падали остатки света, но я уже не мог разглядеть, что же мне удалось нарисовать. Я поднялся, прихрамывая, обогнул тренажер, держа курс на выключатель у двери, включил верхний свет. Потом проделал обратный путь, развернул к себе мольберт, и у меня перехватило дыхание.

Софоровый браслет накладывался на линию горизонта, как щупальце некоего морского существа, достаточно большого, чтобы проглотить супертанкер. Единственное желтое пятно могло быть глазом чудовища. И – для меня это было куда более важным – браслет-щупальце каким-то образом вернул закату истинность той красоты, которой я любовался каждый вечер.

Эту картину я отложил в сторону. Потом спустился вниз, разогрел в микроволновке обед «Хангри мен» с жареной курицей и съел все до последней крошки.

V

Следующим вечером я совместил закат с пучками пырея, и яркий оранжевый свет, пробивающийся сквозь зелень, превратил горизонт в лесной пожар. Днем позже я попробовал пальмы, но получилось нехорошо, еще один штамп – я буквально видел девушек, исполняющих гавайский танец «хула», и слышал треньканье гитар. После этого я поставил на горизонт большую старую раковину стромбиды. Закат полыхал вокруг нее, как корона, и результат, во всяком случае, для моего восприятия, получился невероятно жутким. Эту картину я развернул к стене, думая, что завтра, когда я посмотрю на нее, она потеряет свою силу. Ничего не изменилось. Во всяком случае, для меня.

Я сфотографировал картину цифровой камерой и «прицепил» фотографию к электронному письму. Письмо это положило начало приведенной ниже переписке. Все письма я распечатал и сложил в папку:

EFree19 to KamenDoc

10:14

9 декабря

Кеймен, я говорил Вам, что снова рисую картины. Это Ваша вина, поэтому самое меньшее, что Вы можете сделать – открыть при-

крепленный файл и сказать, что Вы думаете по этому поводу. Вид из моего окна. Щадить мои чувства **незачем**.

Эдгар

KamenDoc to EFree19

12:09

9 декабря

Эдгар, я думаю, Вы продвинулись в правильном направлении. **СИЛЬНО ПРОДВИНУЛИСЬ**.

Кеймен

P.S. По правде говоря, картина удивительная. Слово неизвестный Дали. Вы определенно что-то нашли. И сколь велико это что-то?

EFree19 to KamenDoc

13:13

9 декабря

Не знаю. Может, и велико.

Э.Ф.

KamenDoc to EFree19

13:22

9 декабря

Тогда ОТКАПЫВАЙТЕ!

Два дня спустя, когда Джек приехал, чтобы спросить, не отвезти ли меня куда, я ответил, что хочу поехать в книжный магазин и купить книгу о творчестве Салмана Дали.

Джек рассмеялся.

– Я думаю, вы говорите о Сальвадоре Дали. Если только речь не о том парне, который попал в беду из-за своей книги. Не могу вспомнить название.

– «Сатанинские стихи»²⁹, – без запинки ответил я. Память, она такое выкидывает, не правда ли?

Когда я вернулся с богато иллюстрированной книгой (она обошлась мне в невероятные сто девятнадцать долларов, даже с дисконтной картой сети книжных магазинов «Барнс-и-Нобл»; к счастью, после развода у меня осталось несколько миллионов), на автоответчике мигала надпись: «Получено сообщение». Звонила Илзе, и ее сообщение показалось загадочным только при первом прослушивании.

«Мама собирается тебе позвонить, – услышал я. – Я сделала все, что могла, папуля, напомнила обо всех случаях, когда шла ей навстречу, еще упрасивала, как могла, и буквально умоляла Лин, так что скажи «да», хорошо? Скажи «да». Ради меня».

²⁹ Роман английского писателя пакистанского происхождения Салмана Рушди. В романе дана весьма вольная трактовка ранней истории ислама, а также нелицеприятно описан современный мусульманский мир. Иранским духовным лидером аятоллой Хомейни Рушди был заочно приговорен к смертной казни.

Я сел, принялся за «Тейбл ток пай», о котором чуть раньше мечтал, но теперь совсем уже и не хотел, затем полистал мою дорогую иллюстрированную книгу и подумал (уверен, оригинальностью моя мысль не отличалась): «Что ж, привет, Дали». Не все картины произвели на меня впечатление. Во многих случаях я сделал вывод, что смотрю на работу талантливого прохвоста, который просто проводил время в свое удовольствие. Однако некоторые репродукции зацепили меня за живое, а несколько – испугали, совсем как моя установленная на горизонт раковина. Тигры, плывущие над откинувшейся назад обнаженной женщиной. Летящая роза. Одна картина, «Лебеди, отраженные в слонах», показалась такой странной, что я едва смог заставить себя посмотреть на нее... но мой взгляд продолжал к ней возвращаться.

Чем я на самом деле занимался, так это ждал телефонного звонка от моей почти-бывшей-жены, приглашения вернуться в Сент-Пол на Рождество и встретить праздник с ней и девочками. В конце концов телефон зазвонил, и когда она сказала: «Я обращаюсь к тебе с этим приглашением, хотя иду против своей воли», – я едва подавил желание отбить этот крученный мяч ударом за пределы поля: «А я принимаю его, хотя иду против своей воли». Ответил: «Понимаю». Потом спросил: «Как насчет того, чтобы мне прилететь в канун Рождества?» И когда она ответила: «Очень хорошо», – готовность к борьбе ушла из ее голоса. Спор о том, а не про-

вести ли мне с семьей побольше времени, закончился, даже не начавшись. И идея поездки домой сразу потеряла большую часть своей привлекательности.

«ОТКАПЫВАЙТЕ», – написал Кеймен большими буквами. Я подозревал, что, уехав сейчас, я, наоборот, мог все зарыть. Нет, на Дьюма-Ки я бы вернулся... но это не означало, что я вновь наткнусь на ту же золотую жилу. Прогулки, картины. Одно подпитывало другое. Я не знал, как именно, да и не нуждался в этом знании.

Но Илли. «Скажи «да». Ради меня». Она знала, что я скажу «да», и не потому, что я всегда отдавал ей предпочтение (думаю, как раз это Лин знала). Просто она всегда довольствовалась столь малым и крайне редко о чем-то просила. И потом, слушая ее сообщение, я вспомнил, как в тот день, когда дочери навестили меня на озере Фален, Илли начала плакать, прикинув ко мне и спрашивая, почему все не может стать, как прежде. «Потому что так не бывает», – думаю, ответил я, но, возможно, пару дней мне казалось, что прежнее все-таки может вернуться... или некое подобие прежнего. Илзе было девятнадцать, вероятно, она переросла свое последнее детское Рождество, но, возможно, вполне заслужила еще одно – с семьей, в которой выросла. И Лин имела право на такое Рождество. Навыков выживания у нее было больше, но она вновь прилетала домой из Франции, и вот это кое о чем мне говорило.

Хорошо, решил я, поеду. Буду паинькой и, само собой,

возьму с собой Ребу, на случай, если накатит приступ ярости. Они сходили на нет, но, разумеется, что на Дьюма-Ки могло вызывать ярость, за исключением моей забывчивости или хромоты? Я позвонил в чартерную авиакомпанию, услугами которой пользовался пятнадцать лет, и заказал «Лирджет» на девять утра двадцать четвертого декабря для перелета из Сарасоты в международный аэропорт Миннеаполиса-Сент-Пола. Я позвонил Джеку, и тот ответил, что с удовольствием отвезет меня в «Долфин-эвиэйшн» двадцать четвертого и заберет двадцать восьмого. А потом, когда я полностью закончил подготовку к отъезду, позвонила Пэм, чтобы сказать, что все отменяется.

Отец Пэм, отставной военный моряк, в последний год двадцатого столетия вместе с женой перебрался в Палм-Дезерт, штат Калифорния. Они поселились в одном из огороженных стеной коттеджных поселков, в котором жила одна афроамериканская пара (для соблюдения политкорректности) и четыре еврейские пары (из тех же соображений). Дети и вегетарианцы на территорию не допускались. Жителям полагалось голосовать за республиканцев и заводить маленьких собачек с ошейниками, украшенными стразами, с глупыми глазками и с кличками, которые оканчивались на букву «и». Тэффи? Отлично! Кэсси? Еще лучше! Рифифи? Полный блеск! У отца Пэм обнаружили рак прямой кишки. Меня это не удивило. Соберите вместе столько белых говнюков, и вы увидите, что это заразная болезнь.

Ничего этого я жене не сказал. Она начала разговор спокойно, а потом расплакалась.

– Ему назначили химиотерапию, но мама говорит, это может означать, что уже появились мекас... месасс... ох, не могу вспомнить это гребаное слово, говорю совсем как ты! – А потом, все еще всхлипывая, но шокированным и смиренным голосом добавила: – Извини, Эдди, как я могла!

– Ничего страшного, – ответил я. – Ты хотела сказать, что у него появились метастазы.

– Да, спасибо. В любом случае этим вечером ему сделают операцию по удалению основной опухоли. – Она вновь заплакала. – Не могу поверить, что такое происходит с моим отцом.

– Ну что ты так разволновалась. Нынче они творят чудеса. Я тому живой пример.

То ли она не считала меня чудом, то ли не хотела это обсуждать.

– В любом случае Рождество здесь отменяется.

– Разумеется.

А по правде? Я обрадовался. Чертовски обрадовался.

– Я вылетаю в Палм завтра. Илзе приедет в пятницу. Мелинда – двадцатого. Полагаю... учитывая, что с моим отцом ты не особо ладил...

Она еще мягко выразилась, если вспомнить, что однажды мы с тестем едва не подрались после того, как он назвал демократов «дерьмократами».

– Если ты думаешь, что у меня нет желания присоединиться к тебе и девочкам на Рождество в Палм-Дезерт, то ты права. С деньгами у тебя все в порядке, и, надеюсь, твои родители поймут, что я имею к этому кое-какое отношение...

– Не думаю, что сейчас самое время заводить речь о твоей гребаной *чековой книжке!*

Ярость вернулась, мгновенно. Выскочила, как черт из вонючей табакерки. Мне хотелось сказать: «А пошла ты на хер, крикливая сука!» Но я промолчал. В какой-то степени и по-

тому, что мог произнести «крикливая сумка» или «красивая утка». Подсознательно я это понимал.

Но сдержался едва-едва.

– Эдди? – Это прозвучало резко, с готовностью ввязаться в драку, если будет на то мое желание.

– Я не заводил речь о моей чековой книжке, – сказал я, внимательно прислушиваясь к каждому слову. Вроде бы слова правильные, и каждое – в положенном месте. Сразу стало легче. – Я лишь говорю, что мое лицо у кровати твоего отца не ускорит его выздоровления. – От злости (или ярости) я едва не добавил, что не хотел бы видеть и его лицо у своей кровати. Вновь слова удалось сдержать, но меня уже прошиб пот.

– Хорошо. С этим понятно. А что ты будешь делать на Рождество?

«Рисовать закат, – подумал я. – Может, сумею перенести его на бумагу».

– Меня, возможно, пригласят разделить рождественский обед с Джеком Кантори и его семьей, если, разумеется, я буду хорошо себя вести, – слукавил я. – Джек – молодой парень, который работает у меня.

– Голос у тебя лучше. Крепче. Ты по-прежнему забываешь слова?

– Не знаю. Не могу вспомнить.

– Это очень смешно.

– Смех – лучшее лекарство. Я читал об этом в «Ридерс

дайджест».

– А как твоя рука? Фантомные ощущения остаются?

– Нет, – солгал я. – Полностью исчезли.

– Хорошо. Отлично. – Пауза, а потом: – Эдди?

– По-прежнему на связи, – ответил я. С темно-красными полукружьями на ладонях, от крепко сжатых в кулаки пальцев.

Последовала долгая пауза. Телефонные линии больше не шипели, и в них ничего не шелкало, как во времена моего детства, но я слышал, как тихонько вздыхают разделявшие нас мили. Точно так же вздыхал Залив, когда океан отступал от берега. Потом раздался ее голос:

– Жаль, что все так получилось.

– Мне тоже, – ответил я, а после того, как она положила трубку, взял одну из моих самых больших раковин и едва не запустил ею в экран телевизора. Вместо этого прохромал через комнату, открыл дверь и швырнул раковину через пустынную дорогу. К Пэм ненависти я не испытывал (точно не испытывал), но что-то определенно ненавидел. Может, прошлую жизнь.

Может, только себя.

ifsogirl88 to EFree19

9:05

23 декабря

Дорогой папуля!

Врачи мало что говорят, но от результатов операции дедушки я ничего хорошего не жду. Разумеется, все дело, возможно, в маме. Она ездит к дедушке каждый день, берет с собой бабушку и пытается выглядеть оптимисткой, но ты ведь знаешь, она не из тех, у кого надежда умирает последней. Я хочу приехать и повидаться с тобой. Я посмотрела расписание авиарейсов, и есть возможность прилететь 26 декабря. Самолет прибывает в 18:15 по вашему времени. Я смогу остаться на 2 или 3 дня. Пожалуйста, скажи «да»! И еще я смогу привезти подарки, вместо того, чтобы отправлять их по почте. Люблю...

Илзе.

P.S. У меня есть личные новости.

Размышлял ли я над ответом или руководствовался ис-

ключительно интуицией? Не могу вспомнить. Может, ни то, ни другое.

Может, все решило третье: мое желание повидаться с Илзе. В любом случае ответил я почти сразу.

EFree19 to ifsogirl88

9:17

23 декабря

Илзе, конечно, приезжай!

Согласуй все с мамой, и я встречу тебя в аэропорту с Джеком Кантори, моим рождественским эльфом. Я надеюсь, тебе понравится мой дом, который я называю «Розовая громада». Одно условие: **ты не поедешь, не поставив маму в известность и не получив ее одобрения.** Ты знаешь, сколь многое нам пришлось пережить, но теперь, надеюсь, все позади. Я думаю, ты поймешь.

Папа.

Она ответила тут же. Должно быть, ждала у компьютера.

ifsogirl88 to EFree19

9:23

23 декабря

С мамой я уже поговорила, она дает добро.

Я пыталась подбить Лин, но она хочет остаться здесь до отлета во Францию. Не сердись на нее за это.

Илзе

P.S. Ур-ра! Я так рада! ☺

«Не сердись на нее за это». Казалось, что моя If-So-Girl так заступалась за старшую сестру с того самого дня, как научилась говорить. Лин не хочет идти на пикник, потому что не любит хот-догов... но не сердись на нее за это. Лин не может носить такие кроссовки, потому что дети в ее классе высокие кроссовки не носят... вот и не сердись на нее за это. Лин хочет, чтобы отец Райана отвез их на школьный бал... но не сердись на нее за это. И знаете, что самое ужасное? Я никогда не сердился. Я мог бы сказать Линни: я отдаю предпочтение Илзе, потому что здесь от меня ничего не зависит (как человек рождается правой или левой рукой помимо его воли), но мои слова если бы что и изменили, то лишь в худшую сторону, пусть я и не кривил душой. Может, именно потому, что не кривил.

Илзе приезжает на Дьюма-Ки, в «Розовую громаду», ур-ра, она так рада, и ур-ра, я тоже рад. Джек нашел мне тучную даму по имени Хуанита, которая прибиралась в доме дважды в неделю, и я попросил ее приготовить спальню для гостей к прибытию дочери. Спросил, не сможет ли она поставить туда какие-нибудь свежие цветы в день после Рождества. Улыбаясь, она предложила нечто, что прозвучало как «роз-венский кактус». Моему мозгу, уже освоившему ассоциативное мышление, потребовалось пять секунд, чтобы понять, что к чему. И я сказал Хуаните, что рождественский кактус придется Илзе по душе.

В канун Рождества я перечитывал распечатку первого электронного письма Илзе от 23 декабря. Солнце скатывалось к западному горизонту, оставляя длинный яркий след на воде, но до его захода оставалось еще как минимум два часа, и я сидел во «флоридской комнате». Высокий прилив перекатывал подо мной ракушки. Звуки эти напоминали и дыхание, и хриловатый конфиденциальный разговор. Я провел пальцем по постскриптому («У меня есть личные новости»), зачесалась моя уже несуществующая правая рука. В конкретном, определенном месте. Зуд начался в локтевом сгибе и по спирали распространился к наружной стороне запястья. Становился все сильнее, и мне так и хотелось протя-

нуть левую руку и почесать там, где зудело.

Я закрыл глаза и щелкнул большим и средним пальцами правой руки. Никакого звука не услышал, но почувствовал этот *щелчок*. Я потер руку о бок и ощутил, как одно трется о другое. Положил правую кисть, давно сгоревшую в печи для сжигания отходов больницы в Сент-Поле, на подлокотник стула и забарабанил пальцами. Никакого звука, только ощущение: прикосновение кожи к плетенке. Я мог поклясться в этом именем Бога.

И тут же мне захотелось рисовать.

Я подумал о «Розовой малышке», но она находилась слишком далеко. Я прошел в гостиную и взял альбом «Мастер» из стопки, что лежала на кофейном столике. Большую часть необходимого для рисования я держал наверху, но несколько коробок цветных карандашей оставил в ящике письменного стола, вот и прихватил одну с собой.

Вернувшись во «флоридскую комнату» (которая для меня навсегда останется верандой), я сел и закрыл глаза. Прислушался к работе волн подо мной: они поднимали ракушки и выкладывали из них новые картины, и каждая отличалась от предыдущей. При закрытых глазах шорох этот еще больше напоминал мне разговор: вода шевелила временным языком по земле. И сама земля была временной, потому что, в геологической перспективе, Дьюма не могла просуществовать очень уж долго. Ни один из островов Флорида-Кис не мог: рано или поздно Залив поглотит их и создаст но-

вые, на другом месте. Возможно, вышесказанное относилось и к самой Флориде. Полуостров чуть выступал из воды, словно временно отданный в пользование людям.

Ах, но звук этот так успокаивал. Гипнотизировал.

Не открывая глаз, я нащупал распечатку электронного письма Илзе, провел по нему подушечками пальцев. Прodelал все это правой рукой. Потом открыл глаза, отбросил распечатку в сторону рукой, которая у меня действительно существовала, положил альбом на колени. Откинул обложку, вытряс на столик, который стоял передо мной, все двенадцать ранее заточенных карандашей «Винус», взял один. Вроде бы я собирался нарисовать Илзе (*именно о ней я и думал, не так ли?*), но побоялся, что получится ужасно: с того момента, как вновь начал рисовать, я ни разу еще не пытался изобразить человеческую фигуру. Нарисовал я не Илзе, и получилось не так уж ужасно. Нет-нет, ничего удивительного, и уж точно не Рембрандт (и даже не Норман Рокуэлл³⁰), но получилось неплохо.

Я нарисовал молодого человека в джинсах и футболке «Миннесотских близнецов»³¹. На футболке был номер 48, но мне он ничего не говорил. В прошлой жизни я, как мог

³⁰ Рокуэлл Норман (1894–1978) – американский художник, иллюстратор, автор множества реалистичных картин из жизни маленького американского городка.

³¹ «Миннесотские близнецы» – профессиональная бейсбольная команда, выступающая в Центральном дивизионе Американской лиги. «Близнецы» – от названия городов-близнецов, Миннеаполиса и Сент-Пола.

часто, ходил на игры «Миннесотских волков»³², но не относил себя к бейсбольным фанатам. Я знал, что светлый оттенок волос молодого человека – не то, что нужно, но имеющиеся в моем распоряжении карандаши не позволяли добиться русого, ближе к каштановому, оттенка. В одной руке он держал книгу. Улыбался. Я знал, кто это. Он и был личными новостями Илзе. Об этом нашептывали мне ракушки. Когда прилив поднимал их, переворачивал и снова бросал. *Обручена, обручена. У нее было кольцо, с брильянтом, он купил его в...*

Я закрашивал джинсы молодого человека синим цветом. Но тут выронил карандаш, взял черный и написал слово

ЗЕЙЛС³³

по низу страницы. Это была информация, но также и название картины. Названия добавляют уверенности.

Потом, тут же, положил черный карандаш, взял оранжевый и добавил рабочие ботинки. Оранжевый цвет был слишком уж ярким, ботинки получились новенькими, тогда как надели их далеко не в первый раз, но мысли мои двигались в правильном направлении.

Я почесал правую руку, почесал *сквозь* правую руку, потому что пальцы левой прошлись по ребрам. «Твою мать», –

³² «Миннесотские волки» – профессиональная баскетбольная команда, выступающая в НБЛ.

³³ В английском языке название магазина «Zales» очень удачное, вызывающее ассоциации со словом sales (распродажи).

пробормотал я. Подо мной ракушки вроде бы шептали имя молодого человека. Коннор? Нет. И что-то тут было неправильно. Я не знаю, откуда взялось это ощущение неправильности, но фантомный зуд в правой руке сменился тянущей болью.

Я перевернул первый лист альбома, начал рисовать вновь, на этот раз красным карандашом. Красное, красное, оно было *КРАСНЫМ!* Карандаш летал по бумаге, разбрызгивая по ней красную фигуру, словно кровь из раны. Человека я рисовал со спины, в красной мантии с фестончатым воротником. Волосы я тоже нарисовал красным, потому что они выглядели как кровь, и этот человек выглядел как кровь. Как опасность. Не для меня, но...

– Для Илзе, – пробормотал я. – Опасность для Илзе. Этот парень? Парень из личных новостей?

Что-то было не так с этим парнем из личных новостей, но не думаю, чтобы именно это меня насторожило. Во-первых, человек в красном не выглядел мужчиной. Точно я, конечно, сказать не мог, но да... я думал... фигура женская. Так что, может, я нарисовал вовсе и не мантию. Может, платье? Длинное красное платье?

Я вернулся к первому листу и посмотрел на книгу, которую держал парень из личных новостей. Бросил красный карандаш на пол и закрасил книгу черным. Потом снова посмотрел на парня и внезапно написал над ним

КОЛИБРИ

печатными, чуть витиеватыми буквами. Потом бросил на пол черный карандаш. Поднял руки, закрыл лицо. Выкрикнул имя дочери, голосом, каким окликают человека, когда видят, что он подходит слишком близко к обрыву или к бордюрному камню на улице, где парковка запрещена, и автомобили мчатся чуть ли не вплотную к тротуару.

Может, я просто сходил с ума. Скорее всего.

Со временем я понял (естественно), что закрывал глаза только одной рукой. Фантомная боль и зуд ушли. Мысль о том, что я могу сходить с ума (черт, уже сошел), осталась. Но не вызывало никаких сомнений другое: мне хотелось есть. Я был голоден как волк.

Самолет Илзе приземлился на десять минут раньше положенного времени. Выглядела она ослепительно, в линиях джинсах и футболке университета Брауна, и я просто не мог понять, как Джек не влюбился в нее с первого взгляда, прямо в терминале «В». Она бросилась мне в объятия, расцеловала, а потом рассмеялась и подхватила меня, когда я начал клониться влево, на мой костыль. Я представил ее Джеку и постарался не заметить кольца с маленьким бриллиантом (купленным, несомненно, в «Зейлс»), который сверкнул на безымянном пальце моей дочери, когда они пожали друг другу руки.

– Папуля, ты выглядишь *потрясающе!* – воскликнула она, едва мы вышли в теплый декабрьский вечер. – Ты загорел. Впервые с того времени, когда строил центр отдыха в Лидейл-парк. И ты поправился. Как минимум на десять фунтов. Тебе не кажется, Джек?

– Мне трудно судить. – Джек улыбался. – Я пойду за автомобилем. Постоять сможете, босс? На это потребуется время.

– Будь уверен.

Мы остались на тротуаре с двумя ее чемоданами и компьютером.

– Ты ведь заметил? – спросила Илзе. – Не прикидывайся,

что не заметил.

– Если ты про кольцо, то заметил. И я тебя поздравляю, если, конечно, ты не выиграла его за четвертак в одном из этих игровых автоматов «кран-машина». Лин знает?

– Да.

– А твоя мать?

– Как ты думаешь, папуля? Догадайся.

– Я думаю... нет. Потому что сейчас она так озабочена здоровьем дедушки.

– Дедушка – не единственная причина, по которой в Калифорнии я держала кольцо в сумочке. Достала только раз, чтобы показать Лин. Просто я хотела сказать тебе первому. Это ужасно?

– Нет, милая. Я тронут.

И я говорил правду. Но при этом и волновался за нее. И не только потому, что через три месяца ей исполнялось всего лишь двадцать лет.

– Его зовут Карсон Джонс, он учится на факультете богословия, можешь ты себе такое представить? Я люблю его, папуля, я так сильно его люблю!

– Это здорово, дорогая, – ответил я, но почувствовал, как у меня подкашиваются ноги. «Не люби его так сильно, – думал я. – Не надо так сильно. Потому что...»

Она пристально посмотрела на меня, улыбка поблекла.

– Что? Что не так?

Я и забыл, как быстро она соображала, как тонко чув-

ствовала мое состояние. Любовь обостряет восприятие, не так ли?

– Ничего, цыпленок. Ну... что-то заболело бедро.

– Ты принял болеутоляющие таблетки?

– Дело в том... я стараюсь снижать дозу. Собираюсь полностью отказаться от них в январе. Это мое новогоднее обещание.

– Папуля, это прекрасно!

– Хотя новогодние обещания и загадываются для того, чтобы их нарушать.

– С тобой такого не бывает. Ты всегда делаешь то, что говоришь. – Илзе нахмурилась. – Это одна из твоих особенностей, которая никогда не нравилась маме. Я думаю, она в этом тебе завидовала.

– Цыпленок, с разводом пути назад нет. Так что и не пытайся склеить разбитое, хорошо?

– Ну, я тебе еще кое-что расскажу. – Губы Илзе превратились в узкие полоски. – Со времени приезда в Палм-Дезерт она очень уж много времени проводит с тем парнем, что живет по соседству. Говорит, что это всего лишь кофе и сочувствие, мол, потому что Макс потерял отца в прошлом году, и Макс действительно любит дедушку, и бла-бла-бла, но я вижу, как она на него смотрит, и мне... противно. – Вот тут губы ее практически исчезли, и я подумал, до чего же она сейчас похожа на свою мать. С этой мыслью пришла другая, успокаивающая: «Я думаю, она выдержит, я думаю, даже ес-

ли этот святой Джонс бросит ее, она выдержит».

Я уже видел мой взятый напрокат автомобиль, но Джеку еще предстояло добраться до нас. Машины трогались с места, чуть продвигались вперед и снова останавливались. Я упер «канадку» в бок и обнял дочь, которая прилетела из Калифорнии, чтобы повидаться со мной.

– На маму не сердись, ладно?

– Разве тебя не волнует...

– Сейчас больше всего меня волнует одно: я хочу, чтобы ты и Мелинда были счастливы.

Под ее глазами темнели мешки, и я понимал, что все эти перелеты утомили Илзе, при всей ее молодости. Подумал, что завтра она будет спать допоздна – и это меня вполне устраивало. Если мое предчувствие относительно ее бойфренда не расходилось с действительностью (я надеялся, что разойдется, но думал, что нет), в будущем году Илзе ждали бессонные ночи.

Джек добрался до терминала авиакомпании «Эйр Флорида», но у нас еще оставалось время.

– У тебя есть фотография твоего парня? Любопытные отцы хотят все знать.

Она просияла.

– Конечно.

Фотография, которую она достала из красного кожаного бумажника, лежала в прозрачном пластиковом конверте. Илзе вытащила ее и протянула мне. Не сомневаюсь, на этот

раз мне удалось скрыть свою реакцию, потому что улыбка восхищения (скорее, глуповатая улыбка) не сошла с моего лица. А на самом деле? Я почувствовал, будто проглотил некий предмет, инородное для человеческого горла тело. Может, свинцовую пулю.

Меня поразило не сходство Карсона Джонса с мужчиной, которого я нарисовал в канун Рождества. К этому я морально себя готовил, с того момента, как увидел колечко, сверкающее на пальце Илзе. Поразил тот факт, что мой рисунок практически не отличался от фотографии. Словно я закрепил на мольберте именно ее, а не фотографии софоры, кермека лавандового или фитолакки американской. Он был в джинсах и потертых желтых рабочих ботинках, которые я не смог как следует нарисовать; его русые волосы закрывали уши и падали на лоб; в руке он держал книгу, в которой я узнал Библию. А более всего меня потрясла футболка «Миннесотских близнецов» с номером 48 на груди слева.

– Кто этот сорок восьмой номер, и как тебе удалось встретить болельщика «Близнецов» в Брауне? Я думал, там территория «Ред сокс»³⁴.

– Под номером сорок восемь играет Тори Хантер. – Она смотрела на меня, как на самого большого тупицу в мире. – В большой студенческой гостиной стоит телевизор с огромным экраном, и я зашла туда в прошлом июле, когда играли «Близнецы» и «Сокс». Несмотря на сессию, народу

³⁴ «Ред сокс» базируется в Бостоне, штат Массачусетс.

хватало, но только Карсон и я пришли в экипировке «Близнецов», он – в футболке с номером Тори, я – в бейсболке. Само собой, мы сели вместе, и... – Она пожала плечами, как бы говоря, что остальное понятно и без слов.

– И какого он племени по части религии?

– Баптист. – Она глянула на меня с толикой вызова, словно сказала: «Людоед!» Но я принадлежал к Первой Церкви Ничего Конкретного и ничего не имел против баптистов. Собственно, я не жалею только те религии, которые утверждают, что их Бог круче вашего Бога. – Последние четыре месяца мы три раза в неделю ходили на службу.

Подъехал Джек, Илзе наклонилась, чтобы взяться за ручки чемоданов.

– Он собирается пропустить весенний семестр, чтобы поехать по стране с их удивительным хором. Они исполняют госпел³⁵. Это будут настоящие гастролы, с билетами и все такое. Хор называется «Колибри». Тебе нужно его послушать. Он поет, как ангел.

– Не сомневаюсь.

Она вновь поцеловала меня, нежно. В щеку.

– Я так рада, что приехала, папуля. А ты рад?

– Больше, чем ты можешь себе представить, – ответил я. Мне вдруг захотелось, чтобы она безумно влюбилась в Джека. И этим разрешила бы все проблемы... так, во всяком слу-

³⁵ Госпел – музыка, сочетающая элементы религиозных песнопений, блюза и джаза.

чае, мне тогда казалось.

Х

Мы не стали закатывать грандиозный рождественский обед, но на столе стояли «курица-астронавт» Джека, клюквенный соус, готовый салат из кулинарии и рисовый пудинг. Илзе съела по две порции каждого блюда. После того как мы обменялись и восхитились подарками (получили именно то, что хотели!), я отвел Илзе в «Розовую малышку» и познакомил практически со всеми художественными изысканиями. Только два рисунка, ее бойфренд и женщина в красном (если это *была* женщина), лежали на верхней полке стенового шкафа в моей спальне, где и оставались до отъезда дочери.

С десяток других, главным образом закатов, я прикнопил к кускам картона и расставил у стен. Илзе прошлась мимо них. Остановилась, прошлась снова. Уже наступила ночь, так что большое окно заполняла темнота. Был отлив, и о присутствии Залива напоминало только едва слышное шуршание набегавших на песок и умиравших на нем волн.

– Неужели их нарисовал ты? – наконец спросила Илзе. Повернулась, посмотрела на меня, и от ее взгляда мне стало как-то не по себе. Так смотрят, когда кардинально меняют представление о человеке.

– Да, – кивнул я. – И что ты думаешь?

– Они хороши. Даже больше, чем просто хороши. Вот этот... – Она наклонилась и очень осторожно подняла

рисунок с раковиной, положенной на горизонт и окруженной сиянием желто-оранжевого заката. – Это же пи... извины, просто мурашки бегут по коже.

– У меня такие же ощущения. Но, знаешь, тут нет ничего нового. Нужно лишь приправить закат толикой сюрреализма. – И я дурашливо воскликнул: – Привет, Дали!

Илзе отложила «Закат с раковиной» и взяла «Закат с софорой».

– И кто их видел?

– Только ты и Джек. Ах да, еще Хуанита. Она называет их *asustador*. Что-то в этом роде. Джек говорит, что это слово означает «пугающие».

– Они действительно немного пугают, – признала Илзе. – Но, папуля... эти карандаши, которыми ты пользуешься, они мажутся. И, думаю, картины будут выцветать, если ты не примешь никаких мер.

– Каких?

– Не знаю. Но думаю, что ты должен показать их тому, кто понимает. Кто сможет сказать, действительно ли они хороши.

Ее слова мне польстили, но и встревожили. Чуть ли не привели в смятение.

– Я понятия не имею, к кому и куда...

– Спроси Джека. Может, он знает художественную галерею, в которой на них посмотрят.

– Конечно, все так просто. Зайти с улицы и сказать: «Я жи-

ву на Дьюма-Ки и у меня есть карандашные рисунки... главным образом закаты, необычные такие флоридские океанские закаты... так вот, моя приходящая уборщица думает, что они asustador».

Она уперла руки в бока, склонила голову. Так обычно выглядела Пэм, если во что-то вцеплялась мертвой хваткой. Если собиралась до конца отстаивать свою позицию.

– Папа...

– Слушай, только этого мне сейчас и не хватает.

Она пропустила мои слова мимо ушей.

– Ты превратил два пикапа, подержанный армейский бульдозер и двадцать тысяч долларов банковской ссуды в многомиллионную компанию. А теперь собираешься убеждать меня, что показать эти рисунки двум-трем галеристам – невыполнимая задача, если ты действительно решишь, что это нужно? – Она смягчилась. – Я хочу сказать, папуля, они хороши. Хороши. Конечно, весь мой опыт – уроки искусствоведения в средней школе, и я это знаю.

Я что-то ответил, не могу точно вспомнить, что именно. Я думал о сделанном в лихорадочной спешке рисунке Карсона Джонса, этого баптистского колибри. Интересно, увидев его, Илзе сказала бы, что и он хорош?

Но я не собирался его показывать. Ни его, ни рисунок человека в красном. Никому не собирался показывать. Так я тогда думал.

– Папа, если у тебя всегда был этот талант, почему он

не проявлялся?

– Не знаю. Это еще вопрос, есть ли тут талант.

– Так пусть тебе кто-то скажет. Тот, кто понимает. – Она подняла рисунок почтового ящика. – Даже этот... Ничего особенного, но что-то в нем есть. Потому что... – Илзе коснулась бумаги. – Конь-качалка. Почему ты нарисовал тут эту игрушку, папа?

– Не знаю. Просто решил, что ей тут самое место.

– Ты рисовал по памяти?

– Нет. Такое мне не под силу. То ли из-за несчастного случая, то ли просто нет мастерства.

Но иногда я все-таки мог рисовать по памяти. И мастерства хватало. Если, к примеру, дело касалось молодых людей в футболках «Близнецов».

– Я нашел коняшку в Интернете, потом распечатал...

– Ох, черт, я ее размазала! – воскликнула Илзе. – Черт!

– Все нормально. Это не имеет значения.

– Это ненормально и имеет значение! Ты должен купить эти гребаные краски! – Тут Илзе поняла, что сказала, и прижала руку ко рту.

– Ты, наверное, не поверишь, но я пару раз слышал это слово. Хотя у меня есть подозрения, что твой бойфренд... возможно... не жалуется...

– Ты все правильно понимаешь, – ответила Илзе. Чуть мрачновато. Потом улыбнулась. – Но он тоже много чего говорит, если кто-то подрезает его на дороге... Папа, насчет

твоих картин...

– Я счастлив только потому, что они тебе понравились.

– Больше, чем понравились. Я потрясена. – Она зевнула. –

А еще едва стою на ногах.

– Думаю, тебе нужно выпить кружку какао и ложиться спать.

– Замечательная идея.

– Какая именно?

Она рассмеялась. И как хорошо звучал ее смех. Заполнял все вокруг.

– Обе.

Наутро мы стояли на берегу, каждый с чашечкой кофе в руке и по щиколотку в волнах. Солнце только-только поднялось над островом позади нас, так что наши тени растянулись по ровной водной глади на мили.

Илзе с серьезным видом посмотрела на меня.

– Это самое прекрасное место на земле, папа?

– Нет, но ты молодая, и я не могу винить тебя за такой вывод. В моем списке Самых прекрасных мест это – номер четыре, но первые три никому не под силу написать без ошибок.

Илзе улыбнулась поверх ободка чашки.

– Скажи мне.

– Если настаиваешь. Номер один – Мачу-Пикчу. Номер два – Марракеш. Номер три – «Петроглиф нэшнл монумент»³⁶.

На секунду-две улыбка стала шире. Потом увяла, и дочь вновь серьезно посмотрела на меня. Совсем как в ее далеком детстве, когда в четыре года она спросила меня, есть ли в жизни такое же волшебство, как в сказках. Я ответил «да», думая, разумеется, что это ложь. Теперь такой уверенностью я похвастаться не мог. Но воздух был теплый, наши го-

³⁶ Соответственно, найденный археологами город инков в Перу, город в Марокко и национальный парк в штате Нью-Мексико, США.

лые ноги омывал Залив, и я не хотел, чтобы Илзе причинили боль. Пусть и думал, что ей этого не избежать. Но каждый получает то, что заслужил, не так ли? Безусловно. Бах, по носу. Бах, в глаз. Бах, ниже пояса, ты падаешь, а рефери как раз ушел за хот-догом. И только те, кого любишь, могут эту боль множить и передавать. Боль – величайшая сила любви. Так говорит Уайрман.

– Что-то не так, милая?

– Нет. Просто вновь думаю о том, как я рада, что приехала. Я представляла себе, что ты пропадаешь в доме для престарелых или в каком-нибудь ужасном полуразвалившемся баре на пляже, где по четвергам проводят конкурсы бюстов «Кто лучше выглядит в мокрой майке». Наверное, слишком уж начиталась Карла Хайасена³⁷.

– Здесь много таких мест, знаешь ли, – ответил я.

– А таких, как Дьюма?

– Не знаю. Может, несколько. – Но, судя по тому, что рассказывал мне Джек, не было даже второго такого места.

– Что ж, ты его заслужил. Время отдохнуть и излечиться. И если вот это... – она обвела рукой Залив, – тебя не излечит, уж не знаю, что сможет. Единственное...

– Д-да? – Я взмахнул рукой, словно поймал что-то в воздухе двумя пальцами. У любой семьи есть особый язык, кото-

³⁷ Хайасен Карл (р. 1953) – современный американский писатель. Специализируется в жанре ироничного детектива и триллера. Родился, вырос и живет во Флориде, где и разворачивается действие многих его романов.

рый включает в себя и жесты. Мой жест ничего не сказал бы постороннему человеку, но Илзе поняла и рассмеялась.

– Ладно, умник. Единственная надоедливая муха – звуки прилива. Я проснулась ночью и чуть не закричала, прежде чем поняла, что это вода перемещает раковины. Я все поняла правильно? Пожалуйста, скажи, что так оно и есть.

– Так оно и есть. А о чем ты подумала?

Она буквально содрогнулась.

– Первой пришла мысль... только не смейся... о скелетах на параде. О сотнях скелетов, марширующих вокруг дома.

У меня такая ассоциация никогда не возникала, но я понимал, о чем она говорит.

– Я нахожу эти звуки успокаивающими.

Она пожала плечами, сомневаясь.

– Ну... тогда ладно. Каждому свое. Возвращаемся? Я могу поджарить яичницу. Даже с перчиками и грибами.

– Предложение принято.

– После несчастного случая я ни разу не видела, чтобы ты так долго обходился без костыля.

– Я надеюсь, что к середине января смогу уходить по берегу на юг на четверть мили.

Илзе присвистнула.

– На четверть мили туда и *обратно*?

Я покачал головой.

– Нет, нет. Только туда. Обратно собираюсь долететь. Как планер. – И я поднял руку, показывая, как буду плани-

ровать.

Илзе фыркнула, повернулась, чтобы пойти к дому, остановилась, потому что на юге что-то сверкнуло. Раз, другой. И на берегу темнели две точки.

– Люди. – Илзе прикрыла глаза ладонью.

– Мои соседи. На текущий момент мои единственные соседи. Так я, во всяком случае, думаю.

– Ты с ними встречался?

– Нет. Я знаю, что это мужчина и женщина в инвалидном кресле. Если не ошибаюсь, обычно она завтракает на берегу. А блесит поднос.

– Тебе следует купить гольф-кар. Тогда сможешь подъехать к ним и поздороваться.

– Со временем я собираюсь дойти до них и поздороваться. Никаких гольф-каров. Доктор Кеймен велел намечать цели. Вот я их и намечаю.

– Папуля, когда речь идет о целях, тебе не нужны советы мозгоправа. – Илзе все смотрела на юг. – Из какого они дома? Того большого, что выглядит, будто ранчо из вестерна?

– Я в этом почти уверен.

– И больше здесь никто не живет?

– Сейчас нет. Джек говорит, что некоторые дома арендуют в январе и феврале, но сейчас, полагаю, здесь только они и я. А остальная часть острова – сплошная ботаническая порнография. Озверевшие растения.

– Господи, а почему?

– Не имею ни малейшего понятия. Я собирался это выяснить – во всяком случае, собирался попытаться, – но пока все еще учусь твердо стоять на ногах. В прямом, а не в переносном смысле.

Мы уже возвращались к дому.

– Почти пустой остров под солнцем, – прервала паузу Илзе. – Что-то за этим кроется. Должно крыться, ты согласен?

– Да, – кивнул я. – Джек Кантори предлагал навести справки, но я попросил его не беспокоиться. Подумал, что и сам могу это сделать.

Я схватил костыль, вставил руку в две стальные скобы (приятно, знаете ли, после того, как какое-то время проведешь на берегу без «канадки») и захромал по уходящей к двери дорожке. Заметил, что иду один. Остановился, оглянулся. Илзе смотрела на юг, прикрывая рукой глаза.

– Идешь, милая?

– Да. – На берегу снова что-то сверкнуло. Поднос для завтрака. Или кофейник. – Может, *они* знают, в чем дело? – Илзе догнала меня.

– Возможно.

Она указала на дорогу.

– А дорога? Куда она ведет?

– Не знаю.

– Не хочешь проехать по ней после ленча и выяснить?

– Ты готова пилотировать «шеви-малибу» от «Херца»?

– Конечно! – Она уперлась руками в узкие бедра, притвор-

но сплюнула и продолжила на южный манер, растягивая слова: – Я буду вести ма-ашину, пока-а не упрусь в конец дороги.

xii

Но мы и близко не добрались к концу Дьюма-роуд. Во всяком случае, в тот день. Наш бросок на юг начался хорошо, но закончился хуже некуда.

Отъезжая, мы оба прекрасно себя чувствовали. Я полежал час, выпил послеполуденную таблетку оксиконтин. Дочь переделась в шорты и топик, и долго смеялась, когда я настоял на том, чтобы намазать ей нос цинковыми белилами.

– Клоун Бобо, – заявила Илзе, глядя на себя в зеркало.

Она пребывала в превосходном настроении, я же после несчастного случая никогда еще так не радовался жизни, поэтому произошедшее с нами в тот день стало полнейшей неожиданностью. Илзе во всем винила ленч, может, майонез в салате с тунцом, и я с ней не спорил, но не думаю, что причина крылась в испортившемся майонезе. Скорее, в дурном заклятии.

Дорога была узкой, в ухабах и выбоинах. И пока не нырнула в густые джунгли, занимавшие большую часть острова, ее то и дело перегораживали дюны из песка цвета кости, который ветром нанесло с берега. Арендванный «шеви» играючи перепрыгивал через большинство из них, но когда дорога свернула чуть ближе к воде (перед самой гасиендой, которую Уайрман называл «Palacio de Asesinos»³⁸), наносы стали

³⁸ Дворец убийц (*исп.*).

выше и толще, так что колеса уже увязали в них, а не перепрыгивали. Но Илзе училась водить автомобиль в снежной стране, поэтому управлялась без жалоб и комментариев.

Дома между «Розовой громадой» и «Дворцом» построили в стиле, который я называл «Флоридский пастельно-отвратительный». Все окна были закрыты ставнями, большинство подъездных дорожек – перегорожено воротами. В одном доме ворота заменяли козлы для пилки дров, в количестве двух штук, с выцветшим предупреждением: «**ЗЛЫЕ СОБАКИ** **ЗЛЫЕ СОБАКИ**». За домом со злыми собаками начинался участок, на котором высилась гасиенда. Его огораживала десятифутовая оштукатуренная стена с оранжевой черепицей поверху. Куда больше такой же черепицы (крыша гасиенды) скосами и углами оранжевело на фоне бездонного синего неба.

– Кучеряво! – воскликнула Илзе (должно быть, позаимствовала у своего баптистского бойфренда). – Прямо-таки поместье в Беверли-Хиллз.

Стена тянулась вдоль дороги как минимум ярдов восемьдесят. Мы не увидели ни единого щита с надписью «**ПОСТОРОННИМ ВХОД ВОСПРЕЩЕН**». Размерами она однозначно выражала отношение владельца участка к коммивояжерам и мормонским проповедникам. В середине стены находились железные ворота. Их половинки были приоткрыты, а между ними сидела...

– Это она, – пробормотал я. – Женщина с берега. Срань

господня! Да это же Невеста крестного отца.

– Папуля! – Илзе рассмеялась, шокированная моими словами.

В инвалидном кресле сидела глубокая старуха, лет восьмидесяти пяти, а то и старше. На хромированных подставках для ног стояли огромные голубые кеды «конверс». Хотя температура воздуха чуть недотягивала до двадцати пяти градусов, женщина была в спортивном костюме. В одной шишковатой руке дымилась сигарета. Соломенную шляпу я видел во время прогулок по берегу, но не представлял себе, какая она огромная – не шляпа, а потрепанное сомбреро. И сходство с Марлоном Брандо в конце фильма «Крестный отец» (когда он играл с внуком в саду) не вызывало ни малейших сомнений. Что-то лежало у нее на коленях... вроде бы не пистолет.

Илзе и я помахали ей рукой. Какие-то мгновения она сидела не шевелясь, потом подняла одну руку в индейском приветствии, и ее рот растянулся в лучезарной и практически беззубой улыбке. Тысячи морщинок, избороздивших лицо, превратили старуху в добрую колдунью. Я даже мельком не взглянул на дом у нее за спиной. Мне хватило ее неожиданного появления, модной синей обуви, множества морщинок и...

– Папуля, это был пистолет? – Илзе широко раскрытыми глазами смотрела в зеркало заднего вида. – У этой старухи на коленях лежал пистолет?

Автомобиль сносило с дороги, я понял, что велик шанс чиркнуть бортом по оштукатуренной стене, поэтому взялся за руль и чуть подкорректировал курс.

– Думаю, да. Или вроде того. Не отвлекайся, милая. Дорога-то не очень.

Теперь она вновь смотрела вперед. Мы ехали, залитые ярким солнечным светом, который, правда, померк, едва мы миновали забор.

– Что значит вроде того?

– Эта штуковина выглядела... ну, не знаю, как пистолет-арбалет. Или что-то такое. Может, она отстреливает из него змей.

– Слава Богу, она улыбнулась, – добавила Илзе. – И улыбка у нее хорошая, правда?

Я кивнул.

– Это точно.

Гасиенда замыкала ряд домов, построенных на северной, очищенной от джунглей оконечности Дьюма-Ки. За гасиендой дорога отвернула от берега, и листва сомкнулась вокруг нее. Такую перемену я нашел поначалу интересной, потом внушающей благоговейный страх, и, наконец, она вызвала у меня приступ клаустрофобии. Зеленые стены поднимались на высоту двенадцати футов, темно-красные потеки на круглых листьях выглядели как засохшая кровь.

– Что это за растение, папуля?

– Морской виноград. А вот это, зеленое с желтыми цве-

тами – веделия. Растет везде. А это рододендрон. Деревья в основном, думаю, карибские сосны, хотя...

Илзе сбросила скорость до черепашьей и указала налево, наклонившись к ветровому стеклу.

– А там какие-то пальмы. И посмотри... впереди...

Дорога по-прежнему уходила в глубь острова, и стволы деревьев, которые росли по обе ее стороны, напоминали переплетение скрученных серых веревок. Корни вспучивали гудрон. Пока мы еще могли проехать, но через несколько лет дорога наверняка станет непроходимой для обычного автомобиля.

– Фикус-душитель³⁹.

– Милое название, прямиком от Альфреда Хичкока. Они всегда так растут?

– Не знаю.

Илзе осторожно переехала испорченную корнями полосу дороги, и мы поползли дальше, на скорости, не превышающей четыре мили в час. Среди густых зарослей морского винограда и рододендронов изредка проглядывали фикусы-душители. Дорогу окутывал густой сумрак. Мы ничего не могли разглядеть ни впереди, ни по бокам. Небо исчезло, если не считать редкого синего пятнышка или падающего на дорогу лучика. И мы видели пробивающиеся через трещины

³⁹ Фикус-душитель – растение, поселяющееся на других растениях, но не являющееся паразитом, потому что пускает корни в землю. Оплетает ствол материнского дерева своими стволами, действительно похожими на скрученные веревки.

в гудроне пучки меч-травы и жесткие, словно вощенные, стебли лиродревесника.

Начала зудеть рука. Правая. Машинально я потянулся, чтобы почесать ее, но, как и обычно, почесал только ребра, прикосновение к которым все еще вызывало боль. Одновременно зуд появился и в левой половине головы. Почесать голову я мог, что и сделал.

– Папуля?

– Все хорошо. Чего ты остановилась?

– Потому что... мне не очень-то хорошо.

И тут я заметил, как переменялось ее лицо. Стало почти таким же белым, как цинковые белила на носу.

– Илзе? Что такое?

– Желудок. У меня появляются серьезные вопросы к салату с тунцом, который я съела на ленч. – Она кисло улыбнулась. – И еще я думаю, каким образом мне удастся вывезти нас отсюда.

Она задала хороший вопрос. Заросли морского винограда надвинулись с боков, а кроны пальм, закрывавшие небо, опустились ниже. Я вдруг ощутил запах окружающих нас джунглей, липкий аромат, который, казалось, оживал в горле. И почему нет? Его источали живые растения. Они поджимали нас с обеих сторон. И сверху.

– Папа?

Зуд усилился. Он казался мне красным, а вонь в носу и горле – зеленой. Такой зуд возникает, если ты залипаешь

в долине, залипаешь в малине.

– Папуля, ты извини, но я чувствую, что меня сейчас вырвет.

Не в долине и не в малине, мы сидели в машине, Илзе открыла дверцу машины, высунулась наружу, держась за руль одной рукой, а потом я услышал, как ее вывернуло.

Красная пелена перед правым глазом спала, и я подумал: «Я могу это сделать. Я могу это сделать. Я просто должен взять себя в руки».

Я открыл свою дверцу – для этого пришлось дотянуться до ручки левой рукой – и выбрался на дорогу. Выбираясь, я крепко держался за верх дверцы, чтобы не рухнуть в полный рост, лицом вниз, на заросли морского винограда и переплетенные ветви баньяна с наполовину вылезшими из земли корнями. Я ощущал зуд во всем теле. Листья и ветки находились так близко от борта автомобиля, что цепляли меня, пока я продвигался к переднему бамперу. Половина того, что я видел перед собой

(К РАСНОЕ)

казалась кроваво-алой, я почувствовал (мог бы в этом поклясться), как запястье правой руки задело о шершавый ствол сосны, подумал: «Я могу это сделать, я ДОЛЖЕН это сделать», – услышав, как Илзе выворачивает вновь. Я понимал, что на узкой дороге гораздо жарче, чем должно быть, даже с зеленой крышей над головой. Мне хватило здравого смысла, чтобы задаться вопросом, а о чем мы, собственно

думали, отправляясь в поездку по этой дороге. Но, разумеется, тогда эта авантюра воспринималась веселой проказой.

Илзе по-прежнему высовывалась из кабины, держась за руль правой рукой. Ее лоб покрывали крупные капли пота. Вскинув голову, она посмотрела на меня.

– Ох, что-то мне нехорошо...

– Подвинься, Илзе.

– Папуля, что ты собираешься делать?

Как будто она не понимала. И тут же оба слова, «везти» и «назад», разом ускользнули от меня. В тот момент я мог бы произнести только «нас», самое бесполезное слово в английском языке, когда оно остается одно. Я чувствовал, как злость кипятком клокочет в горле. Или кровь. Да, скорее кровь, потому что злость была, само собой, красной.

– Вытаскивать нас отсюда. Подвинься. – И подумал при этом: «Не злись на нее. Не начинай кричать, ни при каких обстоятельствах. Ради Христа, пожалуйста, не начинай».

– Папуля... ты... не можешь...

– Смогу. Подвинься.

Привычка слушаться умирает тяжело... особенно тяжело – у дочерей в отношении отцов. И, разумеется, она ужасно себя чувствовала. Илзе перебралась на пассажирское сиденье, а я сел на водительское, залез в кабину спиной вперед и воспользовался рукой, чтобы поднять покалеченную правую ногу. Вся правая сторона зудела, будто через нее пропускали слабый электрический ток.

Я крепко закрыл глаза и подумал: «Я МОГУ это сделать, черт побери, и мне не требуется помощь этой набивной матерчатой суки».

Когда я вновь взглянул на мир, часть этой красноты (и часть злости, слава Богу) ушла. Я включил заднюю передачу и чуть придавил педаль газа. Автомобиль медленно покотился назад. Я не мог, как Илзе, высовываться из окна, потому что не имел возможности рулить правой рукой. Вместо этого полагался исключительно на зеркало заднего вида. А в голове зловеще звучало: «Мип-мип-мип».

– Пожалуйста, только не съезжай с дороги, – простонала Илзе. – Идти мы не сможем. Я слишком слаба, а ты слишком покалечен.

– Не съеду, Моника, – ответил я, но в этот момент она высунулась из окна, чтобы вывалить то, что еще оставалось в желудке, и не думаю, что услышала меня.

Медленно-медленно мы откатывали от того места, где Илзе остановила автомобиль. Я говорил себе: «Поспешешь – людей насмешишь» и «Тише едешь – дальше будешь». Бедро рычало от боли, когда мы переваливались через корни фикуса-душителя. Пару раз я слышал, как ветки морского винограда скребли по борту автомобиля. Сотрудникам «Херца» это вряд ли понравится, но их проблемы в тот момент волновали меня меньше всего.

Мало-помалу становилось светлее, потому что зеленая крыша над дорогой раздавалась в стороны. Меня это вполне устраивало. Уходила красная пелена перед глазами, уходил безумный зуд. Что устраивало еще больше.

– Я вижу тот большой дом за забором, – возвестила Илзе, оглянувшись.

– Тебе лучше?

– Может, чуть-чуть, но желудок по-прежнему вибрирует, как «стиралка». – Судя по раздавшемуся звуку, тошнота вновь подкатила к ее горлу. – Господи, лучше бы я этого не говорила. – Илзе высунулась из окошка, ее снова вырывало, она откинулась на спинку сиденья, засмеялась и застонала одновременно. Кудряшки прилипли ко лбу. – Я уделала весь борт твоего автомобиля. Пожалуйста, скажи, что у тебя есть шланг.

– Об этом не волнуйся. Расслабься. Дыши медленно и глубоко.

Она попыталась отдать честь и закрыла глаза.

Старуха в большущей соломенной шляпе исчезла, зато ворота распахнули полностью, будто хозяйка ждала гостей. Или знала, что нам понадобится место для разворота.

Я не стал тратить время на обдумывание, просто задним ходом въехал в ворота. Мельком увидел двор, вымощенный синими керамическими плитками, теннисный корт, огромную двухстворчатую дверь с железными кольцами-ручками, а потом поехал домой. Куда мы и прибыли пятью минутами позже. Теперь я все видел так же ясно, как и утром, когда проснулся, может, и яснее. А если не считать легкого зуда, который «гулял» по правой половине моего тела, чувствовал себя прекрасно.

И еще мне очень хотелось рисовать. Я не знал, что именно нарисую, но не сомневался, что узнаю, когда поднимусь в «Розовую малышку» и сяду перед мольбертом с раскрытым на нем альбомом. Совершенно в этом не сомневался.

– Давай я помою твою машину, – предложила Илзе.

– Сейчас тебе нужно полежать. Выглядишь ты полумертвой.

Она вымученно улыбнулась.

– Полу – это не совсем. Помнишь, как говорила мама?

Я кивнул:

– А теперь иди. Борт я помою, – и указал на шланг, свер-

нутый кольцами у северной стены «Розовой громады». – Он подключен, так что достаточно повернуть вентиль.

– Ты в полном порядке?

– Лучше не бывает. Думаю, ты съела больше салата с тунцом, чем я.

Илзе сподобилась еще на одну улыбку.

– Я равнодушна к собственной готовке. Папуля, ты показал себя настоящим героем, вызволив нас из джунглей. Я бы тебя поцеловала, но пахнет от меня...

Я поцеловал *ее*. В лоб. Холодный и влажный.

– Немедленно примите горизонтальное положение, мисс Повариха... приказ верховного главнокомандующего.

Она ушла. Я включил воду и принялся мыть борт «малибу». Потратил на это больше времени, чем было необходимо, чтобы дочь наверняка успела заснуть. И она успела. Когда я заглянул в приоткрытую дверь второй спальни, Илзе лежала на боку, спала, как в детстве: одна ладонь под щекой, одно колено подтянуто к груди. Мы думаем, что меняемся, а на самом деле – нет. Так говорит Уайрман.

Может, *si*, может, нет. Так говорит Фримантл.

Что-то тянуло меня (возможно, это «что-то» сидело во мне с того несчастного случая, но оно точно вернулось со мной из поездки по Дьюма-роуд). Я позволил этому «что-то» тянуть, не было уверенности, что смогу устоять, да не хотелось и пытаться; разбирало любопытство.

Сумочка дочери лежала на журнальном столике в гостиной. Я открыл ее, вытащил бумажник, просмотрел фотографии, которые она в нем держала. Почувствовал себя чуть-чуть негодяем, но только чуть-чуть. «Ты же ничего не крадешь», – убеждал я себя, но, разумеется, есть множество способов воровства, не так ли?

В бумажнике сразу наткнулся на фотографию Карсона Джонса, которую Илзе показывала мне в аэропорту, но она меня не интересовала. В одиночку он меня не интересовал. Я хотел увидеть его с ней. Мне требовалась их общая фотография. И я ее нашел. Похоже, сфотографировались они у придорожного лотка. На фоне корзин с огурцами и кукурузными початками. Оба улыбались, молодые и прекрасные. Обнимали друг друга, и одна ладонь Карсона Джонса, похоже, лежала на обтянутой синими джинсами округлой попе моей дочери. Ах ты, нахальный христианин. Моя правая рука все еще зудела, кожу несильно, но непрерывно кололо горячими иглками. Я почесал руку, почесал сквозь руку,

в десятитысячный раз вместо руки попал пальцами на ребра. И эту фотографию Илзе хранила в прозрачном пластиковом конверте. Я вытащил ее, обернулся (нервноничал, как взломщик на первом деле) на приоткрытую дверь комнаты, в которой спала дочь, перевернул.

Я люблю тебя, Тыквочка!

Смайлик.

Мог я доверять ухажеру, который называл мою дочь Тыквочкой и подписывался, как Смайллик? Я так не думал. Возможно, относился к нему предвзято, но нет... я так не думал. Тем не менее я нашел то, что искал. Не его одного – их вдвоем. Я повернул фотографию картинкой к себе, закрыл глаза и притворился, будто вожу по кодаковскому изображению правой рукой. Хотя не чувствовал, что это притворство; надеюсь, теперь мне уже не нужно это объяснять.

По прошествии времени (не могу сказать точно, как долго у меня все это заняло) я вернул фотографию в пластиковый конверт, а потом засунул бумажник под салфетки и косметику, примерно на ту же глубину, с которой и достал. Положил сумочку на журнальный столик, зашел в свою спальню за Ребой, воздействующей на злость куклой, и захромал наверх, в «Розовую малышку», культей прижимая куклу к боку. Вроде бы помню, как говорил: «Я собираюсь превратить тебя в Монику Селеш⁴⁰», – когда сажал ее перед ок-

⁴⁰ Селеш Моника (р. 1973) – известная теннисистка. Одно время занимала первую строчку в мировой квалификации.

ном. Но с тем же успехом мог сказать «в Монику Голдстайн». Когда дело касается памяти, мы все склонны подтасовывать. Евангелие от Уайрмана.

Я отчетливо (даже отчетливее, чем хотелось) помню большую часть того, что произошло на Дьюме, но вот вторая половина именно этого дня вспоминается смутно. Я знаю, что с головой ушел в рисование, а сводящий с ума зуд в несуществующей руке меня совершенно не донимал, пока я работал. И я почти уверен, что красноватая дымка, которая в те дни висела перед глазами, сгущаясь, если я уставал, на какое-то время исчезла полностью.

Не могу сказать, сколь долго я пребывал в таком состоянии. Должно быть, времени прошло немало. Достаточно для того, чтобы, закончив рисовать, я ощутил жуткую усталость и дикий голод.

Спустился вниз и принялся жрать копченую колбасу при свете лампочки холодильника. Сэндвич делать не стал: не хотел, чтобы Илзе узнала, что я чувствую себя нормально и могу есть. Пусть думает, что все наши проблемы вызваны испорченным майонезом. Тогда у нас отпадет необходимость тратить время на поиски других объяснений.

А среди объяснений, которые приходили мне в голову, рациональным места не нашлось.

Съев пол-упаковки нарезанной салями и выпив пинту сладкого чая, я прошел в спальню, лег и провалился в глубокий сон.

XV

Закаты.

Иногда мне кажется, что мои самые четкие воспоминания о Дьюма-Ки – оранжевое вечернее небо, кровоточащее снизу и выцветающее поверху, зеленое, переходящее в черное. Когда я проснулся тем вечером, еще один день триумфально покидал наш мир. Опираясь на костыль, я потопал в гостиную, с затекшим телом, морщась от боли (первые десять минут всегда были самыми худшими). Увидел, что дверь в комнату Илзе распахнута, а ее кровать пуста.

– Илзе? – позвал я.

На мгновение стояла тишина. Потом она откликнулась сверху.

– Папуля! Мамма-миа, это нарисовал ты? *Когда* ты это нарисовал?

Все мысли о болях и затекшем теле как ветром сдуло. Я поднялся в «Розовую малышку» со всей доступной мне быстротой, лихорадочно вспоминая, что же я такого нарисовал. Что бы это ни было, я не приложил никаких усилий, чтобы спрятать свое очередное творение. А если я изобразил что-то ужасное? Допустим, мне в голову пришла блестящая идея нарисовать карикатуру на распятие, «прибить» к кресту поющего госпелы «Колибри»?

Илзе стояла перед мольбертом, так что рисунка я видеть

не мог. Дочь полностью закрывала его собой. Но даже если бы она стояла в стороне, освещался зал только кровавым закатом. И лист альбома на фоне этого сияющего окна являл собой черный прямоугольник.

Я включил свет, молясь о том, что ничем не огорчил дочь. Она же прилетела в такую даль, чтобы убедиться, что у меня все хорошо. По голосу мне не удалось определить ее реакцию на мой рисунок.

– Илзе.

Она повернулась ко мне. По лицу чувствовалось, что она скорее ошеломлена, чем злится.

– Когда ты это нарисовал?

– Ну... Пожалуйста, отойди чуть в сторону.

– Память опять тебя подводит, так?

– Нет... хотя да. – Я нарисовал берег, каким видел его из окна, но больше ничего сказать не мог. – Как только я увижу рисунок, так, я уверен, сразу... отойди в сторону, дорогая, дверь ты изобразишь лучше, чем окно.

– Значит, я тебе мешаю? – Она рассмеялась. Редко когда смех приносил мне такое облегчение. Что бы она ни нашла на мольберте, рисунок этот ее не разъярил, и желудок разом опустился, занял положенное ему место. Раз она не злилась, уменьшалась угроза, что разозлюсь я и испорчу ее не такой уж и плохой визит.

Илзе отступила влево, и я увидел, что нарисовал в полубессознательном состоянии, перед тем как лечь спать. Если

говорить о мастерстве, наверное, ничего лучше у меня не получалось с того самого дня, когда на озере Фален я изобразил три пальмы, но я подумал, что ее недоумение более чем понятно. Я и сам недоумевал.

Эту часть берега я мог видеть из широкого, чуть ли не во всю стену, окна «Розовой малышки». Небрежный отсвет на воде, выполненный желтым карандашом, который изготовила «Винус компани», показывал, что происходит все ранним утром. В центре картины стояла маленькая девочка в платье для тенниса. Спinoй к нам, но рыжие волосы выдавали ее с головой: Реба, моя маленькая любовь, подруга из прошлой жизни. Фигуру я прорисовал нечетко, но зритель понимал, что сделано это сознательно: нарисована не реальная маленькая девочка, а пригрезившаяся фигура в воображаемом месте.

Вокруг ее ног на песке лежали ярко-зеленые теннисные мячи.

Другие покачивались на небольших волнах.

– Когда ты это нарисовал? – Илзе все еще улыбалась... почти смеялась. – И что все это значит?

– Тебе нравится? – спросил я. Потому что мне рисунок не нравился. И причина была не в том, что теннисные мячи получились не того цвета – у меня не нашлось нужного оттенка зеленого. Рисунок вызывал неприязнь, потому что все в нем было не так. И еще – глубокую печаль.

– Я в него влюбилась! – воскликнула она, а потом рассме-

ялась. – Говори, когда ты его нарисовал? Признавайся!

– Пока ты спала. Я пошел, чтобы прилечь, но вновь почувствовал тошноту, вот и подумал, что лучше остаться в вертикальном положении. Решил немного порисовать, в надежде, что желудок успокоится. Я и не подозревал, что держу эту куклу в руке, пока не поднялся сюда, – и показал на Ребу, которая сидела, прислоненная к окну, выставив вперед набивные ноги.

– Это кукла, на которую ты должен кричать, когда чего-то не можешь вспомнить, так?

– Что-то в этом роде. Я сел к мольберту. На этот рисунок ушел примерно час. Когда я закончил, почувствовал себя лучше. – Хотя я мало помнил о том, как и что рисовал, оставшегося в памяти хватало, чтобы точно знать: моя версия – ложь. – Потом лег и заснул. Вот и все.

– Могу я его взять?

Волна страха накрыла меня, но я не мог отказать, не обидев дочь или не показавшись безумцем.

– Бери, если действительно хочешь. Но он ничего собой не представляет. Может, лучше тебе взять один из знаменитых закатов Фримантла? Или почтовый ящик с конем-качалкой? Я мог бы...

– Я хочу этот, – прервала она меня. – Он забавный, милый и даже немного... ну, не знаю... зловещий. Смотришь на нее под одним углом и говоришь: «Кукла». Смотришь под другим и говоришь: «Нет, это маленькая девочка... в конце кон-

цов, разве она не стоит?» Это удивительно, как многому ты научился в рисовании цветными карандашами! – Она решительно кивнула. – Я хочу этот. Только ты должен его назвать. Художники должны называть свои творения.

– Я согласен, но понятия не имею...

– Перестань, перестань, не юли. Напиши то, что первым придет в голову.

– Хорошо, – смирился я. – «Конец игры».

Илзе захлопала в ладоши.

– Идеально. *Идеально!* И ты должен расписаться. Я не слишком раскомандовалась?

– Ты всегда такой была, – ответил я. – Командиршей. Должно быть, тебе лучше.

– Да. А тебе?

– Мне тоже, – солгал я. На самом деле от злости все передо мной стало красным. «Винус» карандашей такого оттенка не изготавливала, зато на полочке мольберта лежал новенький, остро заточенный черный карандаш. Я взял его и написал свою фамилию рядом с одной из розовых ног девочки. Чуть дальше с десяток теннисных мячей неправильного зеленого цвета плыли по волне. Я не знал, что означают эти грубо нарисованные мячи, но они мне не нравились. Мне не хотелось подписывать рисунок, но потом уже не оставалось ничего другого, как добавить сбоку печатными буквами «Конец игры». И тут я вспомнил слова, которым Пэм научила девочек, когда они были еще маленькими, и которые

полагалось говорить по завершении какого-нибудь неприятного дела.

Сделали – и забыли.

Илзе провела у меня еще два дня, и они прошли на отлично. К тому времени, когда мы с Джеком повезли ее в аэропорт, солнце чуть прихватило ей лицо и руки, и загар прекрасно сочетался с исходящим от нее сиянием юности, здоровья, благополучия.

Джек нашел Илзе тубус для перевозки новой картины.

– Папуля, обещай, что будешь заботиться о себе и сразу позвонишь, если я тебе понадобится.

– Будет исполнено. – Я улыбнулся.

– И обещай, что найдешь человека, который сможет оценить твои картины. Человека, который в этом разбирается.

– Ну...

Дочь наклонила голову, нахмурилась. И вновь стала совсем как Пэм, когда я только с ней познакомился.

– Пообещай, или пеняй на себя.

И поскольку она говорила серьезно – на это указывала вертикальная складочка между бровей, – я пообещал.

Складочка разгладилась.

– Хорошо, с этим определились. Ты должен поправиться. Заслуживаешь этого. Хотя иногда я гадаю, веришь ли ты, что такое возможно.

– Разумеется, верю.

Она продолжила, словно не услышав меня:

– Потому что случившееся с тобой – не твоя вина.

Я почувствовал, как к глазам подступили слезы. Разумеется, я *знал*, что не моя, но приятно слышать, как эти слова произносит вслух другой человек. Не Кеймен, работа которого и состояла в том, чтобы отскребать въевшийся жир со всех этих давно не мытых, причиняющих беспокойство котлов в раковинах подсознания.

Она кивнула.

– Ты обязательно поправишься. Я так говорю, а я командирша.

Ожила громкая связь. Объявили рейс 559 авиакомпании «Дельта», с посадками в Цинциннати и Кливленде. Первый этап путешествия Илзе домой.

– Иди, Цыпленок. Нужно дать им время просветить твое тело и проверить обувь.

– Сначала я должна тебе кое-что сказать.

Я всплеснул единственной оставшейся рукой.

– Что теперь, моя драгоценная девочка?

Илзе улыбнулась: так я обращался к обеим дочерям, когда мое терпение подходило к концу.

– Ты не убеждал меня, что мы с Карсоном слишком молоды для обручения. За это тебе отдельное спасибо.

– Если б убеждал, был бы толк?

– Нет.

– И я так подумал. Кроме того, твоя мать еще попилит тебя за нас обоих.

Илзе поджала губы, потом рассмеялась.

– И Линни тоже... но только потому, что я впервые опередила ее.

Она еще раз крепко меня обняла. Я вдохнул запах ее волос, крепкую, волнующую смесь ароматов шампуня и молодой, здоровой женщины. Отстранившись, Илзе посмотрела на моего мастера-на-все-руки, который стоял чуть в стороне.

– Позаботься о нем, Джек. Он хороший.

Они не влюбились друг в друга (не сложилось, мучачо), но он ей тепло улыбнулся.

– Сделаю все, что в моих силах.

– И он обещал, что покажет свои картины специалисту.

Ты – свидетель.

Джек, улыбаясь, кивнул.

– Отлично! – Илзе вновь поцеловала меня, на этот раз в кончик носа.

– Веди себя хорошо, папа. Долечивайся. – И она прошла сквозь двери пусть увешанная багажом, но все равно быстрым шагом. Обернулась перед тем, как они закрылись. – И купи краски!

– Куплю! – крикнул я, но не знаю, услышала она или нет. Во Флориде двери захлопываются со свистом, быстро, чтобы уменьшить потери кондиционированного воздуха. На какие-то мгновения окружающий мир потерял четкость и стал ярче; застучало в висках; защекотало в носу. Я наклонил голову и быстро протер глаза большим и средним пальца-

ми, тогда как Джек прикинулся, будто углядел в небе что-то очень интересное. Мое состояние характеризовало одно слово, но в голову оно никак не приходило. Я подумал: «пе-даль», потом – «кефаль».

Если не спешить и не злиться, сказать себе: «ты можешь это сделать», слова обычно приходят. Иногда тебе они и не нужны, но все равно приходят. Пришло и это слово: «печаль».

– Хотите подождать, – заговорил Джек, – пока я подгоню автомобиль, или...

– Нет, я могу пройтись. – Я обхватил пальцами ручку костыля. – Только смотри по сторонам. Не хочу, чтобы при переходе дороги на меня наехали. Уже знаю, что это такое.

На обратном пути мы заглянули в магазин «Все для живописи» в Сарасоте, и вот там я спросил Джека, знает ли он что-нибудь о художественных галереях города.

– Будьте уверены, босс. Моя мама работала в такой. Она называется «Скотто». Находится на Пальм-авеню.

– А если подробнее?

– Это модная галерея в богемной части города. – Он помолчал. – Хорошая галерея. Работают там милые люди... во всяком случае, к маме они всегда относились по-доброму, но... понимаете...

– Это модная галерея.

– Да.

– То есть цены высокие?

– Там собирается элита. – Он говорил очень серьезно, но, когда я рассмеялся, составил мне компанию. Думаю, именно в тот день Джек Кантори стал мне другом, а не наемным работником.

– Тогда вопросов больше нет, потому что и я, безусловно, элита. Такая галерея мне и нужна.

Я поднял руку, раскрыв ладонь, и Джек хлопнул по ней.

xviii

По приезде в «Розовую громаду» Джек помог занести в дом мою добычу: пять пакетов, две коробки и девять натянутых на подрамники холстов. Покупки обошлись мне почти в тысячу долларов. Я сказал Джеку, что наверх мы все занесем завтра. В этот вечер мне меньше всего хотелось писать картины.

Через гостиную я похромал на кухню с тем, чтобы приготовить сэндвич, но по дороге увидел мигающую лампочку на автоответчике: меня ждало сообщение. Я подумал, что звонила Илзе, чтобы сообщить о задержке рейса из-за погодных условий или поломки.

Ошибся. Услышал приятный, но поскрипывающий от старости голос, и сразу понял, кто это. Буквально увидел большие синие кеды на блестящих металлических подставках для ног.

– Привет, мистер Фримантл, добро пожаловать на Дьюма-Ки. Рада, что увидела вас на днях, пусть и мельком. Предполагаю, молодая женщина, которая была с вами, – ваша дочь, учитывая сходство. Вы уже отвезли ее в аэропорт? Очень на это надеюсь.

Пауза. Я слышал ее дыхание, громкое, тяжелое (пусть до эмфиземы дело, похоже, еще не дошло) дыхание человека, который большую часть жизни не выпускал сигареты

изо рта. Потом она заговорила вновь:

– Принимая во внимание все обстоятельства, Дьюма-Ки – для дочерей место несчастливое.

Я вдруг подумал о Ребе, в столь неподходящем ей платье для тенниса, окруженной теннисными мячами, а волны выносили на берег все новые.

– Надеюсь, со временем мы встретимся. До свидания, мистер Фримантл.

Щелчок. И я остался наедине с неустанным шуршанием ракушек под домом.

Прилив продолжался.

Как рисовать картину (III)

Оставайтесь голодными. Принцип этот проверен на Микеланджело, проверен на Пикассо, проверен сотнями тысяч художников, которые творят не из любви (хотя без нее никак не нельзя), но ради хлеба насущного. Если вы хотите отобразить этот мир, призовите на помощь ваши неутоленные желания. Вас это удивляет? Не должно. Нет ничего более человеческого, чем голод. Нет творчества без таланта, тут я с вами соглашусь, но талант – нищий. Талант просит милостыню. Голод – вот движущая сила искусства. Та маленькая девочка, о которой я вам говорил? Она нашла свое неутоленное желание и использовала его.

Она думает: «Больше никакой кровати целый день. Я иду в комнату папочки, в кабинет папочки. Иногда я говорю кабинет, иногда – тадинет. В нем большое красивое окно. Они сажаят меня в кесло. Я могу смотреть вверх. На птиц и красоту. Слишком много красоты для меня, и мне становится кусно. У некоторых облаков крылья. У других – синие глаза. При каждом закате я плачу, так мне кусно. Больно смотреть. Боль уходит в меня. Я не могу сказать, что я вижу, и от этого мне кусно».

Она думает: «ГРУСТНО, это слово – ГРУСТНО. Не кусно и не кесно. Кесно – на чем сидят».

Она думает: «Если бы я могла остановить боль. Если бы

я могла вылить ее из себя, как пи-пи. Я плачу и пытаюсь пытаюсь пытаюсь сказать, чего я хочу. Няня помочь не может. Когда я говорю: «Цвет», – она касается своего лица, улыбается и говорит: «Всегда такая была, навсегда такой останусь». Старшие девочки тоже не помогают. Я так сержусь на них, почему вы не слушаете, **ВЫ БОЛЬШИЕ ЗЛЮКИ!** Однажды приходят близняшки, Тесси и Ло-Ло. Они особо говорят между собой, особо слушают меня. Сначала не понимают, но потом. Тесси приносит бумагу. Ло-Ло приносит карандаш, и с моих губ слетает: «Тан-даш», – отчего они радостно кричат и хлопают в ладоши».

Она думает: «**Я ПОЧТИ МОГУ СКАЗАТЬ СЛОВО КАРАНДАШ**».

Она думает: «Я могу создать мир на бумаге. Я могу нарисовать, что значат слова. Я вижу дерево. Я создаю дерево. Я вижу птицу. Я создаю птицу. Это хорошо, как вода из стакана».

Эта маленькая девочка, с перевязанной головой, в розовом домашнем платице, сидящая у окна в кабинете отца. Ее кукла, Новин, лежит рядом на полу. У нее доска, и на доске лист бумаги. Ей уже удалось нарисовать лапу с когтями, которая определенно похожа на засохшую сосну за окном.

Она думает: «Мне нужна еще бумага, пожалуйста».

Она думает: «**Я – ЭЛИЗАБЕТ**».

И речь возвращается, хотя казалось, что она потеряна навсегда. И не только. Больше, чем речь. Лучшие.

Возвращается собственное «я», возвращается ЭЛИЗАБЕТ. Уже на этих, невероятно смелых первых рисунках она, должно быть, понимала, что происходит. И хотела большего.

Ее дар был ненасытным. Лучшие дары (и худшие), они такие всегда.

Глава 4

Друзья-любовники

i

В первый день нового года, после полудня, я прилег отдохнуть. Спал немного, но проснулся бодрым и с мыслями о конкретной ракушке: оранжевой с белыми точками. Не могу сказать, снилась она мне или нет, но я точно знал, что она мне нужна. Я был готов начать экспериментировать с красками и решил, что одна из таких оранжевых ракушек – это именно то, что необходимо поставить по центру заката в Мексиканском заливе.

За добычей я отправился вдоль берега на юг, сопровождаемый лишь тенью да двумя или тремя десятками крошечных птичек (Илзе прозвала их сыщиками), которые постоянно бродили вдоль кромки воды, выискивая еду. Дальше, над Заливом, парили пеликаны, потом вдруг складывали крылья и падали камнем вниз. Выйдя из дома, я не думал о физических упражнениях, не прислушивался к боли в ноге, не считал шаги. Вообще ни о чем не думал. Мой разум парил, как пеликаны, перед тем как они замечали лакомый кусочек

в caldo largo⁴¹, что плескался под ними. Соответственно, когда я наконец нашел нужную ракушку и оглянулся, меня поразило, какой маленькой стала «Розовая громада».

Я стоял, подкидывая оранжевую ракушку в руке, внезапно почувствовав, что в бедро вновь сыпанули осколки стекла. Возникшая там пульсирующая боль начала распространяться вниз по ноге. Однако следы, которые тянулись к моему дому, говорили о том, что я не подволакивал больную ногу. Вот тут я и подумал о том, что обманывал себя: может, чуть-чуть, может – по-крупному. Скажем, с этой глупой «числовой игрой». Сегодня я забыл о том, чтобы разминать ногу через каждые пять минут или около того. Я просто... прогуливался. Как любой нормальный человек.

Таким образом, возникла дилемма. Я мог и дальше дурить себе голову, останавливаясь через равные промежутки времени, чтобы делать упражнения для растягивания боковых мышц, которым научила меня Кэти Грин (они вызывали жуткую боль, но пользы не приносили), или мог просто прогуливаться. Как любой нормальный, не попадавший в аварию человек.

Я выбрал второй вариант. Но перед тем как двинуться в обратный путь, я оглянулся и увидел стоящий на берегу, чуть южнее, полосатый парусиновый шезлонг. А рядом с ним – стол под зонтом, таким же полосатым, как и парусина шезлонга. В шезлонге сидел человек. Точка, которую

⁴¹ большой залив (исп.).

я видел из окна «Розовой громады», превратилась в высоко-го, крепко сложенного мужчину, одетого в джинсы и белую рубашку с закатанными до локтей рукавами. Ветер развевал его длинные волосы. Лицо я рассмотреть не мог: нас разделяло слишком большое расстояние. Он заметил, что я смотрю на него, и помахал рукой. Я ответил тем же, повернулся и двинулся по своим следам домой. Так я впервые встретился с Уайрманом.

Перед тем как я заснул, последней в голове мелькнула мысль о том, что во второй день нового года из-за боли в ноге мне будет не до прогулок. Но, к своей радости, я обнаружил, что ошибся: горячая ванна позволила полностью восстановить подвижность.

Вот почему после полудня я снова вышел из дома. Никаких поставленных целей, никакой реализации загаданного под Новый год желания, никакой «числовой игры». Просто человек, прогуливающийся по берегу, иногда подходящий к кромке воды достаточно близко, чтобы поднять в воздух стайку сыщиков. Время от времени я нагибался, чтобы взять и положить в карман понравившуюся мне ракушку (через неделю я уже носил с собой пластиковый пакет, куда и складывал найденные сокровища). Когда я подошел достаточно близко к шезлонгу и столу с зонтом над ним, чтобы разглядеть здоровяка (сегодня он надел белую рубашку, брюки цвета хаки и обошелся без обуви), я развернулся и двинулся к «Розовой громаде». Но лишь после того, как помахал ему рукой и увидел ответное приветствие.

Вот так я положил начало моим Великим береговым прогулкам. С каждым последующим днем (всегда во второй его половине) они удлинялись, и я мог все яснее разглядеть этого крепко сложенного мужчину, который сидел на парусино-

вом шезлонге. Мне стало очевидно, что и у него заведенный порядок дня: по утрам он появлялся на пляже с той старухой, вывозил ее в инвалидном кресле по деревянным мосткам, которые я не мог разглядеть из окна «Громады». Во второй половине дня выходил сам. Он никогда не снимал рубашку, но его руки и лицо загорели дочерна – цветом не отличались от старой мебели в каком-нибудь богатом доме. На столе я видел высокий стакан и кувшин, то ли с водой, то ли с лимонадом или джин-тоником. Мужчина всегда махал мне рукой, а я отвечал тем же.

В один из январских дней, когда я сократил разделявшее нас расстояние до осьмушки мили, на песке появился второй полосатый шезлонг. А на столе – второй высокий стакан, пустой, но приглашающий. Когда я помахал мужчине рукой, он сначала помахал в ответ, а потом указал на второй шезлонг.

– Спасибо, но еще не могу! – крикнул я.

– Подходите! – донеслось до меня. – Обрато я вас отвезу на гольф-каре!

Я улыбнулся. Илзе посоветовала мне купить гольф-кар, чтобы я мог носиться взад-вперед по берегу, распугивая сыщиков.

– В моих планах гольф-кар не значится, но со временем я до вас дойду! Что бы у вас ни было в кувшине – мне со льдом!

– Вам лучше знать, мучачо! – Он отсалютовал мне. – А пока живи днем и позволь жить дню!

Я помню все высказывания Уайрмана, но точно знаю, что в наибольшей степени ассоциирую с ним именно это, поскольку еще до того, как узнал его имя и даже пожал руку, услышал от него: «Живи днем и позволь жить дню».

В ту зиму Фримантл не только прогуливался, но еще и готовился к тому, чтобы снова начать жить. И осознание, что все к этому идет, чертовски радовало. Одним ветреным вечером, когда волны обрушивались на берег, а ракушки под домом не переговаривались, а спорили, я принял решение: если точно буду знать, что у меня действительно начинается новая жизнь, то вынесу Ребу, воздействующую на злость куклу, на берег, оболью жидкостью для растопки и подожгу. Похороню прошлую жизнь, как викинга. Почему бы и нет?

Все это время я продолжал рисовать, меня тянуло к этому, как сыщиков и пеликанов – к воде. Через неделю я уже сожалел о том, что убил столько времени на цветные карандаши. Отправил Илзе электронное письмо с благодарностью за то, что она подтолкнула меня к краскам, получил ответ, в котором она указала, что по этой части я в понуканиях не нуждался. Она также написала, что «Колибри» выступили в большой церкви в Потакете, штат Род-Айленд (разогревались перед турне), и паства пришла в дикий восторг, хлопая в ладони и крича «аллилуйя». «Проходы были заполнены раскачивающимися людьми, – прочитал я. – Для баптистов это танцы».

В ту зиму Интернет вообще и Гугл в частности стали моими ближайшими друзьями, пусть по клавишам приходилось

стучать одним пальцем. Когда дело дошло до Дьюма-Ки, я нашел не только карту. Мог бы копать и глубже, но что-то остановило меня, подсказало, что с этим можно повременить. Потому что больше всего меня интересовала информация о разных необычных, связанных с людьми, лишившимися рук-ног, и я наткнулся на золотую жилу.

Должен сразу отметить: воспринимая все истории, которые подкидывал мне Гугл с известной долей скептицизма, я ни одну, даже самую невероятную, не отметал с порога. Потому что не сомневался: странности, случившиеся со мной, имеют самое прямое отношение к полученным мною травмам – к повреждению зоны Брока, к потере руки, а может, и к первому и ко второму одновременно. Я мог в любой момент взглянуть на нарисованный мною портрет Карсона Джонса в футболке с номером Тори Хантера, и не сомневался, что кольцо, подаренное мистером Джонсом Илзе по случаю помолвки, куплено им в «Зейлс». Менее конкретными, но столь же убедительными доказательствами служили мои становящиеся все более сюрреалистическими картины. Закорючки в телефонном блокноте, которые я выводил в прошлой жизни, не имели ничего общего с фантастическими закатами, которые я рисовал теперь.

Я был далеко не первым человеком, который, потеряв часть тела, приобрел что-то взамен. Во Фредонии, штат Нью-Йорк, лесоруб отрезал себе кисть, находясь в лесу, но сумел спастись, потому что прижег кровоточащее запястье. Кисть

он принес домой, положил в бутылку со спиртом и поставил в подвал. Три года спустя кисть, более не соединенная с рукой, вдруг начала сильно мерзнуть. Мужчина спустился в подвал и обнаружил, что окно разбито, и зимний ветер обдувает бутылку, в которой плавала отрезанная кисть. Когда бывший лесоруб поставил бутылку рядом с камином, ощущение, что кисть мерзнет, сразу исчезло.

Русскому крестьянину из Туры, затерявшейся в сибирских просторах, какая-то сельскохозяйственная машина оторвала руку по локоть, после чего у него открылась способность находить воду. Если он оказывался в том месте, где была вода, оторванная часть левой руки холодела и ощущала влагу. Согласно прочитанным мной статьям (я нашел три), он никогда не ошибался.

В Небраске жил парень, который мог предсказывать торнадо по мозолям на несуществующей ступне. В Англии одного лишившегося ноги моряка использовали для поиска рыбных косяков. Японец, потерявший обе руки, стал известным и уважаемым поэтом. Не так уж плохо для неграмотного, каким он был на момент железнодорожной катастрофы.

Из всех историй наиболее странная произошла с Кирни Джеффордсом из Нью-Джерси, который родился без обеих рук. Вскоре после того, как мальчику исполнилось тринадцать лет, он, ранее полностью адаптировавшийся к жизни без рук, вдруг впал в истерику, заявляя родителям, что его руки «болят и похоронены на ферме». Говорил, что может

показать где. Они ехали два дня, закончив свое путешествие на проселочной дороге в Айове, ведущей из ниоткуда в никуда. Ребенок привел их на кукурузное поле и, ориентируясь на амбар с рекламой «Мейл пауч»⁴², показал, где нужно копать. Родители подчинились, и не потому, что ожидали что-то найти. Просто хотели, чтобы ребенок успокоился. Но на глубине трех футов нашли два скелета. Девушки, от двенадцати до пятнадцати лет, и мужчины неопределенного возраста. Коронер округа Эдайр установил, что тела пролежали в земле примерно двенадцать лет... но, разумеется, они могли пролежать и тринадцать, сколько и прожил Кирни. Ни одно из тел идентифицировать не удалось. У девушки были отрезаны руки. Их кости нашли перемешанными с костями мужчины.

Завороженный этой историей, я тем не менее нашел две еще более интересные, особенно в свете моих раскопок в сумочке дочери.

Я нашел эти истории в статье под названием: «Они видят тем, чего у них нет», опубликованной в «Североамериканском журнале парапсихологии». Речь в ней шла о двух экстрасенсах, женщине из Феникса и мужчине из Рио-Гальегос, что в Аргентине. Женщина лишилась правой кисти, мужчина – целиком правой руки. Оба несколько раз помогли поли-

⁴² «Мейл пауч» – компания по производству жевательного табака. В сельской местности стены и крыша амбаров часто использовались для рекламных объявлений.

ции в розыске пропавших людей (возможно, у них случались и неудачи, но об этом в статье не упоминалось).

Согласно статье, оба экстрасенса-ампутанта использовали один и тот же метод. Им приносили что-то из одежды пропавшего человека или образец почерка. Они закрывали глаза и представляли себе, что касаются этого предмета отсутствующей рукой (в сноске ее называли Рукой небес или Волшебной рукой). Женщина из Феникса «видела образ», который описывала своим собеседникам. Аргентинец записывал увиденное левой рукой, бездумно, быстро, импульсивно. И процесс этот я находил аналогичным моему рисованию.

И я повторяю, несколько совсем уж невероятных историй, на которые я наткнулся в Интернете, вызывали у меня сомнения в их достоверности, но я никогда не сомневался, что со мной что-то произошло. Вот в это я верил даже без фотографии Карсона Джонса. Главным образом из-за уединенного образа жизни. Если не считать приездов Джека и приветствий Уайрмана (к которому я подходил все ближе): «*Buenos días, muchacho!*»⁴³ – сопровождаемых взмахом руки, я никого не видел и ни с кем не разговаривал, кроме как с собой. Общение с другими людьми сошло на нет, а когда такое происходит, человек начинает слышать себя куда явственнее. Более тесное общение между собственными «я» (под этим подразумевается наружное «я» и глубинное) – враг недоверию к себе. Такое общение убивает сомнения.

⁴³ Добрый день, юноша! (исп.)

Но, чтобы окончательно убедиться в собственной правоте, я поставил (так я называл это для себя) эксперимент.

EFree19 to Pamorama667

9:15

24 января

Дорогая Пэм!

У меня к тебе необычная косьба. Я рисую, и объекты выбираю странные, но забавные (так мне по крайней мере кажется). Проще показать тебе, чем описывать, о чем я говорю, поэтому я присоединяю к этому письму пару фотографий. Я подумал о садовых рукавицах, которыми ты пользовалась, с надписью «РУКИ» на одной и «ПРОЧЬ» на второй. Я хотел бы положить их на закат. НЕ спрашивай почему, эти идеи просто приходят ко мне. Они все еще у тебя? Если да, ты сможешь мне их прислать? Если хочешь, потом я с радостью верну их тебе.

Я не хочу, чтобы ты показывала мои картины кому-то из наших давних знакомых. Боузи скорее всего будет хохотать во все стекло, если ИХ увидит.

Эдди.

P.S.: Если у тебя нет желания посылать

мне рукавицы, никаких проблем. Это всего лишь паскуда.

Э.

В тот же вечер пришел ответ от Пэм, которая к тому времени вернулась в Сент-Пол:

Pamorama667 to EFree19

17:00

24 января

Эдгар, привет!

Илзе, разумеется, говорила мне о твоих картинах. Они, несомненно, необычные. Надеюсь, это хобби продлится дольше, чем реставрация автомобиля. Если бы не eBay⁴⁴, думаю, этот старый «мустанг» до сих пор стоял бы за домом. Ты прав, просьба твоя странная, но, посмотрев на твои картины, я могу понять, к чему ты клонишь (соединять разные вещи, чтобы люди могли увидеть их с новой стороны, правильно?), и все равно я собиралась купить новую пару, так что будь по-твоему. Завтра вышлю их тебе с ЮПС⁴⁵ только прошу, чтобы ты прислал мне фото-

⁴⁴ eBay – Интернет-аукцион.

⁴⁵ ЮПС (Юнайтед парсел сервис) – частная служба доставки посылок.

графию с «Законным продуктом» ☺, если, конечно, он будет.

Илзе говорила, что отлично провела время. Надеюсь, она послала тебе открытку с благодарностью, а не только электронное письмо, но я ее знаю.

И вот что я еще должна сказать тебе, Эдди, хотя не знаю, как тебе это понравится. Я отправила копию твоего электронного письма Зандеру Кеймену. Я уверена, ты его помнишь. Я подумала, что ему будет интересно увидеть картины, но более всего я хотела, чтобы он прочитал твое электронное письмо и сказал, есть ли причины для беспокойства, потому что в письме ты допускаешь те же ошибки, которые ранее допускал в речи. «Косьба» вместо «просьбы», «хохотать во все стекло» вместо «хохотать во все горло». А в конце ты написал: «Это всего лишь паскуда», и я не могла понять, что это значит, но доктор Кеймен говорит, что это, должно быть, «причуда».

Просто я думаю о тебе.

Пэм.

P.S. Отцу немного лучше, он быстро идет на поправку (врачи говорят, что они, веро-

ятно, «вырезали все», но готова спорить, они всегда так говорят). Он проходит курс химиотерапии и находится дома. Уже ходит. Спасибо за участие.

Последняя фраза в постскриптуме являла собой наглядный пример не самой лучшей стороны моей бывшей жены: ластиться... ластиться... ластиться... а потом укусить и дать пинка. Хотя в принципе она была права. Я мог бы попросить бывшую жену передать ему наилучшие пожелания от дерьмократа во время их следующего телефонного разговора. Этому сукиному сыну с раком в заднице.

Все электронное письмо вибрировало от раздражения, начиная от упоминания «мустанга», довести который до ума у меня так и не нашлось времени, и заканчивая ее озабоченностью по части моего неправильного выбора слов. Причем озабоченность эту выражала женщина, которая так и не уяснила для себя, что доктора Кеймена зовут Ксандер, а не Зандер.

Стравив злобу (высказал все безлюдному дому громким голосом, если вам это интересно), я открыл то самое электронное письмо, которое отправлял Пэм, и да, встревожился. Немного, если на то пошло.

А с другой стороны, может, это просто был ветер?

V

Второй полосатый шезлонг теперь всегда стоял у стола, рядом с которым сидел длинноволосый здоровяк, и по мере того, как расстояние между нами сокращалось, мы уже не просто здоровались, а перекрикивались несколькими фразами. Этот способ общения я находил странным, но приятным. На следующий день после получения электронного письма от Пэм, с озабоченностью на поверхности и скрытым подтекстом внутри («Эдди, ты, возможно, так же тяжело болен, как и мой отец, а то и хуже»), этот парень прокричал:

– Как думаете, сколько пройдет времени, прежде чем вы доберетесь сюда?

– Четыре дня! – криком ответил я. – Может, три!

– То есть вы твердо решили и обратно возвращаться пешком?

– Да! Как вас зовут?

Его дочерна загорелое лицо, чуть полноватое, оставалось красивым. Теперь же сверкнули белые зубы, и нарождающиеся отвислости щек исчезли.

– Скажу, когда доберетесь сюда! А вас?

– Написано на почтовом ящике! – крикнул я.

– Я нагнусь, чтобы читать надписи на почтовых ящиках, лишь в тот день, когда начну слушать новости по ток-ра-

дио⁴⁶!

Я помахал ему рукой, он – мне, крикнув:

– *Hasta mañana!*⁴⁷ – и повернулся к воде и парящим над ней птицам.

Когда я вернулся домой, на экране компьютера светилась иконка почтового ящика, и в нем я нашел письмо от Кеймена.

KamenDoc to EFree19

14:49

25 января

Эдгар!

Пэм прислала мне вчера Ваше последнее электронное письмо и фотографии. Прежде всего позвольте сказать, что я ПОТРАСЕН скоростью, с которой растет Ваше мастерство как художника. Я буквально вижу, как Вы, хмурясь в своем фирменном стиле, застенчиво отмахиваетесь от этого слова, но другого-то нет. ВЫ НЕ ДОЛЖНЫ ОСТАНАВЛИВАТЬСЯ. Касательно ее тревоги, скорее всего в этом ничего нет. Однако МРТ⁴⁸ не помешает. У Вас

⁴⁶ Новости передают все радиостанции. Ток-радио транслируют главным образом «разговорные», а не музыкальные программы.

⁴⁷ До завтра! (*исп.*)

⁴⁸ МРТ – магниторезонансная томография.

есть врач во Флориде? Вам все равно нужно пройти диспансеризацию – от и до, друг мой.

Кеймен.

EFree to KamenDoc

15:58

25 января

Кеймен!

Рад получить от Вас весточку. Если Вы хотите называть меня художником (или даже «мастером»), кто я такой, чтобы спорить? В настоящий момент я с флоридскими косто-правами не знаком. Вы можете кого-нибудь порекомендовать, или мне искать их через доктора Тодда Джеймисона, пальчики которого недавно ковырялись в моем мозгу?

Эдгар.

Я полагал, что он кого-нибудь порекомендует, и даже, возможно, собирался обратиться к этому специалисту, но на тот момент несколько неправильно употребленных слов не являлись чем-то первоочередным. К первоочередным задачам относились прогулки и стремление добраться наконец до полосатого парусинового шезлонга, поставленного для меня, но выше по списку в том январе были поиски в Интернете и рисование. Прошлым вечером я написал «Закат с ракуш-

кой № 16».

Двадцать седьмого января, двинувшись в обратный путь, когда от желанного шезлонга меня отделяло ярдов двести, а то и меньше, по прибытии в «Розовую громаду» я обнаружил на пороге посылку, оставленную «ЮПС». В ней лежали две садовые рукавицы, одна с надписью «РУКИ», поблекшим красным по черному, другая – с «ПРОЧЬ», в тех же цветах. Потрепанные после многих сезонов работы в саду, но чистые: Пэм их постирала, как я и ожидал. На что, собственно, я и надеялся. Меня интересовала не Пэм, которая надевала их в период нашей счастливой семейной жизни, и даже не та Пэм, которая могла надевать их прошлой осенью, выходя в наш сад в Мендота-Хайтс, когда я уже перебрался в коттедж на озере Фален. Ту Пэм я знал более чем хорошо. Но... «Я тебе еще кое-что расскажу, – сказала мне моя If-So-Girl, не подозревая, как она стала похожа на мать, когда произносила эти слова. – Она очень уж много времени проводит с тем парнем, что живет по соседству».

Вот какая Пэм меня интересовала: проводящая очень уж много времени с парнем, который жил по соседству. Парня звали Макс. Руки *этой* Пэм выстирали рукавицы, потом взяли и положили в белую коробку, которую я извлек из посылки, доставленной «ЮПС».

Вот на *этой* Пэм строился мой эксперимент... из этого я тогда исходил, но мы так часто обманываем себя, что могли бы зарабатывать этим на жизнь. Так говорит Уайрман,

и зачастую он прав. Может, слишком часто. Даже теперь.

Я не стал ждать заката, потому что по крайней мере не обманывал себя, будто хочу написать картину; я собирался рисовать *информацию*. Взял неестественно чистые садовые рукавицы жены (должно быть, она просто залила их отбеливателем), отнес в «Розовую малышку», сел перед мольбертом. На нем дожидался чистый холст. Слева находились два стола. Один служил для фотографий, сделанных цифровой камерой, и различных найденных предметов. Второй стоял на куске зеленого непромокаемого брезента. На нем я держал примерно два десятка баночек с красками, несколько банок, частично наполненных скипидаром, и три или четыре бутылки с водой «Зефир-Хиллс», в которой мыл кисти. Это был рабочий стол.

Я положил рукавицы на колени, закрыл глаза и притворился, будто касаюсь их правой рукой. Ничего не произошло. Я не почувствовал ни боли, ни зуда, ни прикосновения фантомных пальцев к грубой, выношенной материи. Я сидел, силой воли призывая уж не знаю что, но ничего не происходило. С тем же успехом я мог приказывать своему телу справиться большую нужду, когда ему этого не хотелось. По прошествии пяти долгих минут я открыл глаза и посмотрел на лежащие на коленях рукавицы: РУКИ... ПРОЧЬ.

Бесполезные вещи. Бесплезные гребаные вещи.

«Не злись, возьми себя в руки, – подумал я. А потом пришли новые мысли. – Слишком поздно. Я разозлился. На эти рукавицы и на женщину, которая их надевала. Так чего брать себя в руки?»

– Для этого тоже слишком поздно. – Я посмотрел на культу. – Мне теперь никогда не взять себя в брюки.

Не те слова. Всегда не те слова, и так будет продолжаться до скончания века. Мне ужасно хотелось сбросить на пол все, что лежало на двух столах.

– Руки, – произнес я нарочито тихо и нарочито медленно. – Я никогда не смогу взять себя в р-р-руки. Потому что теперь я одорукий. – Ничего смешного в моих словах не было (и логичного тоже), но злость начала уходить. Услышать, как ты произносишь правильное слово, это помогает. Обычно помогает.

Мои мысли вернулись с культуры на рукавицы жены. «РУКИ ПРОЧЬ», именно так. Со вздохом (возможно, в нем слышалось облегчение, точно не помню, но вероятность велика) я положил рукавицы на тот стол, где лежали вещи, которые я рисовал, взял кисточку, окунул в банку со скипидаром, вытер тряпкой и посмотрел на чистый холст. Я действительно собирался нарисовать рукавицы? Почему, скажите на милость? Зачем?

И тут же сама мысль о том, что я вообще пишу картины, показалась нелепицей. Мысль, о том, что я не знаю, как я это делаю, выглядела более чем правдоподобной. Ес-

ли бы я опустил кисточку в черную краску, меня хватило бы лишь на шеренгу марширующих палочек-фигурок: «Десять негрятят пошли купаться в море. Десять негрятят резвились на просторе. Один из них утоп – ему купили гроб. Девять негрятят...»

Бр-р-р. Мурашки по коже. Я быстро поднялся со стула. Внезапно у меня пропало всякое желание находиться здесь, в «Розовой малышке», в «Розовой громаде», на Дюма-Ки, в глупой, бессмысленной, увечной, пенсионной жизни. Сколько лжи я наговорил себе? Что я художник? Нелепо. Кеймен может восклицать «ПОТРЯСЕН» и «ВЫ НЕ ДОЛЖНЫ ОСТАНАВЛИВАТЬСЯ», набирать эти слова большими буквами в своем электронном письме, но Кеймен специализируется на том, чтобы дурить голову жертвам страшных аварий, убеждать их верить, что жалкое подобие жизни, которой они теперь живут, ничуть не хуже настоящей жизни. Когда дело доходило до укрепления позитивного восприятия, Кеймен и Кэти Грин, королева лечебной физкультуры, выступали единой командой. БЛЕСТЯЩИЕ, ЧТОБ ИМ ЛОПНУТЬ, СПЕЦИАЛИСТЫ, вот пациенты в большинстве своем и кричали, обманывая себя: «ТЫ НЕ ДОЛЖЕН ОСТАНАВЛИВАТЬСЯ». Я говорил себе, что я экстрасенс? Обладатель фантомной руки, которая способна заглянуть в неведомое? Это уже не нелепость, а безумие.

В Нокомис был магазин «Севен-элевен». Я решил, что могу положиться на мои водительские навыки, поехать ту-

да, купить пару шестибаночных упаковок пива и напиться. А завтра мог все увидеть в куда лучшем свете, сквозь туман похмелья. Потянулся за костылем, и моя нога (левая, здоровая нога) застряла под стулом. Меня повело в сторону. Правая нога не смогла меня удержать, и я упал в полный рост, вытянув правую руку, чтобы смягчить удар об пол.

Инстинктивно, разумеется... И удар она смягчила. Смягчила. Я этого не видел (закрыв глаза, как закрываешь глаза на футбольном поле, когда знаешь, что сейчас тебе придется пострадать за команду), но если бы не смягчила, я бы получил серьезные травмы, несмотря на ковер, растянул бы связки, даже сломал шею.

Я полежал несколько секунд, чтобы убедиться, что все-таки жив, затем встал на колени – бедро отозвалось жуткой болью – и поднял правую руку, в которой тоже пульсировала боль, на уровень глаз. Никакой руки не было. Я поставил стул, оперся на него левым локтем... потом резко наклонил голову вперед и укусил правую руку.

Почувствовал, как зубы вонзились в нее чуть ниже локтя. Ощутил боль.

Почувствовал больше. Почувствовал, как кожа прижалась к губам. Потом отдернул голову, тяжело дыша, воскликнул: «Господи! Господи! Что происходит? Что это?»

Буквально ожидал увидеть правую руку. Не увидел, но она была, это точно. Я потянулся через сиденье стула к одной из кисточек. Почувствовал, как пальцы сжали ее, но кисточ-

ка не шевельнулась. Подумал: «Вот, значит, какво это, быть призраком».

Я вскарабкался на стул. Правое бедро рычало от боли, но сейчас меня куда больше занимало другое.левой рукой я схватил кисточку, которую вымыл, и сунул за левое ухо. Вымыл вторую и положил в углубление на полочке мольберта. Вымыл третью и добавил ко второй. Подумал о том, чтобы вымыть четвертую, но решил, что не стоит тратить время. Лихорадка вновь охватила меня, этот голод. Внезапный и неистовый, как мои приступы ярости. Если бы на первом этаже сработали детекторы дыма, давая знать, что начался пожар, я бы не обратил на их трезвон ни малейшего внимания. Я сорвал целлофан с новенькой кисточки, обмакнул ее в черное и начал рисовать.

Как и с картиной «Конец игры», я мало помню о том, как писал «Друзей-любовников». Все, что знаю – создание картины более всего напоминало взрыв, и закаты не имели к ней ни малейшего отношения. Преобладали в ней цвета синяков, черный и синий, а когда я закончил, от непомерной нагрузки болела левая рука. И она до запястья была забрызгана красками.

Законченная картина чем-то напомнила мне лицевую сторону мягкой обложки детективов «нуар» карманного формата, которые я читал в детстве. Обычно на них изображалась роковая женщина, ступившая на дорогу, ведущую в ад. Только на тех обложках предпочтение отдавалось блондин-

кам двадцати с небольшим лет. Я же изобразил брюнетку, которой давно перевалило за сорок. Эта женщина была моей бывшей женой.

Она сидела на смятой постели в одних синих трусиках. Лямка бюстгалтера того же цвета лежала на бедре. Голову она чуть склонила, но лицо узнавалось безошибочно. Мне удалось БЛЕСТЯЩЕ «поймать» его буквально несколькими штрихами черного, почти как в китайском иероглифе. На полукружье груди я поместил единственное светлое пятно: татуировку в виде розы. Мне оставалось лишь гадать, когда Пэм ее сделала и почему. Пэм с татуировкой потрясла бы меня не меньше, чем Пэм, взбирающаяся на горном велосипеде на Мишн-Хилл, но я не сомневался, что она сделала такую татуировку. Принимал это как факт, вроде футболки Карсона Джонса с номером Тори Хантера.

На картине компанию Пэм составляли двое мужчин, оба голые. Один стоял у окна, вполоборота. С типичным телом белого представителя среднего класса лет пятидесяти, каких, по моему разумению, можно встретить в раздевалке любого «Голдс-Джима»⁴⁹: округлый животик, плоский зад, небольшие мужские сиськи. По лицу чувствовалось, что мужчина интеллигентный и хорошо воспитанный. На нем читалось меланхолическое она-почти-ушла и ничего-изменить-нельзя. Это был Макс из Палм-Дезерт. Он мог носить на груди табличку со своим именем. Этот Макс в про-

⁴⁹ «Голдс-Джим» (Gold's Gym) – крупнейшая в мире сеть спортивных клубов.

шлом году потерял отца. Этот Макс начал с того, что предложил Пэм чашечку кофе, а закончил гораздо большим. Пэм согласилась и на кофе, и на большее, но не на все, что он хотел бы ей дать. Вот о чем говорило его лицо, которое я видел лишь частично, но то, что я видел, выглядело более обнаженным, чем голый зад.

Второй мужчина прислонился к дверному косяку, стоял, скрестив ноги в лодыжках, сдвинув бедра, выставив напоказ свое немалое хозяйство. Лет на десять старше первого, но в лучшей физической форме. Никакого живота. Никаких жировых отложений на талии. Длинные, рельефные мышцы бедер. Руки он сложил на груди и с легкой улыбкой смотрел на Пэм. Я очень хорошо знал эту улыбку, потому что Том Райли был моим бухгалтером (и моим другом) тридцать пять лет. Если бы в нашей семье не существовал обычай просить отца быть шафером на свадьбе дочери, я бы пригласил Тома.

Теперь же на моей картине он стоял голый у дверного косяка и смотрел на мою жену, сидящую на кровати, а я вспоминал, как он помогал мне перевозить вещи в коттедж на озере Фален. Вспоминал его слова: «Ты не должен уезжать из дома. Ты словно отдаешь преимущество своего поля в плей-офф».

Потом я поймал его со слезами на глазах: «Босс, не могу привыкнуть к тому, что у тебя только одна рука».

Он уже тогда трахал ее? Я полагал, что нет. Но...

«Я собираюсь попросить тебя передать ей мое встречное

предложение», – сказал я ему в тот день. И он передал. Только, может, этим дело не ограничилось?

Я прохромал без костыля к большому окну. До заката оставался не один час, но солнце уже заметно сместилось к западу, и свет отражался от поверхности воды. Я заставил себя смотреть в сверкающую полосу, то и дело вытирая глаза.

Я пытался сказать себе, что эта картина – не более чем выдумка рассудка, который все еще находится в процессе излечения. Но все мои голоса говорили ясно и связано, и я знал, что к чему. Пэм трахалась с Максом в Палм-Дезерт, а когда он предложил ей более продолжительные, более серьезные отношения, отказалась. Пэм также трахалась с моим самым давним другом и деловым партнером, возможно, трахается и сейчас. Без ответа оставался только один вопрос: кто из парней уговорил ее вытатуировать на груди розу.

– Я должен поставить на этом крест, – отчеканил я и приклонился горячим лбом к стеклу. Подо мной солнце горело в Мексиканском заливе. – Я действительно должен поставить на этом крест.

«Тогда щелкни пальцами», – подумал я.

Щелкнул пальцами правой руки и услышал звук – резкий, короткий щелчок.

– Хорошо, что было – то прошло! – добавил я. Но закрыл глаза и увидел Пэм, сидящую на кровати (какой-то кровати) в трусиках, а лямка бюстгалтера лежала на бедре, как мерт-

вая змея.

Друзья-любовники.

Гребаные друзья. Гребаные любовники.

В тот вечер я не любовался закатом из окна «Розовой малышки». Я прислонил костыль к стене дома и, хромая, направился к воде. По колено вошел в нее. Вода была холодной, но я этого не замечал. Теперь полоса солнечного света на поверхности Залива стала темно-оранжевой, и я смотрел на нее.

– Эксперимент, твою мать...

Вода бурлила вокруг, меня покачивало. Я поднял руку, удерживая равновесие.

– Чтоб тебе пусто было.

Над головой по темнеющему небу скользила цапля – бесшумный снаряд с длинной шеей.

– Подглядывание, вот что это такое. Подглядывание, и ничего больше, и я поплатился за это.

Чистая правда. И если мне вновь хотелось задушить ее, то вина в этом была только моя. «Не хочешь злиться, не подглядывай в замочную скважину», – говорила моя дорогая мама. Я подглядел, я разозлился, вот и все. Теперь у нее была своя жизнь, и все, что она делала, касалось только ее. А от меня требовалось поставить на этом крест. Но вот в чем загвоздка: отсечь прошлую жизнь труднее, чем щелкнуть пальцами; даже чем щелкнуть пальцами несуществующей руки.

Набежала волна, достаточно высокая, чтобы сбить меня с ног. На мгновение я оказался под водой, вода попала в горло, я вынырнул, закашлялся. Откатываясь, волна попыталась утащить меня с собой, вместе с песком и ракушками. Я принялся подталкивать себя к берегу здоровой ногой, даже чуть помогать травмированной, и мне удалось двинуться в нужном направлении. Я мог чего-то не понимать, в чем-то сомневаться, но определенно не хотел утонуть в Мексиканском заливе. Тут никаких сомнений у меня не было. Я выползал из воды, кашляя и отплевываясь, таща за собой правую ногу, как намокший багаж.

Когда я наконец добрался до сухого песка, перекатился на спину и посмотрел в небо. Толстый полумесяц луны безмятежно плыл по темнеющему синему бархату над крышей виллы «Розовая громада». А внизу, на песке, лежал человек, далекий от спокойствия, мокрый, опечаленный, злой. Я повернул голову, чтобы взглянуть на культу, вновь посмотрел на небо.

– Никаких подглядываний, – сказал я. – Сегодня начинается новая жизнь. Никаких больше подглядываний, никаких экспериментов.

Я действительно хотел, чтобы так оно и было. Но, как я уже говорил (а до меня – Уайрман), мы так часто обманываем себя, что могли бы зарабатывать этим на жизнь.

Глава 5

Уайрман

i

Когда я впервые действительно встретился с Уайрманом, он смеялся так сильно, что сломал шезлонг, на котором сидел, а я от смеха едва не лишился чувств, точнее, перешел в полубессознательное состояние, называемое синдромом «серой пелены». Я никак не мог ожидать, что такое может случиться со мной на следующий день после того, как я узнал о романе Тома Райли с моей бывшей женой (разумеется, мои доказательства ни один суд не воспринял бы всерьез), но смех этот стал предзнаменованием грядущего. И потом мы не один раз смеялись вместе. Уайрман стал для меня многим (в немалой степени и судьбой), но прежде всего – другом.

– Итак, – объявил Уайрман, когда я наконец-то добрался до стола, закрепленного на стойке полосатого зонта, который накрывал его тенью; второй шезлонг стоял по другую сторону стола, – хромающий незнакомец прибыл с пакетом из-под хлеба, полным ракушек. Присядьте, хромающий незнакомец. Промочите горло. Этот стакан ждет вас уже не первый день.

Я положил пластиковый пакет (действительно из-под хлеба) на стол и протянул Уайрману руку.

– Эдгар Фримантл.

Ладонь у него была широкой, пальцы – короткими и толстыми, рукопожатие – крепким.

– Джером Уайрман. Предпочитаю, чтобы меня звали Уайрманом.

Я посмотрел на шезлонг, предназначенный для меня. С высокой спинкой и низким сиденьем, шезлонг напоминал ковшеобразное кресло «порше».

– Что-то с ним не так, мучачо? – спросил Уайрман, вскидывая бровь. Брови, кустистые и наполовину седые, он вскидывал часто.

– Все в порядке, если только вы не засмеетесь, когда я буду из него вылезать.

Он улыбнулся.

– Дорогой, живи, как должен жить. Чак Берри⁵⁰, тысяча девятьсот шестьдесят девятый год.

Я встал возле пустого шезлонга, мысленно помолился и плюхнулся в него. Как всегда, меня повело влево (я инстинктивно оберегал травмированное бедро), поэтому приземлился неровно, но схватился за деревянный подлокотник и уперся здоровой ногой, так что шезлонг лишь закачался. Месяцем раньше я бы вылетел из него на песок, но теперь сил у меня прибавилось. Я легко представил себе Кэти Грин, аплодирующую моему достижению.

– Отличная работа, Эдгар, – одобрил Уайрман. – Или Эдди?

– Выбор за вами, я откликаюсь на оба имени. А что в кувшине?

– Зеленый чай со льдом. Очень холодный. Попробуете?

– С удовольствием.

Он наполнил мой стакан. Потом свой. Поднял его. В чае зелень едва просматривалась. Его глаза, в окружении сеточки морщинок, были куда зеленее. Седина лишь на висках тронула черные и очень длинные волосы. Когда ветер поднимал их, я видел на правой стороне лба маленький, круглый, как монетка, шрам. Сегодня Уайрман был в плавках, и его ноги оказались такими же загорелыми, как и руки. Выглядел Уайрман крепким, подтянутым, но, как мне показалось,

⁵⁰ Берри Чарльз «Чак» Эдуард Андерсон (р. 1926) – легендарный певец и музыкант, стоявший у истоков рок-н-ролла.

усталым.

– Давайте выпьем за вас, мучачо. Все-таки вы сюда добрались.

– Хорошо, – кивнул я. – За меня.

Мы чокнулись и выпили. Мне доводилось раньше пить зеленый чай, и я думал, что он не хуже черного, но этот был просто божественным: словно пьешь холодный шелк с едва заметным привкусом сладости.

– Вы почувствовали мед? – спросил Уайрман и улыбнулся, когда я кивнул. – Не всем это удастся. Я кладу столовую ложку на кувшин. Мед высвобождает естественную сладость чая. Меня научили готовить этот напиток на трамповом судне в Китайском море. – Он поднял стакан. Посмотрел сквозь него. – Мы сражались с пиратами и совокуплялись с загадочными смуглыми женщинами «под тропическими небесами»⁵¹.

– Верится с трудом, мистер Уайрман.

Он рассмеялся.

– На самом деле я прочитал о меде в одной из поваренных книг мисс Истлейк.

– Дамы, которую вы привозите сюда по утрам? В инвалидном кресле?

– Совершенно верно.

– Невеста крестного отца, – вырвалось у меня. Я не думал,

⁵¹ «Под тропическими небесами» («Neath tropic skies») – строка из стихотворения англо-австралийского поэта Джеймса Лайонела Майкла (1824–1868).

что говорю, но перед глазами стояли огромные синие кеды на хромированных подставках для ног.

Челюсть Уайрмана отвисла, зеленые глаза раскрылись так широко, что я уже собрался извиниться за мой *faux pas*⁵². А потом он *действительно* начал смеяться. Тем утробным смехом, каким смеешься крайне редко, лишь когда кому-то удастся преодолеть все твои защитные редуты и прикоснуться к самой чувствительной смехострунке. Я хочу сказать, Уайрман буквально надрывал живот, а когда увидел, что я совершенно не понимаю, чем так его развеселил, загоготал еще сильнее, живот у него так и ходил ходуном. Он попытался поставить стакан на маленький столик, но промахнулся. Стакан выскользнул у него из руки, приземлился доньшком на песок и застыл в вертикальном положении, как окурок в одной из урн с песком, какие раньше ставили рядом с лифтами в фойе отелей. Ему это показалось ну очень забавным, он указал на стакан.

– Такое и захочешь – не сделаешь! – удалось выдать из себя Уайрману, и он снова зашелся смехом, приступы которого один за другим сотрясали его. Он раскачивался в шезлонге, одной рукой держась за живот, вторую прижимая к груди. Из памяти вдруг выплыли строки стихотворения, которое я выучил в школе более тридцати лет тому назад: «Мужчины не симулируют судорог, / Не прикидываются

⁵² промах (*фр.*).

страдальцами...»⁵³

Я улыбнулся, улыбнулся и хохотнул. Потому что такое веселье заразительно, даже когда ты не знаешь, в чем соль шутки. И стакан Уайрмана, который упал так удачно, что из него не пролилось ни капли чая... это же забавно. Как прикол в мультфильме о Дорожном бегуне⁵⁴. Но смех Уайрмана вызвал не четко вставший на донышко стакан.

– Я не понимаю. Я хочу сказать, вы уж извините, если я...

– В каком-то смысле так оно и есть! – От смеха Уайрман, похоже, не мог связно говорить. – В каком-то смысле, в этом все дело! Только дочь! Разумеется, она – дочь крест...

Он раскачивался из стороны в сторону, вперед-назад, его сотрясали судороги смеха, и именно в этот момент шезлонг не выдержал, сломался с громким треском, отчего сначала Уайрмана бросило вперед, и на лице у него отразилось на редкость комичное изумление, а потом на песок. Падая, он задел рукой стойку зонта, она наклонилась вместе со столиком, из которого торчала. Порыв ветра подхватил зонт, раздув его, как парус, и потащил вдоль берега. Меня рассмешили не вылезшие из орбит глаза Уайрмана, не полосатые челюсти шезлонга, едва не сомкнувшиеся на нем, не его падение на песок. И даже не столик, взятый на буксир зонтом.

⁵³ Строки из стихотворения американской поэтессы Эмили Дикинсон (1830–1886).

⁵⁴ Дорожный бегун (Бегающая кукушка) – персонаж знаменитой серии мультфильмов кинокомпании «Уорнер бразерс». Всякий раз убегает от Злого койота.

Причиной стал стакан Уайрмана, который по-прежнему стоял на доньшке между боком и левой рукой распростертого на песке мужчины.

«Акме айст ти компани», – мои мысли застряли в старых мультфильмах о Дорожном бегуне. – Мип-мип⁵⁵». Последнее, само собой, заставило меня вспомнить кран, тот самый, что покалечил меня, с гребаным сигналом заднего хода, который не сигналил. Тут же я увидел себя Злым койотом, зажатым в кабине корежащегося пикапа, с выпученными от недоумения глазами, с торчащими в разные стороны обтрепанными ушами, возможно, даже дымящимися на кончиках.

И я расхохотался. Не мог остановиться, пока не вывалился из своего шезлонга и не улегся рядом с Уайрманом... но тоже не задел стакан, который все еще стоял на доньшке, словно окурок, воткнутый в песок урны. Казалось, я не мог смеяться сильнее, но мне это удалось. Слезы заструились по щекам, мир начал тускнеть, потому что поступление кислорода в мозг резко сократилось.

Уайрман, все еще смеясь, пополз на корточках за убежавшим столиком. Попытался ухватиться за стойку, но она откатилась в сторону, будто почувствовав его приближение. Уайрман плюхнулся лицом в песок, потом поднялся, смеясь и отплевываясь. Я перевернулся на спину, жадно ловя ртом воздух, на грани обморока, но смеясь.

⁵⁵ Мип-мип – звуки, которые издает в мультфильмах Дорожный бегун.

Вот так я встретился с Уайрманом.

Двадцать минут спустя столик занял исходное положение. Более или менее. И все было бы хорошо, да только мы с Уайрманом заходились смехом каждый раз, когда взгляд падал на зонт.

Один треугольный сектор порвался, и теперь зонт напоминал пьяного, который пытается казаться трезвым. Уайрман перенес уцелевший шезлонг к деревянным мосткам и, по моему настоянию, сел в него. Я же устроился на мостках. Пусть спинки не было, но подняться с них мне было куда проще (не говоря уже о сохранении достоинства). Уайрман предложил сходить в дом и заменить разлившийся ледяной чай свежим, но я отказался, согласившись, правда, разделить чай, чудом оставшийся в стакане Уайрмана.

– Теперь мы братья-по-воде, – заметил он, когда мы выпили чай.

– Это какой-то индейский ритуал? – спросил я.

– Нет, это из «Чужака в чужой стране» Роберта Хайнлайна. Да будет благословенна его память.

Я вдруг подумал, что не видел его читающим, когда он сидел в полосатом шезлонге, но не стал озвучивать эту мысль. Многие не читают на пляже: от чтения при столь ярком свете у них болит голова. Я сочувствую людям, которые мучаются головными болями.

Он вновь начал смеяться. Закрыв рот двумя руками, как ребенок, но смех прорвал эту дамбу.

– Хватит. Господи, хватит. Я чувствую, что потянул все мышцы живота.

– Я тоже.

Какое-то время мы молчали. В этот день с Залива дул свежий, прохладный ветер, с явственным привкусом соли. Оторванный лоскут зонта трепало ветром. Темное пятно на песке (пролитый чай) практически высохло.

Он все-таки хохотнул.

– Ты видел, как стол пытался убежать? Этот гребаный стол.

Хохотнул и я.

Болело бедро и мышцы живота, но чувствовал я себя достаточно неплохо для человека, который смехом едва не вогнал себя в обморок.

– «Побег Алабамы»⁵⁶, – вставил я.

Уайрман кивнул, все еще стирая с лица песок.

– «Grateful Dead». Тысяча девятьсот семьдесят девятый год. Или где-то рядом. – И вновь хохотнул, засмеялся, загоготал. Обхватил руками живот и застонал. – Не могу. Должен остановиться, но... – Невеста крестного отца! Господи Иисусе! – И снова расхохотался.

– Только не говори ей, что я так ее назвал, – попросил я.

⁵⁶ «Побег Алабамы» (Alabama Getaway) – песня группы «Grateful Dead», впервые исполненная в 1981 г.

Смеяться он перестал, но улыбка осталась на лице.

– Я и не собирался, мучачо. Но... это шляпа, не так ли?

Большая соломенная шляпа, которую она носит. Как Марлон Брандо в саду, когда играет с маленьким мальчиком.

На сегодня мы вроде бы насмеялись, но я кивнул, и мы вновь загоготали.

– Если мы заржем, когда я буду вас знакомить, – сказал он (и мы заржали, от одной мысли, что заржем), – будем говорить, что вспомнили, как я сломал шезлонг, хорошо?

– Хорошо. Правильно ли я понял, что она и впрямь имеет отношение к мафии?

– Ты действительно ничего не знаешь?

– Абсолютно.

Он указал на виллу «Розовая громада», которая с такого расстояния казалась совсем маленькой. Похоже, дорога домой будет долгой.

– Кому, по-твоему, принадлежит вилла, в которой ты живешь, амиго? Я понимаю, ты платишь риелтору или компании «Дома для отдыха», но на чьем банковском счете в конце концов осядут твои денежки?

– Готов предположить, что на банковском счете мисс Элизабет.

– Правильно. Мисс Элизабет Истлейк. Учитывая возраст дамы, а ей восемьдесят пять, ты мог бы называть ее старая мисс. – Он вновь рассмеялся, покачал головой. – Пора бы это прекратить. Но, откровенно говоря, давно уже у меня не бы-

ло повода так поржать.

– У меня тоже.

Он посмотрел на меня (безрукого, заштопанного с одного бока) и кивнул. Потом какое-то время мы разглядывали Залив. Я знал, что люди приезжают во Флориду, когда становятся старыми и больными, потому что здесь тепло чуть ли не круглый год, но, кроме того, свою лепту вносит и Мексиканский залив. Целебным является даже взгляд на эту залитую солнцем спокойную водную гладь. Слово-громадина, не так ли? Я про *Залив*. Достаточно большой, чтобы бросать в него много чего и наблюдать, как оно исчезает.

Наконец Уайрман продолжил:

– И кому, по-твоему, принадлежат дома между твоей виллой и этой гасиендой? – Через плечо он указал на белые стены и оранжевую крышу. На всех местных картах она обозначена как «Гнездо цапли», но я называю ее «El Palacio de Asesinos».

– Тоже мисс Истлейк?

– Ты правильно сложил два и два.

– А почему ты называешь гасиенду «Дворцом убийц»?

– Когда я думаю на английском, это «Убежище бандита». – На лице Уайрмана мелькнула виноватая улыбка. – Потому что выглядит гасиенда как то место, где главный плохиш из вестерна Сэма Пекинпа повесил бы свою шляпу. В любом случае у нас шесть красивых домов между «Гнездом цапли» и «Салмон-Пойнт»...

– Который я называю «Розовой громадой», – вставил я. – Когда думаю на английском.

Уайрман кивнул.

– «El Rosado Grande». Хорошее название. Мне нравится. Ты пробудешь здесь... как долго?

– Я снял виллу на год, но, честно говоря, не знаю. Жары не боюсь, хотя, как я понимаю, это время называют плохим сезоном, но нужно помнить об ураганах.

– Да, здесь мы все помним об ураганах, особенно после «Чарли» и «Катрины». Но дома между «Гнездом цапли» и «Салмон-Пойнт» опустеют задолго до сезона ураганов. Как и весь Дьюма-Ки. Между прочим, это место следовало бы назвать Истлейк-Айленд.

– Ты хочешь сказать, что он принадлежит ей?

– Все это сложно даже для меня, а я в прошлой жизни был юристом. Когда-то остров принадлежал ее отцу, вместе с немалым куском материковой Флориды к востоку отсюда. В тридцатых годах он продал все, за исключением Дьюмы. Мисс Истлейк принадлежит северная часть острова, в этом нет никаких сомнений. – И Уайрман обвел рукой северную оконечность Дьюма-Ки, которая, как он потом скажет, выбрита, как «киска» стриптизерши. – Земля и дома на ней, от «Гнезда цапли» – самого роскошного – до твоей «Розовой громады», где жить опаснее всего. Они приносят ежегодный доход, в котором она особо и не нуждается, потому что отец

оставил ей и другим своим детям mucho dinero⁵⁷.

– И сколько ее братьев и сестер все еще...

– Ни одного, – ответил Уайрман. – Эта дочь крестного отца – последняя. – Он фыркнул, покачал головой. – Мне нужно прекратить так ее называть. – Кажется, обращался он к самому себе.

– Как скажешь. Но меня удивляет, почему не освоена оставшаяся часть острова. Учитывая непрекращающийся строительный бум во Флориде, мне это казалось безумием с того самого дня, как я впервые переехал мост.

– Ты говоришь как профессионал. Кем ты был в прошлой жизни, Эдгар?

– Брал подряды на строительство.

– Но эти дни миновали?

Я мог бы уйти от прямого ответа (недостаточно хорошо знал своего нового знакомого, чтобы откровенничать), но не зря же мы так долго хохотали...

– Да.

– И кто ты в этой жизни?

Я вздохнул и отвернулся. Посмотрел на Залив, в который можно бросить все печали и наблюдать, как они исчезают, не оставляя следа.

– Точно сказать не могу. Немного рисую. – Я запнулся, ожидая услышать его смех.

Он не рассмеялся.

⁵⁷ много денег (*исп.*).

– Ты не первый художник, останавливающийся в «Сал...» в «Розовой громаде». У виллы впечатляющее живописное прошлое.

– Ты меня разыгрываешь! – Я не замечал никаких свидетельств этого прошлого.

– Отнюдь, – возразил Уайрман. – Там останавливался Александр Колдер. Кейт Харинг. Марсель Дюшан⁵⁸. А до того, как береговая эрозия подобралась к дому, угрожая скинуть его в воду... – Он помолчал. – Сальвадор Дали.

– Не может жить! – воскликнул я, потом покраснел, когда он склонил голову. На мгновение почувствовал, как давняя подруга, дикая ярость, заполнила разум, перехватила горло. «Я могу это сделать», – подумал я. – Извини. В прошлом году со мной произошел несчастный случай и... – Я замолчал.

– Не так уж трудно об этом догадаться, – указал Уайрман. – Если ты вдруг не заметил, справа у тебя недостает клешни, мучачо.

– Да. И иногда я... ну, не знаю... забываю слова.

– Понятно. В любом случае насчет Дали я не лгу. Он провел на твоей вилле три недели в тысяча девятьсот тридцать восьмом. – И практически без паузы Уайрман продолжил: – Я знаю, через что тебе пришлось пройти.

– Я в этом сильно сомневаюсь. – Я не хотел, чтобы мой

⁵⁸ Колдер Александр (1898–1976) – американский скульптор. Сын и внук скульптора. Харинг Кейт (1958–1990) – американский художник и скульптор. Дюшан Марсель (1887–1968) – французский художник и теоретик искусства.

ответ прозвучал грубо, но именно так он и прозвучал. И он полностью отражал мое состояние в тот момент.

Уайрман какое-то время молчал. Ветер трепал оторванный сектор зонта. Я успел подумать: «Что ж, наши потенциально интересные дружеские отношения, похоже, не сложатся», – но когда Уайрман заговорил вновь, голос его звучал спокойно и доброжелательно, словно мы и не отклонялись от основной темы:

– Отчасти освоение Дьюмы осложнено буйной растительностью. Униоле здесь самое место, но все остальное дерьмо не должно тут расти без полива. Кому-то следует разобраться, в чем дело, вот что я думаю.

– Мы с дочерью на днях отправились на разведку. К югу от гасиенды начинаются сплошные джунгли.

На лице Уайрмана отразилась тревога.

– При таком состоянии, как у тебя, Дьюма-Ки-роуд – не место для экскурсий. Она же вся разбита.

– Как будто я не знаю. Меня интересует другое. Почему это не четырехполосное шоссе с велосипедными дорожками по обеим сторонам и кондоминиумами через каждые восемьсот ярдов?

– Потому что никто не знает, кому принадлежит земля. Как тебе это для затравки?

– Ты серьезно?

– Да. Мисс Истлейк принадлежит территория, которая тянется от северной оконечности на юг до «Гнезда цапли».

В этом нет никаких сомнений. Ее право собственности оговорено во всех завещаниях.

– Завещаниях? Их много?

– Три. Все написаны собственноручно, все заверены разными людьми, все отличаются друг от друга в тех пунктах, где речь идет о Дьюма-Ки. Но во всех однозначно указано, что северная часть острова отходит Элизабет Истлейк по воле ее отца, Джона. Остальное оспаривается в судах. Уже шестьдесят лет. В свете этого разборки в «Холодном доме» представляются детским лепетом.

– Вроде бы ты сказал, что все родные братья и сестры мисс Истлейк умерли.

– Все так, но у нее есть племянники и племянницы, внучатые племянники и внучатые племянницы. Как краска «Шервин-Уильямс»⁵⁹, они покрывают всю землю. Они и судятся, но между собой, а не с ней. В каждом из завещаний старика она упоминается только в связи с этой частью Дьюма-Ки, и отошедшая ей территория тщательно размечена двумя геодезическими компаниями, одной – до Второй мировой войны, другой – после. Все эти материалы находятся в открытых архивах. И знаешь что, амиго?

Я покачал головой.

– Мисс Элизабет думает, что ее отец так и задумывал. И я, пробежавший адвокатским взглядом по копиям всех трех за-

⁵⁹ «Шервин-Уильямс» – компания из Кливленда, штат Огайо. Крупнейший в мире производитель красок.

вещаний, согласен с ней.

– А кто платит налоги?

На лице отразилось удивление, потом Уайрман рассмеялся.

– Ты нравишься мне все больше и больше, vato⁶⁰.

– Моя прошлая жизнь, – напомнил я ему. Мне уже нравилось это выражение.

– Тогда ты оценишь. Во всех трех завещаниях Джона Истлейка имелись одинаковые пункты, касающиеся создания доверительного фонда, предназначенного для уплаты налогов. Инвестиционную компанию, которая управляла фондом, со временем поглотили... если на то пошло, потом поглотили и компанию-поглотительницу.

– Для Америки – обычный бизнес, – кивнул я.

– Совершенно верно. В любом случае фонд никогда не стоял на грани разорения, так что налоги скрупулезно выплачивались каждый год.

– Деньги свое берут.

– И это правда. – Уайрман поднялся, положил руки на поясницу, прогнулся. – Не хочешь пойти в дом и познакомиться с боссом? Она уже встала после дневного сна. У нее есть заморочки, но даже в восемьдесят пять она душка.

Я подумал, что сейчас не время рассказывать Уайрману о нашей короткой встрече и одностороннем, через мой автоответчик, общении.

⁶⁰ парень (мекс., сленг).

– В другой раз. Когда поутихнет бурное веселье.

Он кивнул.

– Если хочешь, приходи завтра, в это же время.

– Может, и приду. Рад нашему знакомству. – Я протянул ему руку. Он ее пожал, глядя на культую.

– Протеза нет? Или ты носишь его только в большой компании?

В аналогичной ситуации я оправдывал отсутствие протеза байкой о болях в культе, но это была ложь. А лгать Уайрману мне не хотелось. Отчасти потому, что ложь он чуял за милю, но главным образом потому, что не хотелось ему лгать.

– Мне, разумеется, сделали необходимые замеры, еще когда я находился в больнице, и все уговаривали меня поскорее его заказать, особенно женщина, которая занималась со мной лечебной физкультурой, и мой друг-психотерапевт. Они говорили, чем быстрее я научусь им пользоваться, тем проще мне будет вернуться к нормальной жизни.

– Просто забудь все и продолжай танцевать...

– Да.

– Только иной раз забыть все далеко не просто.

– Непросто.

– Иногда даже неправильно.

– Не совсем так, но тем не менее... – Я не договорил и неопределенно взмахнул рукой.

– Близко, но не рок-н-ролл?

– Да. Спасибо за зеленый чай.

– Приходи завтра и выпей еще стаканчик. Я обычно бываю на пляже от двух до трех часов пополудни, часа в день мне достаточно, но мисс Истлейк большую часть второй половины дня спит или занимается коллекцией фарфоровых статуэток и, разумеется, никогда не пропускает Опру, так что время у меня есть. Если на то пошло, так много, что я и не знаю, как его использовать. В общем, приходи. Мы найдем о чем поговорить.

– Хорошо, – кивнул я. – Предложение интересное.

Уайрман улыбнулся. Улыбка его красила. Протянул руку, и я вновь ее пожал.

– Знаешь, что я думаю? Дружба, основанная на смехе, всегда крепка.

– Может, это и будет твоей следующей работой? Писать тексты для печенья с сюрпризом?

– Бывают работы и похуже, мучачо. Гораздо хуже.

На обратном пути я думал о мисс Истлейк, старухе в соломенной шляпе с широкими полями и больших синих кедах, которой, так уж вышло, принадлежал (хотя бы частично) один из флоридских островов. Как выяснилось, не невесте крестного отца, а дочери земельного барона и, судя по всему, покровительнице искусств. В голове у меня опять что-то с чем-то разошлось, и я не мог вспомнить имя ее отца (простое, в один слог), но я помнил ситуацию, обрисованную Уайрманом. Ни о чем похожем я никогда не слышал, а ведь если ты зарабатываешь на жизнь строительством, приходится сталкиваться с самыми необычными раскладами, касающимися собственности на землю. Я подумал, что это очень оригинальный ход... если, разумеется, кому-то хотелось, чтобы созданное им маленькое королевство пребывало в первозданном состоянии. Правда, возникал вопрос: а за чем?

Большая часть расстояния, отделявшего меня от «Розовой громады», осталась позади, когда я вдруг осознал, что чертовски болит нога. Прохромав в дом, я напился на кухне воды из-под крана и через гостиную направился в спальню. Увидел мигающую лампочку на автоответчике, но на тот момент мне не хотелось иметь ничего общего с общениями из внешнего мира. Желание было только одно:

снять с ног груз тела.

Я лег и уставился на медленно вращающиеся лопасти потолочного вентилятора. Вроде бы мне не удалось убедительно объяснить отсутствие искусственной руки. Но я подумал, что и Уайрман не сумел превзойти меня в убедительности с ответами на некоторые вопросы: «Как юрист оказался прислугой у богатой старой девы?» или «Чем хороша эта другая жизнь?».

Все еще размышляя над этим, я соскользнул в крепкий, без сновидений сон.

Проснувшись, я принял горячий душ и прошел в гостиную, чтобы проверить автоответчик. Тело не затекло, как я мог ожидать после двухмильной прогулки. Завтра, возможно, мне придется от нее отказаться, но в этот вечер я чувствовал себя вполне сносно.

Сообщение оставил Джек. Мать познакомила его с неким Дарио Наннуцци, который с радостью согласился взглянуть на мои картины в пятницу, от четырех до пяти пополудни, если меня не затруднит привезти их (не больше десяти, которые я сам считаю лучшими) в галерею «Скотто». Никаких эскизов. Наннуцци хотел видеть только завершенные работы.

Возникла легкая тревога.

Нет, все было гораздо хуже.

Скрутило желудок, и я мог поклясться, что мои внутренности опустились дюйма на три. То ли боль, то ли зуд поползли вверх по правому боку и вниз по руке, которой не было. Я сказал себе, что это глупость, негоже так себя вести, учитывая, что за три дня, оставшиеся до встречи, тревога будет только нарастать. Однажды я представлял проект стоимостью десять миллионов долларов городскому совету Сент-Пола, когда в нем заседал человек, позднее ставший губернатором Миннесоты. На моих глазах две девочки прошли

танцевальные репетиции, отборы в группы поддержки спортивных команд, уроки вождения и ад переходного периода. Неужто с этим можно сравнить показ нескольких моих картин какому-то галеристу?

Тем не менее, когда я поднимался в «Розовую малышку», ноги словно налились свинцом.

Солнце скатывалось к горизонту, заливая большой зал роскошным, невероятным мандариновым светом, но я не испытывал никакого желания попытаться перенести его на холст, во всяком случае, этим вечером. Свет все равно зывал ко мне. Как может звать фотография давно забытой возлюбленной, случайно найденная в коробке со свидетельствами далекого прошлого. Вода прибывала. Даже наверху я слышал шуршание ракушек. Я сел, принялся перебирать предметы, найденные на берегу: перо, обточенный водой камень, одноразовая зажигалка, выцветшая на солнце. Теперь в голове крутились строчки не Эмили Дикинсон, а какой-то старой песни: «Мама, как красиво солнце, Ярко светит сквозь деревья». Никаких деревьев, разумеется, не было, но я мог посадить одно на горизонте, если бы возникло такое желание. Мог посадить, чтобы красный закат светил сквозь него. Привет, Дали.

Я не боялся, что мне укажут на отсутствие таланта. Боялся другого: услышать от синьора Наннуцци, что таланта у меня *мало-мало*. Или увидеть, как он сведет большой и указательный пальцы на четверть дюйма и посоветует зарезерви-

ровать место на уличном Художественном фестивале, который проводится на Венис-авеню в центре Сарасоты, где меня наверняка будет ждать успех, потому что туристы точно набросятся на мои очаровательные имитации шедевров Дали.

Если бы он так сделал, свел большой и указательный пальцы на четверть дюйма и сказал «мало-мало», как бы я отреагировал? Мог ли вердикт совершеннейшего незнакомца лишить меня только что обретенной уверенности в себе, украсть у меня новую радость жизни?

– Возможно, – ответил я сам на свой вопрос.

Да. Потому что написание картин очень уж отличалось от возведения торговых центров.

Я мог бы легко разрулить эту ситуацию, отказавшись от встречи... да только я в каком-то смысле пообещал Илзе, что покажу картины специалисту, а я не привык нарушать обещания, которые даю своим детям.

Моя правая рука по-прежнему зудела, сильно, чуть ли не до боли, но я этого зуда практически не замечал. У стены, слева от меня, стояли восемь или десять картин. Я повернулся к ним, думая о том, что надо бы попытаться определить, какие – лучшие, но не сумел даже взглянуть на них.

Том Райли стоял на верхней ступени лестницы. В одних только светло-синих пижамных штанах, потемневших в промежности и на внутренней стороне одной из штанин, где Том их обмочил. Правый глаз исчез. Глазницу заполняла красно-черная жижа. Кровь, словно краска, потеками запеклась

ниже правого виска, исчезая в седеющих волосах за ухом. Второй глаз смотрел на Мексиканский залив. Красный закат освещал узкое, худое лицо Тома.

Я вскрикнул от удивления и ужаса, отпрянул, упал со стула, приземлился на травмированное бедро, вновь вскрикнул – на этот раз от боли. Дернулся, ступня ударила по стулу, на котором я только что сидел, повалила его. Когда я вновь посмотрел на лестницу, Том исчез.

Десятью минутами позже я уже был внизу, набирал его домашний номер. По лестнице я спускался сидя, пересчитывая задом ступеньки. Не потому, что повредил бедро, упав со стула, – просто ноги так сильно дрожали, что я им не доверял, не знал, удержат ли они меня. Я боялся рухнуть в полный рост и удариться головой, даже если бы попытался спуститься спиной вперед, держась левой рукой за поручень. Черт, я боялся, что могу потерять сознание.

Я продолжал вспоминать тот день на озере Фален, когда, повернувшись, увидел неестественно блестящие глаза Тома, который прилагал все силы к тому, чтобы не разрыдаться. «Босс, не могу привыкнуть к тому, что у тебя только одна рука. Мне так жаль».

В красивом доме Тома, в Эппл-Вэлли, зазвонил телефон. Том, который дважды женился и разводился. Том, который не советовал мне уезжать из Мендота-Хайтс и который сказал: «Ты словно отдаешь преимущество своего поля в плей-офф». Том, который наслаждался моим домашним полем, если верить «Друзьям-любовникам»... и я верил.

Как верил и тому, что увидел наверху.

Один гудок... второй... третий.

– Сними трубку, – пробормотал я. – Сними эту гребаную трубку.

Я не знал, что сказал бы ему, если б он снял, да меня это и не волновало. В тот момент я хотел лишь услышать его голос.

Услышал, но записанный на автоответчик.

– Привет! Вы позвонили Тому Райли. Мы с братом Джорджем и нашей мамой отправились в ежегодный круиз... на этот раз в Нассау. Что ты говоришь, мама?

– Что теперь я – Багама-Мама, – ответил прокуренный, веселый голос.

– Совершенно верно, теперь она такая, – согласился Том. – Мы вернемся восьмого февраля. А пока вы можете оставить сообщение... когда, Джордж?

– После *звукового з-з-зигнала!* – воскликнул мужской голос.

– Точно! – согласился Том. – После звукового сигнала. Или вы можете позвонить мне на работу. – Он продиктовал номер, а потом все трое прокричали: «BON VOYAGE»⁶¹.

Эти слова совсем не напоминали прощальное послание человека, задумавшего покончить с собой, но, разумеется, он находился с самыми близкими и дорогими ему людьми (которые потом сказали бы: «Нам казалось, что он в отличной форме») и...

– Кто говорит, что это будет самоубийство? – спросил я пустую комнату... и в страхе оглянулся, чтобы убедиться, что она пуста. – А если это несчастный случай? Или даже

⁶¹ Счастливого пути (*фр.*).

убийство? При условии, что это еще не произошло?

Но если бы произошло, мне бы позвонили. Может, Боузи, а скорее всего Пэм. Опять же...

– Самоубийство. – Теперь я уже ничего у комнаты не спрашивал. – Самоубийство, и оно еще не произошло. Это было предупреждение.

Я поднялся и, опираясь на костыль, двинулся в спальню. В последнее время костылем я пользовался реже, но в этот вечер держался за него, как за родного.

Моя любимая девочка сидела, привалившись к подушкам на той стороне кровати, которую могла занимать реальная женщина, если б она у меня была. Я сел, взял ее в руки, посмотрел в большие синие стекляшки, полные мультяшного изумления: «О-о-о-о-х, какой противный парниша!» Моя Реба, которая выглядела, как Люси Рикардо.

– Вот так к Скруджу явился призрак грядущего Рождества, – сказал я ей. – Все это только может произойти.

На этот счет Реба своего мнения не высказала.

– Но что мне делать? С картинами-то – другое дело. С картинами – совершенно другое дело!

Но связь была, и я это знал. И картины, и видения брали начало в человеческом мозгу, и что-то в моем мозгу изменялось. Я думал, что изменения эти происходили в результате удачного сочетания повреждений. Или неудачного. Противоударная травма. Зона Брока. И Дьюма-Ки. Дьюма... что?

– Усиливает изменения, – объяснил я Ребе. – Не так ли?

Реба вновь промолчала.

– Есть что-то еще, и это что-то воздействует на меня. Возможно, даже зовет меня?

От этой мысли по коже побежали мурашки. Подо мной ракушки терлись друг о друга, когда вода поднимала и бросала их. Не составляло труда представить себе на месте ракушек черепа, тысячи черепов, и все они разом скалили зубы, когда набегала очередная волна.

Джек говорил, что на Дьюма-Ки есть еще один дом, где-то в джунглях, разваливающийся? Вроде бы да. Когда мы с Илзе попытались поехать в ту сторону, состояние дороги очень быстро ухудшилось. Как и состояние Илзе. Меня желудок не подвел, но запахи окружающей растительности вызвали отвращение, и резко усилился зуд в отрезанной руке. На лице Уайрмана отразилась тревога, когда я рассказал ему о нашей попытке исследовать джунгли. «При таком состоянии, как у тебя, Дьюма-Кироуд – не место для экскурсий». Его слова. Вопрос в том, а какое у меня состояние?

Реба продолжала молчать.

– Я не хочу, чтобы это произошло, – прошептал я.

Реба смотрела на меня. Паршивым парнишей, вот кем она меня считала.

– Какой от тебя прок? – спросил я куклу и отбросил ее. Она упала на подушку, попкой кверху, расставив розовые хлопчатобумажные ноги, прямо-таки маленькая шлюшка. Действительно, «о-о-о-о-х, какой противный парниша!»

Я опустил голову, устался в ковер между ног, потер шею. Мышцы напряженные, узловатые. Твердые, как железо. Какое-то время меня не докучали сильные головные боли, но я понимал, что, если мышцы не расслабятся, меня ждет тяжелая ночь. И для начала я решил чего-нибудь съесть. Что-нибудь насыщающее, вроде высококалорийного замороженного обеда. Вы понимаете, снять упаковку с замороженного мяса с соусом, поставить на семь минут в микроволновку, а потом жадно все сожрать.

Но я какое-то время еще посидел на кровати. У меня возникло много вопросов, и на большинство ответить самостоятельно я, похоже, не мог. Я это признавал и принимал – научился принимать многое с того самого дня, когда на меня наехал подъемный кран. Но я подумал, что могу попытаться найти ответ как минимум на один вопрос, прежде чем займусь утолением голода. Телефонный аппарат на прикроватной тумбочке я получил вместе с домом. Очаровательно старомодный, модель «Принцесса», с вращающимся диском. Стоял он на телефонном справочнике, большую часть которого занимали «Желтые страницы». Я открыл узенькую белую часть, полагая, что номера Элизабет Истлейк мне не найти, но нашел. Набрал. Гудок, второй, а потом в трубке раздался голос Уайрмана:

– Алло, резиденция Истлейк.

Хорошо поставленный голос – ничего общего с тем человеком, который так смеялся, что сломал под собой шезлонг,

и я вдруг решил, что звонок этот – самая плохая идея, какую можно себе представить, но других вариантов не видел.

– Уайрман? Это Эдгар Фримантл. Мне нужна помощь.

Глава 6

Хозяйка дома

i

Во второй половине следующего дня я вновь сидел у маленького столика, поставленного рядом с деревянными мостками, которые вели к «El Palacio de Asesinos». Полосатый зонт, пусть и порванный, еще мог выполнять положенную ему функцию. Достаточно холодный бриз вызывал мысли о свитере. Полоски света плясали по поверхности стола, пока я говорил. А я говорил, все так, чуть ли не час, смачивая горло зеленым чаем из стакана, который Уайрман постоянно наполнял. Наконец я замолчал, и какое-то время с другой стороны стола не доносилось ни звука, тишину нарушал только мерный шум набегающих на берег волн.

Прошлым вечером тревоги в моем голосе, должно быть, хватало, потому что Уайрман предложил тотчас же приехать из «Palacio» на гольф-каре. Сказал, что сможет поддерживать связь с мисс Истлейк по портативной рации. Я ответил, что особой спешки нет. Проблема важная, но не срочная. В том смысле, что звонить по 911 не нужно. И я говорил правду. Если Том намеревался покончить с собой в круизе,

я не мог ему помешать. Но я не думал, что он пойдет на такое, когда рядом мать и брат.

Я не собирался рассказывать Уайрману о том, что тайком рылся в сумочке дочери, этого я стыдился все больше. Но как только раскрыл рот, а начал я с «LINK-BELT», остановиться уже не мог. Рассказал практически все, закончив Томом Райли, стоящим на верхней ступени лестницы, ведущей в «Розовую малышку», бледным, мертвым, без одного глаза. Думаю, отчасти я не останавливался, потому что знал: Уайрман не сможет сдать меня в ближайший сумасшедший дом. Не имеет законного права. Была и другая причина: Уайрман оставался незнакомцем, пусть меня и привлекала его доброта и здоровый цинизм. Иногда (думаю, довольно часто) рассказывать истории, если ты их стесняешься, или они могут показаться безумными, куда проще, когда твой собеседник – незнакомец. Но прежде всего рассказ этот приносил мне облегчение: я словно выдавливал из себя яд после укуса змеи.

Когда Уайрман наливал зеленый чай себе, рука его заметно подрагивала. Меня это заинтересовало и встревожило. Потом он посмотрел на часы, которые носил, как медицинская сестра, на внутренней стороне запястья.

– Через полчаса или около того я должен пойти в дом и проверить, как там она. Я уверен, все у нее хорошо, но...

– А если нехорошо? – спросил я. – Если она упала или что-то в этом роде?

Он вытащил из кармана летних брюк портативную рацию, размерами не превышающую мобильник.

– Я слежу за тем, чтобы рация всегда была при ней. По всему дому есть кнопки вызова, но... – Он постучал большим пальцем по груди. – Настоящая система тревоги – здесь. Единственная, которой я доверяю.

Он посмотрел на Залив и вздохнул.

– У нее болезнь Альцгеймера. Пока в начальной стадии, но доктор Хэдлок говорит, что прогрессировать она, возможно, будет быстро, раз уж началась. Через год... – Он печально пожал плечами, потом лицо его прояснилось. – Каждый день в четыре часа мы пьем чай. И смотрим Опру. Почему бы тебе не зайти и не познакомиться с хозяйкой дома? Я даже угощу тебя куском островного лаймового пирога.

– Хорошо, – кивнул я. – Договорились. Ты думаешь, это она оставила сообщение на моем автоответчике со словами о том, что Дьюма-Ки – несчастливое место для дочерей?

– Конечно. Хотя, если ты ждешь объяснений (или ждешь, что она вспомнит о звонке), удачи тебе. Но я, возможно, могу немного помочь. Ты вчера спрашивал о ее братьях и сестрах, а я не поправил тебя. Дело в том, у Элизабет были только сестры. В семье рождались исключительно дочери. Самая старшая – где-то в 1908 году. Элизабет появилась на свет в 1923. Миссис Истлейк умерла через два месяца. От какой-то инфекции. А может, от тромба... кто теперь скажет? Это произошло здесь, на Дьюма-Ки.

– Отец женился второй раз? – Я все еще не мог вспомнить имя.

Уайрман мне помог.

– Джон? Нет.

– Ты же не собираешься сказать мне, что он воспитывал здесь всех шестерых. Как-то это слишком готично.

– Он пытался, с помощью няни. Но его старшая дочь убежала с парнем. С мисс Истлейк произошел несчастный случай, и она чуть не умерла. А близняшки... – Уайрман покачал головой. – Они были на два года старше Элизабет. В 1927 году они исчезли. Предполагалось, что они пошли купаться, их унесло подводным течением, и они утонули в *caldo grande*⁶².

Какое-то время мы смотрели на воду (эти обманчиво кроткие волны, которые выпрыгивали на берег, как щенки) и молчали. Потом я спросил, узнал ли он все это от Элизабет.

– Частично. Не все. И она путалась в своих воспоминаниях. Я нашел информацию о том случае на сайте, посвященном истории Залива. Переписывался по электронной почте с одним библиотекарем из Тампы. – Уайрман поднял руки и пробежался пальцами по воображаемой клавиатуре. – Тесси и Лаура Истлейк. Библиотекарь прислал мне копию выпуска городской газеты за 19 апреля 1927 г. От заголовка на первой полосе пробирала дрожь. Два слова. «**ОНИ ИСЧЕЗЛИ**».

⁶² великий залив (*исп.*).

– Господи, – выдохнул я.

– В шесть лет. Элизабет было четыре, она уже понимала, что произошло. Может, даже могла прочитать такой простой заголовок, как «ОНИ ИСЧЕЗЛИ». После смерти близняшек и бегства Адрианы, старшей дочери, в Атланту с одним из работников отца, не приходится удивляться решению Джона покинуть Дьюму. Он и оставшиеся дочери перебрались в Майами. Много лет спустя он вернулся, чтобы умереть здесь, и мисс Элизабет ухаживала за ним. – Уайрман пожал плечами. – Примерно так же, как я ухаживаю за ней. Поэтому... ты понимаешь, почему женщина с начавшейся болезнью Альцгеймера может считать Дьюму злополучным для дочерей местом?

– Пожалуй, но откуда эта дама преклонного возраста узнала телефонный номер нового арендатора?

Уайрман бросил на меня озорной взгляд.

– Арендатор новый, дом старый, автоматический набор всех здешних телефонов – там. – Он указал на дом за спиной. – Есть еще вопросы?

Я вытаращился на него.

– Она может позвонить мне в режиме автоматического набора?

– Не вини меня. Я появился здесь позже. Кто-то ввел телефонные номера принадлежащих ей домов в память ее телефонного аппарата. Наверное, это сделал риелтор. А может, управляющий делами мисс Истлейк. Он приезжает сюда

из Сент-Питерсберга каждые шесть недель, чтобы убедить-
ся, что она жива, и я не украл коллекционный фарфор. Ко-
гда он появится в следующий раз, я его спрошу.

– То есть она может позвонить в любой дом в северной
части Дьюмы нажатием одной кнопки.

– Ну... да. Я хочу сказать, они же все принадлежат ей. –
Он похлопал меня по руке. – Но знаешь что, мучачо? Я ду-
маю, у твоей кнопки этим вечером будет нервный срыв.

– Нет, – без запинки вырвалось у меня. – Не делай этого.

– Ага. – Уайрман словно понимал мои мотивы. И кто знает,
может, понимал. – В любом случае ситуация с загадоч-
ным звонком прояснилась, хотя, должен тебе сказать, объяс-
нения на Дьюма-Ки иной раз логике не подчиняются. При-
мер тому – твоя история.

– Ты хочешь сказать, с тобой тоже случилось... что-то по-
хожее?

Он пристально посмотрел на меня, его большое, загорелое
лицо не выдавало никаких эмоций. На нас обрушился холод-
ный порыв ветра, швырнул песком в наши голые лодыжки.
Ветер поднял волосы Уайрмана, открыв шрам-монетку по-
выше правого виска. Я задался вопросом, а может, его уда-
рили горлышком бутылки во время драки в баре, и попы-
тался представить себе человека, который мог разозлиться
на такого, как Уайрман. Не получилось.

– Да, со мной случилось... *странное*, – ответил он и со-
гнул по два пальца каждой руке, изображая кавычки. –

Именно это превращает детей... *во взрослых*. И позволяет учителям английского языка и литературы нести всякую чушь в первый год... *обучения*. – Обе фразы попали в эти воздушные кавычки.

Я понял, что рассказывать свою историю он не собирается, во всяком случае, сейчас. Поэтому спросил, поверил ли он моей.

Уайрман закатил глаза и откинулся на спинку шезлонга.

– Не испытывай моего терпения, vato. В чем-то ты, возможно, и ошибся, но ты точно не чокнутый. У меня здесь женщина... самая милая женщина на свете, и я люблю ее, но иногда она думает, что я – ее отец, и мы в Майами тысяча девятьсот тридцать четвертого года. Иногда она кладет одного из фарфоровых человечков в жестянку из-под печенья и бросает в пруд с золотыми рыбками, который расположен за теннисным кортом. Мне приходится доставать жестянку, пока она спит, иначе она устраивает скандал. Почему она это делает, не знаю. И думаю, к лету она, возможно, будет постоянно ходить в памперсах для взрослых.

– То есть?

– То есть я знаю, какие они. Психи. Я знаю Дьюму и собираюсь лучше узнать тебя. У меня нет никаких сомнений в том, что ты видел своего мертвого друга.

– Честно?

– Абсолютно. *Verdad*⁶³. Вопрос в том, что ты собираешь-

⁶³ Истина (*исп.*).

ся с этим делать, при условии, что ты не горишь желанием увидеть, как твоего приятеля зарывают в землю за... или это вульгарно?.. за то, что он намазывает масло на твою бывшую краюху хлеба.

– Нет. На мгновение у меня возникло желание... даже не знаю, как описать...

– На мгновение у тебя возникло желание отрубить ему член, а потом вытащить глаза длинной такой вилкой для поджаривания хлеба на огне. Причем раскаленной. Такое у тебя возникло желание, мучачо? – Уайрман нацелил на меня пистолет, сооруженный из большого и указательного пальцев правой руки. – Я был женат на одной мексиканской крошке, поэтому знаю, что такое ревность. Это нормально. Естественная первая реакция.

– Твоя жена когда-нибудь... – Я осекся, вдруг вспомнив, что познакомился с этим мужчиной всего лишь днем раньше. Забыть об этом не составляло труда. Уайрман умел сближаться с людьми.

– Нет, амиго, насколько мне известно. Что она сделала, так это умерла. – Лицо его оставалось совершенно бесстрастным. – Давай в это не углубляться, идет?

– Конечно.

– О ревности нужно помнить одно: она приходит и она уходит. Как здесь – послеполуденные ливни в плохой сезон. Ты говоришь, что это пережил. Так оно и должно быть. Потому что ты больше не ее *campesino*. Вопрос в другом: что тебе

делать в сложившейся ситуации? Как ты собираешься помещать ему покончить с собой? Потому что ты знаешь, что произойдет по завершении этого счастливого семейного круиза, так?

Какое-то время я молчал. Переводил его последнее испанское слово, или пытался перевести. Теперь ты не ее пахарь? Правильно? Если да, то в его словах была горькая правда.

– Мучачо? Твой следующий ход?

– Не знаю. У него есть электронная почта, но что я ему напишу? «Дорогой Том, я тревожусь из-за того, что ты намереваешься покончить с собой, пожалуйста, ответь как можно скорее?» Готов спорить, в отпуске он все равно не будет проверять свой почтовый ящик. Он разводился дважды. Последней жене еще платит алименты, но отношений ни с одной не поддерживает. У него был один ребенок, умер в младенчестве, если не ошибаюсь, спина бифида⁶⁴ ... и... Что такое? Что?

Уайрман отвернулся, сидел, сгорбившись, смотрел на воду, где пеликаны устроили свое чаепитие. Язык его тела говорил: отвратительно.

Он повернулся ко мне.

– Хватит увливать. Тебе чертовски хорошо известно, кто может с ним поговорить. Или ты думаешь, что тебе известно.

– Пэм? Ты про Пэм?

⁶⁴ Спина бифида – врожденный дефект позвоночника.

Он только смотрел на меня.

– Ты собираешься что-то сказать, Уайрман, или так и будешь сидеть?

– Я должен проверить мою даму. Возможно, она уже встала, а в четыре часа будет пить чай.

– Пэм подумает, что я рехнулся! Черт, да она уже думает, что я рехнулся!

– Убеди ее. – Тут он чуть смягчился. – Послушай Эдгар, если она так близка с ним, как ты думаешь, она что-то заметила. И все, что ты можешь сделать, так это попытаться. Entiendes⁶⁵?

– Я не понимаю, что это значит.

– Это значит, позвони своей жене.

– Она – моя бывшая жена.

– Нет. Пока твое отношение к ней не изменится, развод – всего лишь юридическая фикция. Вот почему тебе безразлично, что она думает о состоянии твоего рассудка. Но если тебе дорог этот парень, ты ей позвонишь и скажешь, что у него есть намерения покончить с собой.

Уайрман поднялся с шезлонга, протянул руку.

– Довольно разговоров. Пойдем знакомиться с боссом. Ты не пожалеешь. Если уж говорить о боссах, она очень даже ничего.

Я взялся за его руку и позволил ему вытащить меня из шезлонга, который, как я понял, заменил сломанный.

⁶⁵ Понимаешь (*исп.*).

Хватка у него была крепкая. Если что и останется у меня в памяти об Уайрмане, так это его крепкая хватка. Мостки вели к воротам в задней стене. Ширина позволяла идти по ним только одному, так что я хромал следом. Когда мы добрались до ворот (уменьшенной копии тех, что выходили на дорогу, и испанского в них было не меньше, чем в отдельных словечках Уайрмана), он повернулся ко мне, его губы разошлись в улыбке.

– Хози приходит прибираться по вторникам и четвергам, и она не возражает против того, чтобы присматривать за мисс Истлейк, пока та спит днем. То есть завтра я могу прийти и взглянуть на твои картины, скажем, около двух, если тебя это устроит.

– Как ты узнал, что я этого хочу? Я все еще собирался с духом, чтобы попросить тебя.

Уайрман пожал плечами.

– Совершенно очевидно, что тебе хочется, чтобы кто-нибудь взглянул на твои картины до того, как ты повезешь их этому парню из галереи. Помимо твоей дочери и юноши, который у тебя на побегушках.

– Встреча назначена на пятницу. Я в ужасе.

Уайрман помахал рукой, улыбнулся.

– Не волнуйся. – Пауза. – Если я решу, что твои картины – дерьмо, я тебе так и скажу.

– Меня это устроит.

Он кивнул.

– Просто хотел прояснить этот момент. – Он распахнул ворота и провел меня во двор гасиенды «Гнездо цапли», известной также как «Palacio de Asesinos».

Я уже видел этот двор, когда разворачивался в открытых воротах, но в тот день я только мельком взглянул на него, потому что думал об одном: как бы поскорее довезти до «Розовой громады» и себя, и дочь с посеревшим, блестящим от пота лицом. И теннисный корт я тогда заметил, и керамические плитки, а вот пруд с золотыми рыбками – нет. Корт, тщательно подметенный, с твердым покрытием цветом чуть темнее плиток двора, ждал выхода игроков. Оставалось лишь натянуть сетку одним поворотом хромированной ручки. Корзинка с мячами на сетчатой подставке заставила меня вспомнить о рисунке, который Илзе увезла в Провиденс: «Конец игры».

– Придет день, мучачо, – Уайрман указал на корт, мимо которого мы проходили. Он замедлил шаг, так что я его до гнал, – когда мы с тобой придем сюда. Я не буду ставить перед тобой сложных задач, только отбивай и подавай, не сходя с места, но мне так хочется помахать ракеткой.

– Отбивать и подавать – та цена, которую мне придется заплатить за твою оценку моих картин?

Он улыбнулся.

– Цену я назову, но она другая. Я тебе скажу. Пошли.

Уайрман провел меня через черный ход. Оставив позади темноватую кухню с большими белыми столами для готовки и огромной плитой «Вестингхауз», мы оказались непосредственно в жилых помещениях, поблескивающих темным деревом: дубом, грецким орехом, тиком, секвойей, кипарисом. Это был Palacío, построенный в старинном флоридском стиле. Мы миновали комнату, уставленную стеллажами с книгами, в углу о чем-то размышляли рыцарские доспехи. Библиотека выводила в кабинет, стены которого украшали картины, не темные портреты маслом, а яркие абстракции, даже парочка оп-артов⁶⁶, от которых глаза вылезали из орбит.

Свет падал на нас сверху белым дождем, когда мы шли по главному коридору (Уайрман шел, я – хромал), и я понял, что при всем великолепии особняка мы находимся пусть и в шикарном, но обычном крытом переходе, который разделяет части старых и куда более скромных флоридских домов. У этого стиля (дома всегда строили из дерева, иногда из обрезков) даже есть название: флоридская нищета.

Вдоль стен перехода, ярко освещенного сквозь стеклянный потолок, выстроились декоративные цветочные горшки.

⁶⁶ Оп-арт – направление в искусстве, получившее распространение в 1950–1960 гг. Художники этого направления использовали особенности восприятия плоских и пространственных фигур для достижения зрительных иллюзий.

В дальнем конце Уайрман повернул направо, и мы очутились в огромной, прохладной гостиной. Окна выходили на боковой дворик, весь в цветах. Мои дочери назвали бы половину, Пэм – все, я распознал только астры, коммелину, самбук, наперстянку. Ах да, и рододендроны. Их было много. За цветами и кустами тянулась дорожка, выложенная синей керамической плиткой, вероятно, уходящая к главному двору, а на ней стояла цапля, задумчивая и мрачная, словно старейшина-пуританин, размышляющий, какую из ведьм сжечь следующей.

В комнате находилась женщина, с которой мы с Илзе повстречались в тот день, когда отправились исследовать Дьюма-Ки-роуд. Тогда она сидела в инвалидном кресле, с синими кедами на ногах. Теперь она стояла, ухватившись за рукоятки ходунков. Босиком, и ступни у нее были большие и очень белые. Ее наряд, бежевые брюки с высокой талией и темно-коричневая шелковая блузка с невероятно широкими плечами и пышными рукавами, напомнил мне Кэтрин Хепберн в тех старых фильмах, которые иногда показывают по кабельному каналу «Классическое кино Тернера»: «Ребро Адама» или «Женщина года». Только я не помнил, чтобы Кэтрин Хепберн выглядела такой старой, даже когда состарилась.

Середину комнаты занимал длинный низкий стол, похожий на тот, что отец поставил в подвале нашего дома для своих электрических поездов. Только этот покрывала

не искусственная трава, а какое-то светлое дерево, может, бамбук. Стол заполняли игрушечные дома и фарфоровые статуэтки: мужчины, женщины, дети, домашние животные, животные из зоопарка, мифические существа. И если уж говорить о мифических существах, то парочку изготовили чернолицыми, нарываясь на недовольство НАСПЦН⁶⁷.

Элизабет Истлейк взглянула на Уайрмана с той нежной радостью, которую я с удовольствием бы нарисовал... хотя не уверен, что кто-нибудь воспринял бы это серьезно. Сомневаюсь, что в нашем искусстве мы верим простым и чистым эмоциям, хотя постоянно видим их вокруг нас, изо дня в день.

– Уайрман! – воскликнула женщина. – Я проснулась рано и так хорошо провела время с моими статуэтками. – Говорила она с сильным южным акцентом: «ста-а-туэтка-а-ми». – Посмотри, вся семья дома!

В конце стола стояла маленькая копия особняка с колоннами. Вспомните Тару из «Унесенных ветром» и не ошибитесь. Или уса-а-дьбу, если вы говорите, как Элизабет. Вокруг стояли с десятков статуэток. Словно собрались на какую-то церемонию.

– Это точно, – согласился Уайрман.

– И школа! Я поставила детей рядом со школой! Посмотри!

⁶⁷ Национальная ассоциация содействия прогрессу цветного населения, крупнейшая негритянская общественная организация, созданная в 1909 г.

– Я посмотрю, но вы знаете, я не люблю, когда вы встаете без меня.

– Мне не хотелось вызывать тебя по рации. Я действительно очень хорошо себя чувствую. Пойди и посмотри. И пусть посмотрит твой новый друг. Ох, я знаю, кто вы! – Она улыбнулась и поманила меня пальцем. – Уайрман мне все о вас рассказывает. Вы поселились в «Салмон-Пойнт».

– У него свое название – «Розовая громада», – вставил Уайрман.

Она рассмеялась. Как часто случается с курильщиками, смех перешел в кашель. Уайрман поспешил к ней, поддержал. Мисс Истлейк не возражала.

– Мне нравится, – одобрила она, когда смогла говорить. – Ох, милый мой, мне очень нравится! Подойдите и посмотрите, как я поставила детей. Мистер?.. Я уверена, мне называли вашу фамилию, но не могу вспомнить, как и многое другое, мистер?..

– Фримантл, – подсказал я. – Эдгар Фримантл.

Я подошел к ее столу со статуэтками. Она протянула мне руку. Не мускулистую, но большую, как и ее ноги. Она не забыла, как здороваются, и руку пожала мне крепко. При этом с живым интересом разглядывала меня. Мне понравилось, что она так легко признается в проблемах с памятью. Что же касалось болезни Альцгеймера, была она у нее или нет, но я запинался и в разговоре, и в поиске слов куда чаще, чем мисс Истлейк.

– Приятно познакомиться с вами, Эдгар. Я видела вас раньше, но не помню, где и когда. Потом вспомню. «Розовая громада»! Это лихо!

– Мне нравится дом, мэм!

– Хорошо. Я очень рада, когда он нравится. Дом для художника, знаете ли. Вы – художник, Эдгар?

Она смотрела на меня бесхитростными синими глазами.

– Да. – Я дал самый простой, самый быстрый и, возможно, правдивый ответ. – Скорее да, чем нет.

– Разумеется, художник, дорогой, я это сразу поняла. Мне нужна одна из ваших картин. Уайрман обговорит с вами цену. Он не только прекрасный повар, но и юрист. Он вам это говорил?

– Да... нет... я хочу сказать... – Я сбился. Она постоянно переводила разговор с одного на другое. Уайрман, этот негодяй, выглядел так, будто с трудом сдерживает смех. Отчего мне тоже хотелось рассмеяться.

– Я пытаюсь собирать картины всех художников, которые останавливались в вашей «Розовой громаде». У меня есть картина Харинга, написанная там. И рисунок Дали.

Вот тут желание смеяться пропало напрочь.

– Правда?

– Я скоро вам его покажу, этого не избежать, он в телевизионной комнате, а мы всегда смотрим Опру. Верно, Уайрман?

– Да, – кивнул он и глянул на часы, закрепленные на внут-

ренной стороне запястья.

– Но нам не обязательно смотреть эту передачу от начала и до конца, потому что у нас есть замечательное устройство, которое называется... – Она замолчала, нахмурилась, приложила палец к ямочке на пухлом подбородке. – Вито? Оно называется Вито, Уайрман?

Он улыбнулся.

– «ТиВо»⁶⁸, мисс Истлейк.

Она рассмеялась.

– «ТиВо», разве не забавное слово? И разве не забавно, как формально мы обращаемся друг к другу. Он для меня Уайрман, я для него – мисс Истлейк... если только я не расстроена, а такое случается, когда я что-то забываю. Мы – как персонажи в пьесе! Счастливой пьесе, где все поют, как только начинает играть музыка! – Она рассмеялась, показывая, какая замечательная это пьеса, но в смехе чувствовался и надрыв. И впервые ее акцент заставил меня подумать о Теннесси Уильямсе, а не о Маргарет Митчелл.

– Может, нам пора перейти в другую комнату и посмотреть Опру, – мягко, очень мягко предложил Уайрман. – И я думаю, вам нужно присесть. Вы сможете выкурить сигарету, когда будете смотреть Опру, и вы знаете, как вам это нравится.

– Через минуту, Уайрман, через минуту. У нас так редко

⁶⁸ «ТиВо» – цифровое видеозаписывающее устройство (запись ведется на жесткий диск), выпускаемое одноименной компанией.

бывают гости! – Она повернулась ко мне. – Что вы за художник, Эдгар? Вы верите в искусство ради искусства?

– Определенно, искусство ради искусства, мэм.

– Я рада. Таких художников «Салмон-Пойнт» любит больше всего. Как вы его называете?

– Мое искусство?

– Нет, дорогой... «Салмон-Пойнт».

– «Розовая громада», мэм.

– Отныне он – «Розовая громада». А я для вас – Элизабет.

Я улыбнулся, не мог не улыбнуться, потому что в ее голосе звучала скорее серьезность, чем игривость.

– Хорошо, Элизабет.

– Прекрасно. Скоро мы пойдем в телевизионную комнату, но сначала... – Она перевела взгляд на стол. – Ну, Уайрман? Ну, Эдгар? Видите, как я расставила детей?

Десяток статуэток стояли слева от здания школы, лицами к нему. Словно готовились к перекличке.

– И что вы можете об этом сказать? – спросила она. – Уайрман? Эдуард? Кто первый?

С именем она ошиблась, но я привык к ошибкам. И на этот раз она «поскользнулась» на моем имени.

– Перемена? – спросил Уайрман и пожал плечами.

– Разумеется, нет, – ответила Элизабет. – Будь это перемена, они бы играли, а не стояли толпой и не тарасились на школу.

– Это или пожар, или учебная тревога, – предположил я.

Она перегнулась через ходунки (Уайрман, всегда начеку, схватил ее за плечо, чтобы она, потеряв равновесие, не упала вместе с ними) и поцеловала меня в щеку. Это меня чертовски удивило, но не вызвало отрицательных эмоций.

– Очень хорошо, Эдуард! – воскликнула она. – А теперь, скажите, учебная это тревога или пожар?

Я задумался, вопрос был не из сложных, если не воспринимать его в шутку.

– Учебная тревога.

– Да! – Синие глаза радостно блеснули. – Объясните Уайрину почему.

– При пожаре они разбегались бы во все стороны. Вместо этого они...

– Ждут команды вернуться в школу, да. – Но тут она повернулась к Уайрману, и я увидел другую женщину, испуганную. – Я опять назвала тебя не так?

– Все нормально, мисс Истлейк, – и он поцеловал ее в висок, нежно, отчего понравился мне еще больше.

Она мне улыбнулась. Будто солнце выскользнуло из-за облака.

– Пока человек обращается к другому по фамилии, он знает... – Но она потеряла ход мысли, и улыбка начала таять. – Он знает...

– Пора смотреть Опру, – возвестил Уайрман и взял ее за руку.

Вдвоем они развернули ходунки, и она, тяжело ступая,

но на удивление быстро направилась к двери в дальнем конце комнаты. Уайрман шел сзади, не спуская с нее глаз.

В телевизионной комнате главенствовал «самсунг» с большим плоским экраном. В другом конце стояла дорогая аудиосистема. Я не обратил внимания ни на телевизор, ни на звуковую систему. Я смотрел на рисунок в рамке, который висел над полками с компакт-дисками, и на несколько секунд забыл, что нужно дышать.

Рисунок был карандашный, расцвеченный лишь двумя красными линиями, вероятно, выполненными обычной шариковой ручкой, какой учителя правят в тетрадках домашние задания и выставляют отметки. Эти линии прочертили вдоль горизонта, чтобы показать закат. Их вполне хватило. Гениальному лишнего не нужно. Это был мой горизонт, тот самый, что я видел из окна «Розовой малышки». Я знал это точно так же, как знал и другое: Дали слушал, как шуршат перекатываемые водой ракушки, когда превращал чистый лист бумаги в то, что видел глаз и истолковывал мозг. По горизонту плыл корабль, возможно, танкер. Как знать, может, тот самый, который я нарисовал в мой первый вечер, проведенный в доме 13 по Дьюма-Ки-роуд. Стиль, разумеется, не имел ничего общего с моим, но в выборе объекта на горизонте мы совпали.

Под рисунком Мастер небрежно расписался: *Salv Dali*.

Мисс Истлейк (Элизабет) выкурила сигарету, пока Опра расспрашивала Кирсти Элли⁶⁹ о животрепещущей проблеме похудения. Уайрман принес сэндвичи с яйцом и салатом. Их вкус я нашел божественным. Мой взгляд продолжал возвращаться к взятому в рамку рисунку Дали, и, само собой, каждый раз я повторял про себя: «Привет, Дали». Когда появился доктор Фил⁷⁰ и начал бранить двух толстых женщин из зрительской аудитории, которые, очевидно, добровольно вызвались на эту роль, я сказал Уайрману и Элизабет, что мне пора домой.

Элизабет воспользовалась пультом дистанционного управления, чтобы заглушить доктора Фила, потом протянула мне книгу, на которой лежал пульт. В ее глазах читались смирение и надежда.

– Уайрман говорит, что вы как-нибудь придете и почитаете мне, Эдмунд. Это правда?

Иногда приходится принимать решения мгновенно, и тогда я его принял. Решил не смотреть на Уайрмана, сидевше-

⁶⁹ Кирсти Элли (р. 1951) – голливудская кинозвезда. В 2005 году располнела до 200 фунтов, после чего похудела на 75, при этом активно пропагандируя борьбу с ожирением.

⁷⁰ Макгро Филип Калвин (р. 1950) – более известен, как доктор Фил, психолог, телеведущий, часто появляется в программе Опры Уинфри.

го слева от Элизабет. Проницательность, которую она продемонстрировала у стола с фарфоровыми статуэтками, уходила, даже я мог это заметить, но я подумал, что осталось ее еще очень и очень много. Взгляд, брошенный на Уайрмана, подсказал бы Элизабет, что для меня ее просьба – новость, и она бы огорчилась. А я не хотел ее огорчать. Отчасти потому, что она мне понравилось, а кроме того, я подозревал, что на ближайшие год-два жизнь заготовила ей достаточно огорчений. И скоро она станет забывать не только имена.

– Мы об этом говорили.

– Может, вы прочитаете мне одно стихотворение сегодня. По вашему выбору. Мне так этого недостает. Я могу обойтись без Опри, но жизнь без книг скучна, а без поэзии... – Она засмеялась. В смехе слышалась растерянность, от которой у меня защемило сердце. – Все равно что жизнь без картин, или вы так не думаете? Не думаете?

В комнате вдруг стало очень тихо. Где-то тикали часы, но более я ничего не слышал. Уайрман мог бы что-то сказать, но молчал. Элизабет временно лишила его дара речи, невинный трюк, когда дело касалось этого *hijo de madre*⁷¹.

– По вашему выбору, – повторила Элизабет. – Или, если вы действительно сильно задержались, Эдуард...

– Нет, – ответил я. – Нет, все нормально. Я никуда не тороплюсь.

Книга называлась просто «Хорошие стихи». Составил ее

⁷¹ маменькиного сыночка (*исп.*).

Гаррисон Кайлор, который, если бы баллотировался, возможно, стал бы губернатором в той части Америки, из которой я перебрался во Флориду. Я открыл книгу наобум и попал на стихотворение некоего Фрэнка О’Хары⁷². Короткое, то есть уже, по моему разумению, хорошее. Я начал читать вслух:

Ты помнишь, какими мы были тогда
Первоклассными?

И сочный день приветствовал нас яблоком, зажатым
в зубах.

Нет смысла переживать, что Время прошло.
Но тогда у нас водились тузы в рукавах,
И мы проходили крутые повороты, смеясь.

Тогда мы могли питаться зеленой травой на лугу,
Не глядя на стрелку спидометра, мимолетом, несясь
в вышине.

А для вечерних коктейлей нам хватало льда и воды...

Вот тут со мной что-то произошло. Голос дрогнул, слова стали расплываться, будто слово «вода», слетевшее с губ, способствовало ее появлению в глазах.

⁷² О’Хара Фрэнк (1926–1966) – виднейший представитель нью-йоркской поэтической школы, экспериментировал в различных поэтических жанрах. Его стихи – наблюдения за повседневной жизнью людей большого города. Ниже приведено стихотворение «Животные».

– Извините. – Я вдруг осип. Уайрман озабоченно посмотрел на меня, но Элизабет Истлейк улыбалась мне. Словно очень хорошо меня понимала.

– Все нормально, Эдгар. Поэзия иногда действует на меня точно так же. Истинных чувств стыдиться не нужно. Мужчины не симулируют судорог.

– Не прикидываются страдальцами, – добавил я. Голос мой, похоже, принадлежал кому-то еще.

Она ослепительно улыбнулась.

– Этот человек знает Дикинсон, Уайрман!

– Похоже на то. – Уайрман пристально смотрел на меня.

– Вы закончите, Эдуард?

– Да, мэм.

И я б не хотел стать моложе или быстрее,
Если бы только вы были со мной и сейчас,
О, лучшие дни моей жизни⁷³.

Я закрыл книгу.

– Это все.

Элизабет кивнула.

– А какой был лучшим из ваших дней, Эдгар?

– Может, эти, – ответил я. – Я надеюсь.

Она вновь кивнула.

– Тогда я тоже буду надеяться. Человеку разрешено наде-

⁷³ Перевод Ксении Егоровой.

яться. И вот что, Эдгар...

– Да, мэм?

– Я хочу быть для вас Элизабет. Становиться мэм в конце жизни – это не для меня. Мы понимаем друг друга?

Теперь кивнул я.

– Думаю, понимаем, Элизабет.

Она улыбнулась, и слезы, которые стояли в ее глазах, упали. Потекли по старым и испещренным морщинами щекам, но сами глаза оставались юными. Юными.

V

Десять минут спустя мы с Уайрманом вновь стояли у схода с мостков Palacio. Он оставил хозяйку дома с куском островного лаймового пирога, стаканом чая и пультом дистанционного управления. У меня в пакете лежали два уайрмановских сэндвича с салатом и яйцом. Он сказал, что они испортятся, если я не возьму их с собой, и ему не пришлось долго меня уговаривать. В придачу я попросил у него две таблетки аспирина.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.